

82. В(2Р-Балк)491.06

Д-252

1259989

ДЕБЕТ ЗЛАТОЛИКИЙ И ЕГО ДРУЗЬЯ

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК
1973

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КБАССР

ПЕРЕВОД С. ЛИПКИНА

ДЕБЕТ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
(НАЦИОНАЛЬНАЯ) ГИМНАЗИЯ
Кабардино-Балкарской Республики
г. Нальчик, ул. Иогмова, 42

Ф 9С (Балк.-Кавказ.)

Д 25 2

© Издательство «Эльбрус», 1973 г.

Д $\frac{0733-108}{M 125 (03)-73}$ БЗ-73

СЛОВО ОБ ЭПОСЕ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

В богатом и разнообразном устном поэтическом творчестве балкарского и карачаевского народов одно из главных мест занимают величественные эпические сказания о богатырях-нартах.

До последнего времени было широко известно, что эпос о нартах, созданный много веков назад предками народов, населяющих ныне Северный Кавказ, бытует главным образом у осетин и адыгов (кабардинцев, адыгейцев, черкесов).

Сравнительно недавно — немногим более десяти лет назад — перед миром предстали во всей полноте абхазские нартские сказания.

Предлагаемая вниманию читателя книга — первое издание нартского эпоса балкарцев и карачаевцев на русском языке.

Нельзя сказать, что о бытовании нартского эпоса среди этих двух народов до сих пор ничего не было известно.

Уже в конце прошлого века на страницах кавказского периодического издания «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (в первом, третьем и шестом его выпусках) были опубликованы сказания о главных героях балкаро-карачаевского эпоса — Ёрюзмеке, Карашауае, Рачикау, Сосуруко. Записи и публикации балкаро-карачаевского героического эпоса принадлежали первым представителям национальной интеллигенции — братьям Сафару и Наурузу Урусбиевым и прогрессивно настроенным русским — акад. Вс. Ф. Миллеру, проф. Л. Г. Лопатинскому, проф. А. Н. Дьячкову-Тарасову, Н. П. Тульчинскому, П. Острякову, М. Алейникову. И хотя эпические тексты были опубликованы только в русском переводе, значение их трудно переоценить: русские ученые сохранили до наших дней уникальные образцы, по которым мы можем судить

о том, как рассказывали о героях-нартах балкарские и карачаевские сказители почти сто лет назад.

После Великой Октябрьской революции, когда карачаевцы и балкарцы получили национальную письменность, были открыты школы, научно-исследовательские институты национальной культуры, интерес к устной народной поэзии небывало возрос. В довоенные годы было записано большое число фольклорных текстов; к сожалению, нартские сказания почти не записывались, главное внимание было уделено другим жанрам устного творчества балкарцев и карачаевцев. В 1939—1940 гг. в Балкарнии и Карачае были проведены экспедиции по сбору фольклорно-лингвистического материала. Их участники записали значительное количество эпических текстов, но эпос не успели издать, и в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками Нальчика эти тексты погибли вместе со всем архивом Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Лишь незначительную часть этих материалов удалось разыскать в 1957 году.

С 1958 года Кабардино-Балкарский и Карачаево-Черкесский научно-исследовательские институты развернули большую работу по собиранию фольклора карачаевцев и балкарцев. Материалы, собранные фольклорной экспедицией КБНИИ в 1959 году, вошли в «Антологию балкарской поэзии».

Самые значительные записи балкаро-карачаевского нартского эпоса были сделаны совместной фольклорной экспедицией КБНИИ и КЧНИИ в 1965 году. Экспедиция работала во всех районах Балкарнии и Карачая.

Материалы, собранные экспедицией, легли в основу книги «Нартла» (Малкъар-Къарачай нарт таурухла)—первого издания нартского эпоса балкарцев и карачаевцев на языке оригинала.

Предлагаемая вниманию читателей книга «Дебет Златоликий и его друзья» — это перевод на русский язык сказаний, опубликованных в книге «Нартла». Кроме того, часть текстов извлечена из дореволюционных источников. Перевод осуществлен поэтом С. И. Липкиным, перу которого принадлежат переводы многих эпических произведений народов нашей необъятной Родины, в том числе нартских сказаний кабардинцев и абхазцев.

Кто же такие карачаевцы и балкарцы, какое место занимают они среди народов Северного Кавказа, живущих в братском единстве?

Карачаевцы и балкарцы издавна заселяют северные склоны центральной части Главного Кавказского хребта. Они родственны по происхождению и языку и в далеком прошлом составляли единый народ. В настоящее время балкарцы проживают в Баксанском, Чегемском, Хуламо-Безенгийском, Черкеском ущельях и в предгорных и равнинных населенных пунктах Кабардино-Балкарской АССР, а карачаевцы входят в состав населения Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. Они заселяют Карачаевский, Майкокарачаевский, Зеленчукский, Прикубанский и Урупский районы.

Балкарцы в прошлом не имели общего самоназвания, как, например, соседние с ними кабардинцы, черкесы и адыгейцы, которые именуют себя «адыгэ».

В письменных источниках на русском языке «каррачиолы» (карачаевцы) и «болхары» (балкарцы) эти народы упоминаются, начиная с первой половины XVII века¹.

Этническим термином для обозначения самоназвания у балкарцев служил географический термин «таулула» («горцы», «жители гор») или «таулу» («горец» ед. ч.). Термин «таулу» у балкарцев применяется и к языку — «тау гил» («горский язык»), «тауча» («по-горски»).

Русское название карачаевцев и балкарцев «...происходит от самоназвания «къарачайлыла» и «малкъарлыла», причем, последнее вошло в русский язык через кабардинский, где оно звучит бэлкъэрхэр (ед. ч. бэлкъэр)»². Карачаевцы всех балкарцев называли «малкъарлыла», а сами балкарцы этим именем называли жителей только Черкесского ущелья.

С начала XX века название «малкарлыла» («балкарцы») распространилось на весь народ.

До Великой Октябрьской социалистической революции в официальных документах и в печати Балкария часто называлась «Пять горских обществ Кабарды», а население этих об-

¹ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. В кн.: «Кавказский этнографический сборник», вып. 4. М., 1969, стр. 79—81.

² Там же, стр. 55.

ществ — «горскими татарами», а иногда балкарцами, хотя сами балкарцы чаще всего называли себя по имени ущелья, где они проживали: жители верховья реки Западный Черек — безенгевцами (бызынгылыла), среднего течения той же реки — хуламцами (хотамлыла), Чегема — чегемцами (чегемлиле) и т. д.

Карачаево-балкарский язык относится к западной ветви тюркских языков и вместе с кумыкским и караймским составляет здесь особую подгруппу.

Мы уже говорили, что родственные по происхождению, общности исторических судеб и языку балкарцы и карачаевцы в прошлом составляли единый народ. И фольклорное наследие этих народов, созданное в период их исторической, этнической и культурной общности, является в равной степени достоянием обоих народов. Это — обрядовая поэзия, эпос о партах, сказки (бытовые, волшебные, сказки о животных), историко-героические и лирические песни, загадки, здравицы, пословицы и поговорки. Поэтому и сказания о партах, вошедшие в эту книгу, являются одновременно и карачаевскими и балкарскими.

В глубокой древности далекие предки карачаевцев и балкарцев вместе с предками других народов, населяющих ныне Северо-Западный Кавказ, внесли свою лепту в создание грандиозного эпоса о богатырях-партах.

В народном сознании и в наши дни сохраняется память о партах, как о реально существовавших людях. Недаром многие места и урочища в Балкарии и Карачае связаны с именами эпических героев: Нартуя (букв.: «нартское гнездо», «обиталище нартов»), Нартбора (название местности), Нарт таш («нартский камень»), Къарашауайпы ташы («камень Карашауая»), Нартланы шауданы («нартский родник»), «Сосурукъаны ташы («камень Сосурука»), Нарт къала («Нартская крепость»).

Подобные примеры широко известны у всех народов — создателей нартского эпоса — адыгов, абхазов, осетин. Все это является не только свидетельством былой широкой распространённости эпоса о партах у разных народов Кавказа, в том числе у карачаевцев и балкарцев, — это делает нартских героев очень близкими и современному слушателю или читателю героического нартского эпоса.

Неослабевающий интерес к сказаниям о нартах обусловлен, на наш взгляд, еще и тем, что они впитали в себя многие особенности характера, быта, нравов и обычаев того народа, среди которого они бытуют, отразили своеобразие его психологии и мировосприятия.

Вот почему каждую национальную версию общекавказской «Нартнады» отличает глубокое национальное своеобразие. Об этом хорошо сказал известный советский кавказовед, профессор В. И. Абаев: «Даже беглого знакомства с нартскими сказаниями у разных народов Кавказа достаточно, чтобы убедиться, как при всей близости эти сказания у каждого народа сохраняют черты глубокого своеобразия и самобытности. Я беру на себя смелость утверждать, что безошибочно отличил бы в переводе кабардинский вариант от осетинского, если бы даже не было никаких внешних ориентиров: собственных имен и проч.— настолько отлично и своеобразно их построение, стиль, фактура, художественно-изобразительные средства»¹.

Герои балкаро-карачаевского эпоса — не обыкновенные люди. Происхождением своим они связаны с богами (Сатанай—дочь Солнца и Луны), с фантастическими и сверхъестественными существами (матерью Карашауая* является людоедка—эмегена, герой выращен дикими зверями в расщелине ледника) или просто с чудесными явлениями (Сосурук рожден из камня, его достает мудрая Сатанай с помощью шестидесяти молодых нартов-молотобойцев). И вместе с тем они—обыкновенные земные люди с их мирскими заботами о том, как умиротворить «богоподобного» властелина Фука, как обогнать на скачках зазнавшихся нартов или получить чудесные ножики, которыми владеет нартский кузнец.

Иначе говоря, в сказаниях воссоздается народная жизнь во всей ее сложности и трудности, фантастичность опирается на реальность.

Герои балкаро-карачаевского эпоса наделены лучшими нравственными качествами: они отважны и благородны, мудры, бесстрашны в своей борьбе против зла, тирании и несправедливости. К героям нартского эпоса вообще, балкаро-карачаевского в частности, с полным правом могут быть отнесены слова А. М. Горького: «Наиболее глубокие и яркие, художест-

¹ Нартский эпос. Орджионикидзе, 1957, стр. 29.

* Здесь и дальше мы сохраняем балкарское и карачаевское произношение имен героев эпоса.

венно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа»¹.

В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев отразилась мечта о счастливо устроенном обществе. В одном из сказаний читаем: «Каждый нарт был равен другому нарту, они жили единым обществом». Правда, в других сказаниях читатель встретится и с эпизодами, из которых явствует, что у нартов были богатые и бедные, хозяева и слуги. Такие противоречия свойственны любому эпическому памятнику, который бытует на протяжении многих столетий. Этим можно, собственно, объяснить, что в балкаро-карачаевском эпосе сильно развиты социальные мотивы даже в самых древних его сюжетах. Не случайно главным его героем стал нарт Ёрюзбек, о котором говорится в эпосе:

«Был он рода простого, но правдой ведем,
С детских лет он становится нартским вождем».

Почему же именно на Ёрюзмеке нарты остановили свой выбор? Потому что «несправедливость обожгла его сердце», и ради правды он не побоялся вступить в неравный бой с «богоподобным» Фуком, которому нарты должны были платить непосильную дань. Ёрюзбек призывает нартов больше не платить богу дани — тяжелой и унижительной.

Если осетинский аналог Ёрюзбека — Урызмаг или адыгский Узырмес рисуются важными, величавыми, седобородыми патриархами, балкаро-карачаевский Ёрюзбек, несмотря на некоторые его смешные повадки, — прежде всего боец, пылкий защитник правды. Но победить несправедливость — убить Фука — Ёрюзмеку удалось только с помощью жены — мудрой Сатанай.

Сатанай, дочь Солнца и Луны, становится земной женщиной. Она обладает не только лучезарной красотой, неувядающей молодостью, — она мать и воспитательница нартских богатырей, а где мать, говорит эпос, там и надежда, там начало всех добрых начал. В образе Сатанай олицетворяется весь нартский род и Страна нартов.

В своем устном творении балкарцы и карачаевцы пытаются ответить на вопросы: как стали пахать землю, зажигать огонь в очаге, ковать железо, делать орудия, как впервые возникло на земле зло?

¹ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, стр. 305.

Примечательно, что кавказские горцы, известные своей храбростью, воинственностью, первое зло на земле, первое горе связывают с войной. Горе родилось тогда, говорится в эпосе, когда в первый раз была пролита людская кровь.

Символично вещее кольцо нартов: если на земле шла война, то с него капала кровь, а когда устанавливался на земле мир, с кольца стекало молоко.

Сосурук, этот кавказский Прометей, похищает для нартов огонь, спасает их от гибели.

Знакомясь с эпосом, начинаешь понимать, какое огромное значение придавали балкарцы и карачаевцы огню и камню. «Бог огня стал супругом богини земли»,—сообщает эпос. Огонь и камень, соединившись, составили поэзию горцев. Ёрюзмок оторвал от скалы осколок, сложил возле скалы листья и ветки, а потом ударил осколком скалу так сильно, что посыпались искры. Одни искры улетели на небо и превратились в звезды, другие же упали на ворох листьев и веток, и вспыхнул огонь. Возник огонь из камня, и Сосурук родился из камня, и Дебет, первый нартский кузнец, чудно проник в душу камня, и горцы «сами стали на горные камни похожи».

Недаром на протяжении веков балкарцы и карачаевцы обитали в труднодоступных ущельях Кавказа. Для балкарца и карачаевца горы всегда были живыми, близкими существами. Не зря бытует карачаевская поговорка, гласящая: «Наша мать Кубань, наш отец камень» или «Душа горца в горах».

Если Ёрюзмок — вожак нартов, Сатанай — воспитательница нартских богатырей, мудрая советчица, Сосурук — любимец нартов, то кузнец Дебет — первый нарт на земле.

Он железо добыл — и свой труд он прославил;
На земле он впервые железо расплавил...
У Дебета в груди ярко пламя горело,
Было крепким и твердым железное тело...
Были кровь и душа у него из огня,
Как рукою дотронется он до кремня, —
Раскален докрасна, расплавляется камень.
Сочетались в Дебете железо и пламень.
Бог огня научил его пламенной речи,
Бог земли научил его каменной речи,
Бог воды ему пищу давал и питье,
И открыл он Дебету наречье свое.

Карачаевским и балкарским сказителям по душе с виду неказистый, ничем как будто не примечательный, бедно одетый

богатырь. Таким был Карашауай, внук Дебета Златоликого. Карашауай — скромный, застенчивый нарт, под худым бешметом которого бьется великое сердце и скрывается богатырская сила. В сказаниях о Карашауае наиболее отчетливо проявляется демократический характер эпоса балкарцев и карачаевцев.

Он с приветом и лаской встречал бедняка,
На богатых и сильных смотрел свысока.

Именно у неизвестного Карашауая, а не у кого-нибудь из именитых нартов, был такой конь, о котором всегда мечтал горец-наездник. Скакун Гемуда подстать своему хозяину — с виду пеказист (он даже притворяется при людях хромым, носит кличку «Кляча»), а во время скачек обогнал лучших нартских скакунов и пробил в горах Черекское ущелье, из-под его копыт возникло Чирнк-Кёл (Голубое озеро). Этот конь расширил Чегемскую теснину.

В нартских сказаниях балкарцев и карачаевцев много неподдельного юмора, метких, острых наблюдений, словесная ткань сверкает самоцветами загадок, пословиц, не случайно названных народом «нартскими словами». Иные сказания дошли до нас в виде зарифмованных двустиший, порою встречается разностопный стих (он хорошо воспроизведен С. И. Липкиным в переводе сказания «Пастух Созукку» и некоторых других эпизодов).

Во многих случаях переводчику удалось передать характерные для тюркоязычной поэтики редифные рифмы с повторами:

Он от страсти пылал, на служанку взглянув,
Он пылал и желал, на смуглянку взглянув,
Спозаранку взглянув.

Читая перевод нартских сказаний, читатель отметит некоторые моменты созвучия эпоса с русскими былинами:

Не от ранних туманов дорога темна, —
Это вырвался нар из ноздрей скакуна.
То не черная галочья стая летит, —
Это комья земли из-под конских копыт!

Известный исследователь фольклора народов Кавказа Л. Г. Лопатинский назвал нартские сказания — «раздробленными фрагментами забытой поэмы». Возможно, что многие

может быть, очень важные эпизоды эпоса не дошли до нас, а сюжеты таких сказаний, как: «Созар, сын Гезоха», «Сосурук в подземном мире», «Ох-ох-ох», «Чюерди и Аллахберди», «Конец злоязычного Гиляхсыртана», фольклору балкарцев и карачаевцев известны и вне связи с нартскими сказаниями. Вероятно, они подверглись сильной деформации под влиянием сказочных традиций балкарцев и карачаевцев.

Но и то, что сохранилось до наших дней, достойно названия «Кавказской Иллиады». Несмотря на то, что служители ислама преследовали сказителей за то, что они исполняли нартские «богохульные», «языческие» сказания, народ любовно хранил в своей душе предания о легендарных богатырях-нартах, передавая из поколения в поколение звучные стихи и певучую прозу. Секрет долгожития нартских сказаний — в их высоком художественном совершенстве.

Сказания о нартах сохранились в живом устном бытовании до наших дней. Их можно услышать на полевом стане, во время праздничного застолья и в радиопередачах. Всюду, где живут балкарцы и карачаевцы, живут и сказания о нартах. Эпические тексты бывают прозаические, стихотворные и смешанные, где стихи чередуются с прозой.

Прозаические эпизоды сказываются, а стихотворные поются как героические песни или исполняются под аккомпанемент музыкального инструмента, а иногда декламируются. При исполнении песни певцу обычно подпевают несколько слушателей. Музыкальных инструментов два: сыбызгы (род флейты) и кыль кыбуз (род скрипки).

Исполнители песен у балкарцев и карачаевцев называются жырчы (певец) или таурухчу (сказитель). Если киргизские сказители манасчи исполняют только эпос «Манас», якутские олонхосуты — только эпос олонхо, то сказители карачаевцы и балкарцы исполняют произведения различных жанров — сказки, предания, песни исторические, героические, лирические. В отличие от соседних адыгских гегуако, балкарские и карачаевские сказители не были профессионалами. Пахари, скотоводы на отгонных пастбищах, во время празднеств начинали петь или декламировать. Старики садились в круг, один из них приступал к повествованию, остальные слушали, подсказывали пропущенные эпизоды, излюбленные места, частности. Рассказав какой-нибудь эпизод, сказитель передавал черед следующему. Как и в старину, народные сказители и ныне пользуются

всенародным уважением. Без их участия не проходит ни одно торжество в ауле. Их имена известны в каждом ущелье.

Публикуемые в этой книге сказания записаны в основном со слов лучших современных знатоков и исполнителей балкаро-карачаевского эпоса — Д. Малкондуева, Х. Биттирова, Р. Аджиева, Х.-О. Эбзеева и др.

А. ХОЛАЕВ.

НАРТ ЁРЮЗМЕК

КАҚ ЁРЮЗМЕК СТАЛ ВОЖАҚОМ НАРТОВ

Нарты были богатырями, меткими лучниками, зоркими охотниками и выносливыми пастухами. Каждый нарт был равен другому нарту, они жили единым обществом и не признавали над собой ничьей власти.

У нарта Схуртука был сын, тоже Схуртук, и у этого еще не старого вонна был мальчик по имени Ёрюзмек. С детских лет Ёрюзмек стал вожаком своих сверстников. Во всех играх, забавах и состязаниях он оказывался самым ловким и сильным. Взрослые люди о нем говорили: «Настоящий нарт получается из этого мальчугана!».

Однажды, когда дети играли посреди селения, увидел мальчик Ёрюзмек, что все жители направляются куда-то в одну и ту же сторону. Один ведет барана, другой несет половину коп-

ченой бычьей туши, третий — кувшины с бузою. Женщина с изможденным лицом держала что-то съестное в щербатой посуде, а за ней бежали ее дети, мал мала меньше, и кричали: «Есть хотим, дай нам чего-нибудь, о мать!».

Ерюзбек удивился: «Есть у этой женщины еда, а дети ее голодные. Дурная она мать, что ли?»

Ерюзбек оставил своих сверстников и побежал за толпою, догнал ее и пристал к людям с вопросами. Белобородый старик державший в руке большой ломоть сыра, сказал мальчику:

— Разве ты не знаешь, Ерюзбек, что пришла пора платить дань рыжебородому, красноликому Фуку. Этот жестокий, криводушный бог живет на небе, но любит дары нашей земли.

Ерюзбек опечалился недетской печалью. Несправедливость обожгла его сердце. Он покинул игры, он удалился от сверстников. Дети и подростки бегали взапуски, метали камни, играли в альчики, боролись, состязались в ловкости и силе, а Ерюзбек бродил по нартскому селению, погруженный в невеселые думы.

— О чем ты думаешь, Ерюзбек, о чем печалишься? — спросили его старики. И услышали ответ:

— Почему, храбрые нарты, непобедимые богатыри, не признающие над собой ничьей власти, с трешетом и унижением платят дань красноликому Фуку, богу с трусливой душою и козлиной рыжей бородой? Я не успокоюсь до тех пор, покуда не сделаю нартов свободными. А если не сделаю, то значит, я — не нарт Ерюзбек!

Родители и родичи со слезами на глазах уговаривали мальчика выкинуть из головы опасные мысли. «Если Фук узнает о том, что ты ему враг, он сотрет всех нас с лица земли», — говорили они в страхе.

Но мальчик стоял на своем:

— Не буду я сыном нартского рода, если не обезглавлю трусливого, красноликого, рыжебородого Фука!

Слова мальчика пристыдили нартов. Они собрались на свой богатырский сход, на пыгыши, и порешили:

— Не будем больше платить Фуку дань, унижающую душу нартов!

А надо сказать, что в тот день, когда полагалось нести дань криводушному богу, рыжебородый Фук опускал в установленном месте с вечно синего неба огромные котлы на железных цепях и нарты наполняли котлы мясом, зерном, сырами, бузою. На этот раз они наполнили котлы камнями.

THE
MAGAZINE OF
ADVENTURE AND
DISCOVERY
PUBLISHED BY
WILLIAM MORROW & COMPANY, INC.

Грохоча, опустились котлы на небесную твердь, и рыжебородый Фук увидел вместо вкусной еды холодные камни нартских гор.

* * *

Заскрипел он зубами, обидой объятый,
Борода его рыжая стала лохматой,
Он сказал: «Обреку непокорных страданию,
Обложу вас невиданной, тяжкою данью.
Мне теперь не сыры, не копченые туши,—
Принесете живые и юные души:
Я джигитов потребую, силой известных,
Я потребую девушек самых прелестных!»

От меня вы дождетесь неслыханной кары:
Уничтожу я бурею ваши амбары,
На поля я низвергну губительный град,
От жары все отважные нарты сгорят.
В негасимом огне я сожгу каждый дом,
Затоплю вашу землю кровавым дождем.
Иссушу нартский род зноем долгим и жгучим,
Всё, что дышит, цветет,—станет пеплом летучим!»

Услыхав те угрозы, собрался на сход,
На великий ныгыш нартов доблестный род.
Были нарты в печали, понять не умея:
Кто защитою станет от бога-злодея?
Порешили: «На сход Сатанай позовем:
Эта девушка ясным сверкает умом!»

Сатанай на ныгыш прибежала бегом:
«Пред каким вы трепещете грозным врагом?»
К старикам обратилась: «Откуда тревога?»
Говорят старики: «От жестокого бога.
Хочет Фук истребить нартский род, нартский край.
Ты умна, Сатанай. Дай совет, Сатанай!»

Сатанай—им в ответ: «Вот хороший совет.
Пусть и панцирь, и меч изготовит Дебет,
Чтобы меч не сумел их рассечь, а стрела
Чтобы эти доспехи пробить не смогла.

Пусть отравой зменной оп стрелы отравит,
И тогда-то их в цель меткий лучник направит.
Нартский меч пусть любого врага обезглавит,
А стрела пусть гранитный утес окровавит.
Соберитесь вы в Нижнем Селенин вокруг.
Из земли извлеките воздушный бурдюк,
И в гнездо, где находится Фук криводушный,
Ерюзмека доставит бурдюк тот воздушный,
И увидев его, и узнав о беде,
Фук, живущий на небе в орлином гнезде,
Заскрежещет клыками, как вепрь туполобий,
И мешки под глазами разбухнут от злобы,
Вспыхнут искры от скрежета этих клыков,
Хлынут слезы из этих набухших мешков.

Вступят воин и бог в поединок смертельный.
Рухнет крепость-гнездо в синеве беспредельной.
Загорится от взмахов мечей небосвод,
Гордой удалю нартский прославится род.
«Меч бессилен,—подумает Фук в содроганье.—
Не вонзится ли мне в недруга зубы кабаньи?»
Но тогда пусть придет супостату конец
От меча, что сработал для нартов кузнец:
Ерюзмок обезглавит жестокого бога,
И покинет селения нартов тревога».

Златоликий Дебет, чтоб врага превозмочь,
В горской кузне оружие готовил всю ночь,
А потом напоил его ядом змеиным.
Нарты двинулись в путь с устремленьем единым,
Землю вырыли войны в Нижнем Селенье,—
И воздушный бурдюк извлекли в удивленье.
Ерюзмок на воздушный уселся бурдюк,
Полетел к облакам, где свирепствовал Фук.

Наконец он увидел орлиную крепость,
Где таилась жестокого бога свирепость.
Меткий лучник стрелу выпускает из лука,
Пробивает стрела крепость злобного Фука.
Фук из крепости вылез, почуяв испуг.
Человека на небе увидел он вдруг!

«Я зовусь Ёрюзмеком. На небо я прибыл
Ради схватки смертельной, тебе на погибель.
Будет ныне за нартские слезы расплата:
Я тебя обезглавлю сегодня, проклятый!
Хочешь — стрелы теперь станут нашим оружием.
Хочешь—силу и ярость мечей обнаружим.
Но воителям храбрым не надобны стрелы:
Лишь мечом побеждает могучий и смелый».

Два меча заблестали—две молнии жгучих.
Стала крепость шататься в испуганных тучах.
Удлинявшийся меч Ёрюзмека с размаха
Твердь небесную делал добычею праха.
Долго бился с отважным противником Фук,—
Выпал меч у жестокого бога из рук.
Он подумал: «Зубами его загрызу,
И мне станут покорны людишки внизу».
Но его обезглавил мечом Ёрюзбек.
Ярость злобного бога погасла навек.

* * *

О погибели бога, враждебного людям,
Есть еще одна быль,—и ее не забудем.

КАК ЁРЮЗМЕК УБИЛ КРАСНОЛИКОГО РЫЖЕБОРОДОГО ФУКА

Ёрюзбек, сын Схуртука, — всех нартвов глава.
Обладал он отвагой и силою льва.
Был он рода простого, но, правдой ведом,
С детских лет он становится нартским вождем.
Большеглазый, с усами, что цвета каштана,
Верный слову и враг лицемерья, обмана,—
Вот каков Ёрюзбек, этот нартский уздень!*
В детстве много невзгод он терпел каждый день,
И он понял, что самая тяжкая мука—

* Уздень — вольный крестьянин.

Безграничная власть красноликого Фука,
Что для нартов страшной притеснителя нет!
Стал он с Фуком бороться с двенадцати лет,
А с двенадцати лет мальчик стал чабаном.

Фук приехал на пастбище, вспомнив о нем.
«Дай баранов!» — потребовал у мальчугана.
Ёрюзмек ему выбрал худого барана.
Поднялась красноликого Фука рука,
Дважды плетью своей он огрел смельчака,
И увел он двенадцать баранов из стада,
И решил мальчуган: «Отомстить ему надо!»
Глубоко, до поры, он таил свою месть,
И росли его сила, бесстрашие и честь.
Сатанай многомудрую выбрал он в жены,
Рассказал ей однажды, врагом возмущенный:

«Фук приехал, внезапно и злобно нагрянув,
У меня он потребовал много баранов.
Я и выбрал худого, притом—одного,
Отказался жестокий мой враг от него,
По спине отхлестал меня плетью сердитой.
А на пастбище прибыл он с дьявольской свитой,
Был я молод, ему я казался в забаву,
Учинил надо мной, над мальчишкой, расправу,
Он двенадцать баранов увел у меня,—

Не забуду я этого черного дня!
И язвит он, и жалит меня, краснолик,
И насмешками жарит меня, как шашлык.
Не прощу красноликому Фуку обиду,—
С нартской местью на битву с противником выйду!
Скачет Фук на свирепом и сильном драконе,
А его не догонят ни ветры, ни кони:
Как рассердится, пламя взметнется в глазах,
Как встряхнется,—обрушит утесы в горах!»

Ёрюзмеку совет подала Сатанай:
«Чтобы месть совершить, в камыши ты ступай.
Там живет алмосту*, безобразна лицом,
Каждый день она зайца съедает живьем.

* Алмосту — мифическое существо в образе уродливой женщины.

Яму вырой глубокою в тех камышах,
Вслед за зайцем направь свой внимательный шаг,
И поймав, привяжи возле ямы косога.
В той же яме ты спрячься до часа ночного.
Как придет алмосту,—ты ее задуши,
И чудовища шкуру надень ты в тиши,
И ступай к завидущему Фуку в сарай,
Там его ты схвати, там его покарай!»

Принял этот совет Ёрюзмек и в тиши
Осторожно отправился в те камыши.
Там он выкопал яму,—упорный, упрямый,
Там и зайца поймал, привязал возле ямы
Да и спрыгнул, и спрятался в яме глубокой.
Стал высматривать чудище нарт сильноокий.

Всюду рыскало чудище сквозь темноту,—
Запах зайца почуяла вдруг алмосту,
И на зайца набросилась, жадная, сдуру,—
Тут возник Ёрюзмек и содрал с нее шкуру!

Облачившись в ту шкуру, пошел он в сарай,
Поступил, как велела ему Сатанай.
Он в сарае засел, у врага во дворе.
В свой сарай понаведалься Фук на заре,—
Тут схватил его нарт, полон силы великой,
И утратил сознание Фук красноликий,
В прах зарылось багряного цвета лицо.
Золотое, с печатью, носил он кольцо, —
Ёрюзмек снял кольцо, что так ярко лучилось,
Рассказал Сатанай обо всем, что случилось...

Вместе с джинами* двигался Фук красноликий,
С нартов дань собирал он по праву владыки:
Каждый год шестьдесят изобильных столов,
Столько ж валухов, столько ж коров и волов.
Ёрюзмек, рассердившись, затеял с ним спор:
«Тяжкой дани от нас не возьмешь с этих пор.
Много нартам принес ты невзгод и страданий,
Нартской клятвой клянусь: не получишь ты дани!»

* Джинны — духи. в данном случае — злые.

Ерюзмек был могуч, хоть незнатной породы.
Перед ним, красноликий и рыжебородый,—
Перед гневом его грозный Фук трепетал.
Коль хотел Ерюзмек, то по небу летал,
Разгонял, словно ветер, небесные тучи,
Рассекал он булатом гранитные кручи,
В сердце скал прорубал он ворота с размаху.
Фук не выдержал, скрылся на небе со страху,
В жажде мести раскрыл он со злобою рот,
Проклиная весь нартский воинственный род:
«Пусть не выпадет с неба ни капли воды,
Пусть сожжет солнце мира поля и сады!»

Как сказал—так свершилось. Горела земля.
От жары высыхали сады и поля.
Без воды на лугах погибали стада,
Перестало живое родиться тогда,
От беременных женщин, кобыл и овец
Ничего не рождалось. Иль скоро конец?

Нарты думают думу: «Как биться со злом?
Ерюзмека,—решили,—мы к Фуку пошлем».
Поклонились они мудрым женам селенья:
«Как нам быть? Посоветуйте без промедленья!»
Помогли эти женщины в скорби великой:
«Пушку старую прячет семейство Алика
Глубоко под землей. Откопайте орудье,—
Да не будет бесплодья, не будет безлюдья,
Да низвергнется влага из туч и туманов!
В пушку пороха сорок насыпьте батманов*,
Пусть ее зарядит молодой Джамбалат,
А в жерло кусть войдет Ерюзмек—нартский брат.
Пушка выстрелит,—выпустит нарта в полет,
Ерюзмек попадет на заоблачный свод,
Долетит до гнезда красноликого Фука,—
И на этом да наша окончится мука».

Ерюзмек, как велели те женщины, влез
В старый ствол. Грянул выстрел до самых небес—
И взлетел Ерюзмек на заоблачный свод,

* Батман — мера веса, колебавшаяся в разных странах Востока от 131 кг до 5 и даже до 2,5 кг.

В то гнездо, где—он знал—красноликий живет.
Он воскликнул: «Твой день да пребудет благим!
Слушай, Фук, помириться с тобой мы хотим.
Как покинул ты нас,—солнце землю спалило,
Ни одна жеребиться не хочет кобыла,
Ничего не растет,—ни цветок и ни колос,
И в селеньях младенца не слышится голос:
Перестали-то женщины наши рожать!
Долго ль будешь ты нартский народ обижать?
Да не знаешь ты горя, однако взгляни,
Как страдает народ в эти трудные дни!»

Фук отвечал нарту: «Будь проклят век.
О, пусть день твой пребудет плохим, Ёрюзек!
О, на трупе твоем пусть воссядут орлы!
Я бежал от тебя до заоблачной мглы,
Ты не дал мне приюта на тверди земной,
Ты не дал мне господства над нартской страной!»

Так ответив, на землю глаза он уставил.
Вынул меч Ёрюзек и его обезглавил.
И тогда супостат покорился безглавый,
До полудня в тот день лился ливень кровавый,
Но полился потом чистый дождь, светлый дождь,—
В сердце нарта умножил он радость и мощь.
Стала ярче земля, плодороднее, чище.
Ёрюзек находился в небесном жилище,
Но воздушному, преданному скакуну
Сатанай приказала взлететь в вышину.

Гром гремит—Ёрюзек на воздушном коне
Приближается к нартской желанной стране.
От насилня Фука людей он избавил,
И его нартский род благодарно восславил.
Он боролся со злом на просторе земном,
Нарты песню такую сложили о нем:

«Ёрюзек был свободный уздень,
Он трудом начинал каждый день,
Ни пред кем не склонялся век...
Кто же все-таки был Ёрюзек?
Он родился в горах среди скал,
На равнине он рос и мужал,

Супостатов рубил, полон сил,—
Так рубил, будто сено косил!
Қареглаз, а усы—что каштан.
Богатырский у всадника стан
И каракуля брови черней.
Был он в клятве—гранита прочней.
Враждовал с хитрецом и лгуном,
Волчья шуба в накидку на нем.
Нужно ль место почета ему?
Там сидеть неохота ему!

Если пуля иль сабля сверкнет,
Он и глазом тогда не моргнет.
Незнаком он с двуличием был,
А знаком он с величием был.
Был прославлен коня его бег...
Кем же все-таки был Ёрюзбек?

В удалом нартском войске густом
Он казался железным шестом.
Каждый сказ о нем птицей парил,—
Был он сам, как орел, мощнокрыл,
Был он молниевидным огнем,—
Богатырь на коне вороном!»

САТАНАЙ—ДОЧЬ СОЛНЦА И ЛУНЫ

Сатанай рождена милоокой Луной,
Солнце, неба властитель,—отец ей родной.
Джелмауз*, бог морской, отнял дочь у Луны
И на остров унес, в дальний край тишины.
Много лет он держал ее в крепком плену,
Он в отчаянье Солнце поверг и Луну.

У Луны потускнели от горя глаза,
Выжигала их солью печали слеза.
Потому-то на небе и шум, и волненье,
И Луны происходит и Солнца затменье,

* Д жел ма уз — дракон; существует легенда, что это чудовище проглотило луну, — потому и происходит затмение.

Потому-то порою все небо во мгле,
Недостаточно света на нашей земле.

Кличут звезды они, чтоб наплакаться вволю,
И на землю взирают с надеждой и болью.
Всем вопрос задают: «Где их дочь Сатанай?
Где ее заточенья неведомый край?»
Но не знает никто, где сокрыта девица,
А спросить Джелмауза—не могут решиться.
Вот и плачет Луна день за днем, день за днем,
Низвергаются слезы на землю дождем,
В сердце Солнца—палящее пламя смятенья,
От него на земле высыхают растения.

Но пылает ли Солнце, Луна ль горько плачет,—
Их дитя похититель на острове прячет,
Возвратить не желает родителям дочь,
Этот остров окутал он темным, как ночь,
Непроглядным туманом, а сам, в глубине,
На морском, на просторном покоится дне.

Лишь богиня воды лаской девушку тешит
И волос ее золото пальцами чешет,
Но сжимается пленницы сердце тоской,
Ей отрады рассвет не приносит морской.
А слезами легко ль каждый год проводить?
И придумала ночью однажды бежать.
Вот, покрасив лицо, эта узница горя
По земле островной вышла на берег моря.
Увидала она сквозь счастливые слезы,
Что плывет ей навстречу доска из березы.
Села, стала грести, и на влажной дороге
Послужили ей веслами руки и ноги.
Ветер гнал ее к суше, придав быстроту,—
На земле подобрали ее алмосту.

Увели Сатанай, — в темной чаще густой
Угостили обильной и вкусной едой.
Ей высокий почет оказали при встрече,
Только чудища дара не ведали речи.
Занялись они как-то игрой-беготней,—
И увидели холм на поляне лесной.
Исходила тяжелая вонь от холма,

Унесла от чудовищ остатки ума,
Алмосту без сознания упали мгновенно:
Этот холм дряхлолетнею был эмегеной*.

В темной чаще она прожила семь столетий.
Алмосту от нее убежали, как дети.
Сатанай растерялась, на месте осталась,
И все ближе чудовище к ней придвигалось.
Одноглазая к ней приближалась беда!
Сатанай на нее посмотрела тогда,
Красота Сатанай светозарно зажглась,
Ослепив эмегены единственный глаз.

Стала камни кидать она с мезтью горячей,
Стала глину глотать она в злобе незрячей.
На скаду поднялась и с обрыва свалилась,
О подводные острые камни разбилась.

Сатанай сквозь листву побрела поутру.
Ей одной-одинешеньке страшно в бору.
Листья, звери со всех обступают сторон,
Не пойти ли ей к богу земли на поклон?
Проходила она сквозь густые места,—
Камни гор озаряла ее красота,
Ветры, встретив ее, замедляли свой бег,
Перед ней замирало течение рек.
Устремит она вдаль светоносные очи,—
И становятся яркими темные ночи.
Но безлюдны и лес, и гора, и равнина,
Чтоб поесть, не найдется и крошки гырджына**.

Шла и шла, и неделям не знала числа,
Наконец до селения нартов дошла.
На окраине встретила с женщиной мудрой,—
Эта женщина сжалилась над златокудрой,
И в кладовке своей Сатанай поместила
И, от нартов скрывая, кормила, растила.
Ёрюзмеку о девушке весть принесла,—
Сатанай за отважного замуж пошла,

* Эмегены — одноглазые чудовища.

** Гырджыны — кукурузная или ячменная лепешка.

И уму-разуменью учась у жены,
Ёрюзмек превратился в опору страны.
Сатанай стала матерью нартского рода,
Ёрюзмек стал отцом и вожатым похода.

САТАНАЙ СПАСАЕТ ЁРЮЗМЕКА ОТ ГИБЕЛИ

Жил у нартвов сын Фука, бесчинства творя.
Зложелатели в нем обрели главаря.
Он решил умертвить, уничтожить отравой
Ёрюзмека со всей его громкою славой.
Сатанай догадалась о замысле злобном
И пришла к Ёрюзмеку с рассказом подробным.
Ёрюзмеку она продырявила горло,
Хитроумная, трубочку вставила в горло,
И сказала: «Тебе не опасен злодей,
Только помни,—бузу через трубочку пей».

Собрались зложелатели в доме Алика.
Ёрюзмек их от мала страшил до велика,
И боялся позвать его недругов круг.
«Я пойду!—закричал мальчуган Сосурук.—
Приведу его, ваши обрадую души,
Если ушки да ножки дадите от туши».

Он пришел, передал приглашение-зов:
«Если хочешь, иди, но поклясться готов,
Что тебя не добро ожидает, а зло».
Закричал Ёрюзмек: «До чего же дошло,
Коль посмели за мною прислать малыша!»
У могучего нарта вскипела душа.

Он явился на пир, что возглавил сын Фука.
«Испытаем, кто лучше стреляет из лука,—
Он сказал.—Цель—подпорка железная дома».
Всем была его нартская меткость знакома,
Испугались и стали стрелять, но вошла
В ту мишень одного Ёрюзмека стрела.
Хоть старается каждый, усилия множит,—
А никто ее вытащить, право, не может.

«Я попробую!» — крикнул малыш Сосурук,
И стрелу без усилий он выдернул вдруг.

Посмотрел Ёрюзмек на врагов-силачей:
«А теперь мы начнем испытанье мечей».
Пришли два отчаянных головореза
Толстый вертел, что был сотворен из железа.
Вынул меч Ёрюзмек и сказал сыну Фука:
«Ты взглядишь, да вперед тебе будет наука,
Твоего обезглавил отца этот меч,
Но, когда голова его падала с плеч,
Я случайно задел его зуб коренной,
С той поры и зазубрился меч мой стальной».
И мечом на две части он вертел рассек,
И, погладив, упрятал свой меч Ёрюзмек.

Предлагают воителю место почета,
Но занять это место ему неохота.
Пьют хмельную бузу всей веселой оравой,
И ему предлагают бузу, по с отравой.
Через медную трубочку пьет он бузу.
Льется наземь буза, — лужа, лужа внизу!
«Пьян старик, под себя он мочиться привык,
Да умрет он сейчас!» — поднимается крик.

Поднял чашу свою злоязычный смутьян, —
Поднял чашу с проклятием Гиляхсыртан:
«У врага, у которого зубы кабаньи,
Да затупятся зубы в тоске и страданье,
Да съедят кабана до кости муравьи!»
Но слова Ёрюзмек возглашает свои:
«Да вовек не затупится зуб кабана,
Муравьиная рать да не будет страшна!»

Как сказал он, — так сразу же дверь на запор,
Вынул меч, — да врагов покарает, остер!
Зложелателей кровь заалела вокруг.
«Всё убил, порубил!» — закричал Сосурук.
Вышиб стену ударом, ворвался он в дом,
Ёрюзмека он на руки поднял с трудом,
И отнес его мальчик к воде ручейка,
И от грязи и крови омыл смельчака.
Посадил на коня и отправил домой.
Стал беседовать нарт с многомудрой женой.

Вопросила его Сатанай: «По добру,
По здоровью ль пришел? Что узнал на пиру?»
«Был там ловкий малыш. Как в года он войдет,
Будет всюду его славословить народ».
«Ты хотел бы, чтоб это был младший твой брат?»
«Не хотел бы: недаром у пас говорят:
Коль сильнее ты брата,—имеешь ты брата,
Коль слабее,—имеешь ты в нем супостата».
«Ты хотел бы, чтоб мальчик был сыном твоим?»
«Я хотел бы, да счастьем богат ли таким?»
«Так узнай: он твой сын. Он—опора-скала,
Чтобы старость твоя опереться могла».

КАК САТАНАЙ ОБМАНУЛА ЁРЮЗМЕКА

Далеко ускакал Ёрюзек тонкостанный.
У костра на дороге плясали шайтаны.
Старый черт к нему вышел в вечерней тиши.
«К нам иди,—предложил ему,—с нами спляши».
Тут и прочие черти, что буйно плясали,
Обступили его, с криком под руки взяли
И сказали: «Сердиться не надо на нас,
Волчью шубу сними да вступи с нами в пляс».

Ёрюзек и не знал, что шайтанов он встретил:
Ног мохнатых, кривых и рогов не заметил.
Скажут бесы: «Направо»,—идет он направо,
И налево идет, как прикажет орава,
И плясать он старается быстро и ловко...
Высока и красива, подходит бесовка,
Говорит Ёрюзеку: «Возьми меня в жены».
«Я возьму»,—отвечает ей нарт восхищенный,—
Я домой поскачу и приеду назад».
Отпустить его черти никак не хотят.
Но один у бесстрашного нарта ответ:
«Я жены должен выслушать раньше совет».
Говорит: «Непременно приеду к вам снова».
И поверили черти в то нартское слово.

Он приехал к себе в поздний час полнолуныя.
А жена его умница—да и колдунья!

Он в окно постучал, но, хитра и умна,
Быстро двери пред ним распахнула жена.
Говорит: «Заходи, муженек дорогой!»
Отвечает ей парт: «Не зайду я домой,
Я немедленно должен вернуться обратно».
Но хитра Сатанай, Сатанай всё понятно,
«Заходи,—говорит,—и поешь, а потом
Ты поедешь каким тебе надо путем».

Он вошел и поел, пил бузу из кувшина,
Рядом села жена, с ним беседа чинно.
Долго пил он бузу, долго вел разговор,
Посмотрел он в окно,—светлым сделался двор.
Ёрюзек на копе поскакал поутру.
Он дорогу к бесовскому ищет костру.
Скачет вверх, скачет вниз, а шайтанов не видно.
Повернул он домой, — ох, как было обидно!

Места дома не сыщет, не ляжет, не сядет,
С ним беседы никак Сатанай не наладит.
Наконец он сказал: «Белый свет мне постыл.
Ах, какую красавицу я упустил!
Забери то, что ценишь ты больше всего,
Поскорее из дома уйди моего!»

А ему Сатанай: «Что ж, уйду я сейчас,
Для меня, муженек, твое слово—приказ,
Только прежде чем мы разойдемся навек,
Сядем рядом, попьем, поедим, Ёрюзек,
По-хорошему этот покину я дом».
Посидели—и пили, и ели вдвоем.
Сытной пищей, хмельною бузой усыплен
Ёрюзек погрузился в бесчувственный сон.

Сатанай наклонилась над сонным супругом,
А потом приказала работникам-слугам,
Чтоб они положили его на арбу,
И поехала, новую выбрав судьбу,
Но уехала с мужем из дому жена.
Ёрюзек пробудился от крепкого сна:
«Эй, колдунья, тебе говорю я, тебе,—
Ты куда меня нынче везешь на арбе?»

«Ты сказал мне: «Из дома уйди моего,
Но возьми то, что ценишь ты больше всего»,—
И взяла я тебя, и домой к себе еду».
«Ты, жена, надо мной одержала победу,—
Ей сказал Ёрюзбек.—Возратимся домой,
И прости мне поступок бессмысленный мой.
А себя самого не прощу я, поверь,
Будем жить мы в любви и согласи теперь».
Помирились, тотчас же вернулись домой,
Стали жить они дружной, согласной семьей.

ЁРЮЗМЕК И ПЛЯШУЩИЕ БЕСЫ

Сказывают, что не один раз встречал Ёрюзбек на своем пути шайтанов. Однажды он спустился с гор на равнинные земли. Увидел нарт на степном пастбище табун одномастных коней. Погнав Ёрюзбек этот большой табун в селение нартов. На дороге всадника застигла ночь. Он сделал из сухих веток и сучьев плетень, загнал табун в загон и сам прилег на отдых. Лежит, не спится ему. Оглянулся вокруг,—заметил вдали пляшущее пламя. Вынул нарт меч из ножен и поскакал на свет костра. Оказалось, что не только пламя плясало,—плясали бесы вокруг костра. Ёрюзбек вступил в бесовский круг, размахнулся, стал рубить мечом направо и налево, но меч не страшен шайтанам, разбежались мохнатоногие, рогатые бесы кто куда, а Ёрюзбек, вздыхая, вернулся к месту своего ночлега.

Только прилег,—снова услышал шум: бесы со смехом вернулись к пляшущему пламени и опять пустились в пляс вокруг костра. «Видно, мечом бесов не истребить,—подумал Ёрюзбек,—надо придумать другой способ, похитрее».

Нарт направился к бесам во второй раз. Присмотрелся к ним,—оказалось, что две бесовки были очень красивы, понравились они богатырю. Подхватил он под руки обеих бесовок, пустился с ними в буйный пляс, прижимая к груди то одну, то другую. «Понравились нарту Ёрюзбеку наши девушки»,—решили бесы и сказали:

— Послушай нас, богатырь. Какую из красавиц пожелаешь, ту и возьми себе. Она будет с тобой нежна и ласкова, а с твоей возлюбленной женой Сатанай—почтительна, как служанка.

Ёрюзбеку слова бесов пришлись по душе. Он спросил:

— А какой калым вы потребуете?

Бесы сказали:

— Калымом да будут три головы: первая голова—того, кто под тобой. Вторая голова—того, кто на твоей голове. Третья голова—того, кто у твоей поясницы.

Понял Ёрюзек, что шайтаны требуют его коня, его шлем и его меч. «А без шлема, коня и меча лишусь я богатырской силы, погубят меня шайтаны»,—подумал хитрый нарт и сказал:

— Согласен, дам все, что вы потребуете. Только знайте, что на моем шлеме изображен бог охоты, боюсь, что он рассердится на меня, если отдам вам его изображение. Надо мне посоветоваться со своей хозяйкой, не спросив ее, не могу вам отдать богатырский шлем.

Бесы, подумав, дали такой ответ:

— Пока не высохнет ночная роса, мы будем тебя ждать на этом месте, а когда рассветет,—исчезнем.

Нарт обещал бесам, что вернется до рассвета: он надеялся на быстроту своего коня. Помчался всадник быстрее ветра: очень уж ему хотелось раздобыть одну из красавиц-бесовок, решил он, что вернется к пляшущим бесам с запасным конем, с запасными мечом и шлемом.

Сатанай допоздна ждала мужа. Недаром она была рождена Солнцем и Луной, разгадала верная жена намерения Ёрюзема и решила отвлечь его от бесовки. Когда, уже в полночь, Ёрюзек прискакал к порогу своего дома, он постучал в окно, ибо думал, что в такой поздний час дверь заперта на засов. Вдруг до него дошел голос жены:

— Кто этот наглец, что в полночное время стучит в окно? Парень, что ли, пришел к любимой девушке? Здесь живет честная жена, если кому понадобится войти в мой дом, то на это есть дверь!

Ёрюзек вошел в дом, и Сатанай встретила мужа с лаской, накормила его, уложила спать. Нарт ей сказал:

— Разбуди меня, как только начнет светать.

Но Сатанай была хитрее своего мужа. Дочь Солнца и Луны сотворила волшебное ночное небо, усыпанное звездами. Едва беспокойный Ёрюзек просыпался, он видел в окне горящие звезды ночи. «Еще далеко до рассвета, успею прискакать к бесам»,—думал уставший после долгой дороги нарт и засыпал вновь. Уже приближался полдень, когда Сатанай приказала исчезнуть обманному ночному небу. Жаркое солнце ударило Ёрюзему в глаза.

Когда нарт проснулся и увидел, что день давно разгорелся,

он сильно рассердился на колдунью-жену. Не пожелал Ёрюзмок с ней остаться, отправился путешествовать.

Прошло много времени, а предводитель партов не возвращался. Никто не знал, куда он уехал и почему уехал. Однажды парты собрались на кухне и стали рассуждать:

— Почему так долго не возвращается Ёрюзмок? Неизвестно, куда он уехал, а Сатанай живет в горьком одиночестве. Неужели не сыщется среди славных партов джигит, который спускал бы любовь красавицы Сатанай?

— Я тот джигит, — похвастался кузнец Алауган, сын первого партского кузнеца Дебета. Все рассмеялись. Хотя Алаугану было немало лет, он до сих пор оставался холостым.

— Зря ты бахвалишься, зря хвастаешь, — сказали парты, — На таких, как ты, Сатанай и не взглянет, а если и взглянет, то обманет. Ох, начал ты глупеть, сын Дебета!

Тогда Алауган достал из кармана три небольших ножа и бросил их на землю. Три ножа превратились в трех красивых, стройных юношей. Алауган ударил каждого из них по щеке, и они снова стали тремя ножами. Кузнец спрятал их в карман и сказал партам:

— Видите, какое чудо я способен сотворить? С помощью волшебных ножинок я добыю от Сатанай всего, чего пожелаю.

Алауган пришел к Сатанай. Ее вечно юная красота обожгла глаза пожилого, неженатого парта-кузнеца. Жена Ёрюзмек встретилась почтительно сына Дебета, поставила перед ним вкусное угощение. Алауган вынул из кармана три ножики и бросил их на пол. Ножики превратились в трех молодых и стройных красавцев. Юноши понравились жене предводителя партов. Она сказала Алаугану:

— Если ты мне дашь этих джигитов, то получишь от меня взамен золото и драгоценные камни.

— Твое тело — самая большая драгоценность, — сказал Алауган. — Дай мне его и ты получишь взамен трех джигитов.

— Приходи ночью, — сказала Сатанай, но ее согласие было обманом. Она придала одной из служанок свой образ, и, когда ночью пришел кузнец, чародейка Сатанай приказала служанке исполнить все его желания.

Но вот в окне блеснул рассвет и наваждение исчезло. Увидел Алауган, что с ним не вечно юная Сатанай, а ее служанка. Плюнул в сердцах кузнец, и плевок его попал на стену. А так как у кузнеца всё черно внутри и снаружи от копоти и дыма, и плевок оказался черным, и надолго осталось на стене черное пятно.

Много ли, мало ли времени минуло, а вернулся Ёрюзбек домой. Посмотрел на стену, а там пятно чернело,—след плевка мужчины. Решил предводитель нартов, что изменила ему в его отсутствие колдунья-жена, что приходил любовник в дом Сатанай. И Ёрюзбек, полный печали, опять сел на коня и поскакал неведомо куда, и долго странствовал по дорогам земли.

ЁРЮЗМЕК, БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ И ЧЕРНАЯ ЛИСИЦА

Однажды Ёрюзбек надел боевые доспехи, сел на коня и отправился в путь: решил на белый свет посмотреть. Долго он странствовал и вот добрался до подножья незнакомой горы. Подумал: «Здесь на отдых стану».

Богатырь спешился, снял седло, а коня пустил на траву: не было у него обыкновения спутывать своего надежного друга. Редко они разлучались, конь и всадник, а если и разлучались на короткое время, то конь всегда находил хозяина.

Вот пасется конь на лугу, седло лежит на шне, а Ёрюзбек идет по высоким травам. Видит он вдали, на скале, белого оленя необычайной красоты. «Эге,—подумал Ёрюзбек,—драгоценная добыча!» Но только вставил он в лук стрелу, как белый олень плавно взвился и перепрыгнул через горный хребет.

Ёрюзбек за ним. Взобрался нарт на горный хребет, а белый олень снова взвился, легко и плавно, и прыгнул на другой хребет.

Так и пошло у них: Ёрюзбек преследует, а белый олень убегает от него. Наконец, вбежал белый олень в белую крепость. Ёрюзбек обрадовался: «Теперь, —думает,—я его настигну. Славный подарок привезу моей умнице Сатанай!»

Ёрюзбек вступил в крепость, вошел в дом. Навстречу ему—необычайной красоты белая княгиня.

— День добрый, белая госпожа белой крепости,—учтиво приветствовал ее Ёрюзбек.

— А твой день да будет недобрым!—сердито ответила белая княгиня.—Весь день ты преследовал меня: ведь это я была белым оленем. Кому я мешала, когда прыгала с горки на горку? Да будешь ты проклят, да будут гнаться за тобой каленые стрелы!

Белая княгиня поправилась Ёрюзбеку: уж очень была собой хороша! Поняла княгиня, что правится нарту, да он ей, видно, не понравился. Она сказала:

— Сейчас же убирайся из крепости, возвратись к своему очагу. Муж мой страшен в гневе. Если он тебя здесь увидит, то нас обоих превратит в пыль.

Но Ёрюзек не хотел уходить. Силы у него не было, чтобы покинуть такую красавицу. Он сказал:

— Я — парт. У меня на правой лопатке крест. А это знак моей клятвы. А клятва моя такова: если встречу красавицу, подобную тебе, то не вернусь без нее домой.

Пока они беседовали, послышался шум за крепостной стеною. Ёрюзек глянул через окошко вниз и увидел одноглазого эмегена. На одном плече чудовища лежало большое дерево с ветвями и корнями, на другом красовался ветвисторогий олень.

Разве человек, будь он даже партом, может вступить в открытую схватку с эмегеном? Ёрюзек спросил у белой княгини с тревогой и трепетом:

— Как мне теперь быть? Что делать?

— Эх ты, беспомощный, о чем раньше думал? А теперь испугался, спрашиваешь: как быть, что делать? Говорила же я тебе, уходи отсюда,—не послушался. Одно теперь у тебя дело: лезь под нашу кровать.

Ёрюзек спрятался под кровать. Эмеген, тяжело ступая, вошел в дом, сбросил наземь дерево, сбросил ветвисторогого оленя, обнюхал дом, сердито посмотрел единственным глазом на белую княгиню, спросил:

— Кто из чужих есть в доме? Что за живое существо сюда явилось?

— Существо человеческого рода,—ответила белая княгиня.— Пришел сюда человек, умирая от голода и жажды, но, увидев тебя, залез с испугу под кровать. Только он один здесь и есть.

— Хорошо,—обрадовался эмеген.—Мне по вкусу человекье мясо... Эй, мясо рода людского, вылезай!

Ёрюзек вылез из-под кровати, стал перед эмегеном. Эмеген вытаращил свой алчный единственный глаз и приказал:

— Послушай, мясо людского рода, принес я другое мясо, оленьего рода. Сними с оленя шкуру, разруби, раскопи дерево, разведи огонь, свари мясо для меня и белой княгини.

Хотя и сильным был Ёрюзек, да не понадеялся на свою человеческую силу, хотя и богатырем был Ёрюзек, да не понадеялся на свою богатырскую отвагу, не напал на эмегена, решил подчиниться чудовищу. Разрубил, расколочил дерево, освежевал оленя, мясо положил в котел с двумя ушками, развел огонь, сварил мясо. Зажегся огонь и в единственном глазу эмегена:

— Хорошо, человечье отродье, грех ужина да падет на тебя. Возьми, что тебе положено, остальное отдай мне и моей жене.

Ёрюзмок взял себе оленью ногу, остальное отдал эмегену. Но противна была гордому нарту еда эмегеи. Откусил два кусочка и отдал эмегену оленью ногу. Эмеген и белая княгиня съели всё. Потом эмеген вытер лапы о свои мохнатые бока, вытерла и княгиня свои белые, измазанные жиром руки о белые бока, легли эмеген и белая княгиня на деревянную кровать, а гордому нарту велели лечь на полу, на оленьей шкуре. Кровь закипела в жилах богатыря, обида не давала ему заснуть.

В полночь показалась из-под одеяла белая нога белой княгини. Весь дом озарился светом, похожим на сияние солнца. Свет ударил в глаза Ёрюзмоку, невмоготу ему стало, заворочался парт на оленьей шкуре. Эмеген проснулся, вытаращил глаз, крикнул сердито:

— Чего ворочаешься, человечье отродье, спать не даешь! Может, у жены что-то из-под одеяла показалось? Спи, мясо людское!

Так сказав, эмеген захранел. А белая княгиня опять высушила ногу из-под одеяла. Снова ударил в глаза Ёрюзмока свет, похожий на солнечный. Стал богатырь тяжело дышать. Хотелось ему вступить с эмегеном в единоборство, да не решался, и всё ворочался с одного боку на другой, вздыхал, думал. Эмеген снова проснулся, поднялся с постели.

-- Ты, видать, не из рода людей, ты, наверно, из рода шайтанов!

С этими словами эмеген снял со спинки кровати войлочную плеть и дважды огрел Ёрюзмока. Ёрюзмок упал, спина его согнулась, руки сровнялись с ногами: гордый парт превратился в охотничью собаку. Эмеген вывел его на двор, туда, где была свора охотничьих псов. Остался Ёрюзмок с собаками, а верный конь вернулся домой.

Многомудрая Сатанай, увидев коня без седла, поняла, что с мужем стряслась беда. Но была она не только мудрой, была она и колдуньей. Превратилась жена Ёрюзмока в черную лисицу, побежала по следам коня. Утром достигла черная лисица белой крепости. Увидел ее эмеген и натравил на лисицу своих охотничьих псов. Псы погнались за лисицей, но догнать быстрого не смогли, вернулись обратно. Только одна собака продолжала свой гон, и то был Ёрюзмок.

Когда они далеко убежали от прочих собак, черная лисица остановилась, мягко приблизилась к Ёрюзмеку, стала к нему ласкаться, тихо говоря:

— Ёрюзек, гордый парт, вот и стал ты охотничьей собакой. Твоя душа была выше гор и глубже морей— и что же? Вместе со сворой собак эмегена ты преследуешь меня, твою жену. Кто бы подумал, что придет день такого испытания! Поверят ли, что ты был партом? Или, быть может, не был ты партом? Кости мои расплавились, сердце мое в огне. Но не теряй надежды, мой парт, мой муж. Вернись в белую крепость. Когда эмеген начнет кормить своих собак, ты ничего не ешь, толкни поило ланой и разлей. Эмеген тебя бить будет, а ты визжи и вой, да пожалобней. Тогда белая княгиня пожалует тебя, скажет мужу:

— Оставь беднягу в покое, ведь эта собака из рода людей!

А потом ты поступишь так. Войдешь в дом, полезешь под кровать и свернешься калачиком. Ночью, когда эмеген и белая княгиня заснут, ты тихо подойдешь к кровати, схватишь зубами войлочную плеть, ударишь себя плетью и обратишься с мольбой к всемогущему те́йри:*

- Преврати меня снова в парта Ёрюзмека!

Всемогущий те́йри исполнит твою просьбу, а что делать дальше — поймешь сам.

Так сказав, черная лисица скрылась из глаз, побежала жена Ёрюзмека к своему очагу. А Ёрюзек поступил так, как советовала многомудрая Сатанай. Ночью, когда эмеген и его жена крепко спали, охотничий нес вылез из-под кровати, снял со спинки кровати войлочную плеть, сам себя хлестнул этой плетью, обратился с мольбой к всемогущему те́йри — и снова стал человеком. Взял Ёрюзек войлочную плеть, ударил ею по спинке кровати, попросил:

— Эй, всемогущий те́йри, преврати белую крепость в переметную суму такой величины, чтобы в нее вместились всё добро-богатство этой крепости! Потом преврати эмегена в коня такой силы и выносливости, чтобы он, не вспотев, доvez до моего дома и меня, и белую княгиню, и переметную суму огромной величины!

Ёрюзек хлестнул войлочной плетью спящего эмегена. Тот свалился с постели, согнулся, заржал: он превратился в коня. Ударил Ёрюзек по крепостной стене — и крепости не стало:

* Те́йри — верховный бог, глава всех богов.

превратилась она в переметную суму огромной величины. Ёрюз-мек упрятал всё добро-богатство чудовища в переметную суму и погрузил ее на коня. Посадил он в седло еще сонную белую княгиню, сел на коня и поскакал с добычей домой, к многомудрой Сатанай.

Так эмеген стал существом лошадиного рода.

ЁРЮЗМЕК И СТАРЫЙ ЭМЕГЕН

Однажды нарты, собравшись на свой богатырский сход, заметили, что Ёрюзмек печален. Сидит, потупив седеющую голову, молчит. Хотели нарты спросить его о причине печали, да не решались, ибо уважали гордого богатыря, своего предводителя. Наконец Сибилчи, брат Сосурука, осмелился обратиться к Ёрюзмеку с вопросом:

— Почему ты печален, богатырь, почему хмуришься? Что тревожит тебя? Не заболел ли ты?

Ёрюзмек сказал:

— Давно уже гостит у меня старость, приближается день моей смерти. Но покуда я живой, а не мертвый, хочу, как в былые счастливые времена, отправиться в путешествие, посмотреть на бесконечный мир. А печален я потому, что и странствий я жажду, и умереть на чужбине боюсь, вдали от нартов.

На другой день Ёрюзмек повеселел. «Хотя я стар, но я — нарт», — подумал он. Эта дума дала ему силу жизни, он оседлал коня, отправился странствовать. Долго ли, коротко ли скакал он по дорогам земли, а встретился однажды с одноглазым эмегеном, самым старшим из рода одноглазых. Эмеген пас на лугу козье стадо. Недобрым светом мерцало его око посередине лба. Ёрюзмек приветствовал эмегена так:

— Добрый день, сырой живот!

Эмеген, не обидевшись, спросил:

— Эй, хитрец из рода людей, чего ты бродишь по свету, для чего путешествуешь?

— Я из рода людей, но я не хитрец, — возразил Ёрюзмек. — Не опасайся меня.

Тогда эмеген кликнул самую старую козу, велел ей пасти стадо и вечером пригнать его в пещеру, а сам он повел всадника из рода людей в эту пещеру, в свое жилище.

Два дня угощал эмеген Ёрюзмекa сырым, тухлым мясом.

Всё время он проводил с гостем, только раз в сутки на луг навещивался, проверял, хорошо ли коза пасет стадо.

На третий день, возвратясь с пастбища, увидел эмеген, что погас в очаге огонь. Он сказал Ёрюзмеку:

— Вы, хитрецы из рода человеческого, находчивы. Разведи огонь, на это вы, люди, мастера.

— Когда я был молодым,—сказал Ёрюзбек,—а очаг, бывало, погаснет, мы разводили огонь так. С корнем вырывали из земли сосну, ставили ствол под солнце полудня, вспыхивала искра, и ее-то мы и превращали в пламя. А то поступали и так. Из лука пускали в небо стрелу, стрела вонзалась в звезду, падала на землю, разбрасывая искры, — и мы добывали огонь для очага. Теперь я состарился, такие дела мне не под силу, придумай что-нибудь другое, полегче.

— Придумай, придумай, хитрец из рода людей, — взмолился одноклазый.—Если не придумаешь, то как я буду жить без огня?

Рядом с пещерой стояла скала. Ёрюзбек ударил ее топором и оторвал от скалы осколок. Затем он вышел из пещеры, но быстро вернулся с ворохом веток и сухих листьев. Сложил он листья и ветки возле скалы, а потом ударил скалу осколком с такой силой, что посыпались искры. Одни искры улетели на небо и превратились в звезды, другие упали на ворох сухих листьев и веток. Вспыхнул огонь.

— Хитер ты, человек,—обрадовался эмеген.—Теперь будет огонь в очаге, мясо сварим. А не сварить ли и тебя заодно?

Ёрюзбек не ответил на эти слова. Он спокойно развел огонь, повесил чугунок, варить стал мясо. В это время старая коза привела стадо в пещеру. Ёрюзбек сказал эмегену:

— Пока мясо варится, расскажи, как живут эмегены.

— Почему не рассказать?—согласился старший эмеген.— Слушай же. Мы не похожи на вас, на людей, нам не нужна одежда, нас греет собственная шерсть. И дома нам не нужны, мы живем в пещерах. И кровати нам не нужны, трава—наша подстилка, камень — подушка. Если заболел эмеген, то мы поим его горячей человеческой кровью: это наилучшее для нас лекарство. Хорош и густой навар человечины. Раньше нам жилось легко, привольно. Но с тех пор, как вы, людишки, научились владеть мечом и метать стрелы, житья нам от вас не стало. Многих из нас вы уничтожили, и во всем нашем эмегеновом роду, чья жизнь долга, самым старшим оказался я.

— Сколько же лет живут эмегены? — спросил Ёрюзбек.

— Триста лет — срок эмегеновой жизни, — отвечал одноглазый. — Но многие не дожили до своего срока, поубивали их нарты, кто мечом, кто стрелой, кто хитростью, а возглавил партов один человек по имени Ёрюзбек. И вот я оказался самым старшим из эмегенов, а ведь мне еще и двухсот лет не исполнилось.

— Вправду ли Ёрюзбек так силен и отважен, как о нем говорят люди? — спросил Ёрюзбек.

— И силы в нем немного, и не храбрее он других. Только хитер этот враг эмегенов, хитер, человек двухглазый!

Мясо сварилось. Жадный эмеген сам съел всё мясо и, насытившись, уснул. Ёрюзбек решил остаток сырого мяса на вертеле зажарить. Посмотрел он на спящего эмегена и увидел, что единственный глаз чудовища не смыкается, налился красной кровью. Ёрюзбек схватил горячий вертел и вонзил его в красный глаз эмегена. Эмеген взвыл от боли: он ослеп. В ярости стал он шарить лапами, искать в пещере среди своих коз Ёрюзбека, но тот притаился в дальнем углу пещеры, не дышал. Тогда лишенный единственного глаза эмеген крикнул голосом бессильной злобы:

— Так я и думал с самого начала, что ты — Ёрюзбек! Но ты отнял у меня единственный глаз, а я отниму у тебя жизнь. Поймаю тебя, сварю, а наваром буду лечить ослепший глаз, исцелит меня твоя жаркая кровь!

Эмеген, прислонясь к входу в пещеру, слегка раздвинул свои поросшие лохматой шерстью ноги и стал выпускать на волю коз, прижимая их на мгновение коленями и ощупывая их головы. Но разум человека был выше хитрости чудовища. Ёрюзбек быстро потащил в дальний угол старую козу, содрал с нее бесшумно шкуру, влез в эту шкуру и прошел между коленями эмегена. Ощупал эмеген козу, выпустил ее. Поняв, что коза — последняя, эмеген завалил вход в пещеру огромной скалой и стал шарить по земле лапами, искать Ёрюзбека: разве знал он, что Ёрюзбек уже на воле? И вдруг снаружи донесся до эмегена голос человека:

— Не ищи меня, старший из эмегенов, в пещере, ищи меня на воле!

Эмеген отвалил от входа в пещеру скалу, вышел. Давно рассвело, но для него кругом была кромешная ночь. Он сказал тоскливо:

— Ты ослепил меня. Что дальше думаешь делать?

— Я хочу истребить всех эмегенов, — сказал старый нарт. —

Ты — враг людей, но скажи прямо, кто сильнее: мы, людишки, наделенные умом и душой, или вы, эмегены, наделенные алчностью и глупой силой?

— Вы, людишки, сильнее,—услышал Ёрюзмек ответ слепого эмегена. — Но если ты наделен умом и душой, то сделай так, чтобы и я дожил до предела эмегеновой жизни, и чтобы ты стал еще сильнее. Есть в моем стаде черная коза. Зарежь ее и намажь свои глаза кровью ее сердца. Если ты это сделаешь, то твоим глазам откроются все недра, все сокровища земли. А потом вытащи желчный пузырь козы и положи его на козью шкуру. Я намажу свой глаз козьей желчью и прозрею.

Но человек хитрее эмегена. Не кровью козы, а ее желчью намазал Ёрюзмек свои глаза, глянул на землю,—и глубины ее открылись его взору. А желчный пузырь козы он наполнил ее кровью и положил пузырь на черную козью шкуру. Эмеген нащупал мохнатыми лапами козью шкуру, нашел желчный пузырь и кровью из пузыря намазал свой единственный незрячий глаз. Страшную боль почувствовал эмеген, он стал кричать, метаться, биться лбом о скалу у входа в пещеру. Потом, немного успокоившись, сказал:

— Ты перехитрил меня, хитрец из рода людей, храбрый парт Ёрюзмек. Если даже ты не убьешь меня теперь, то я все равно умру, не достигну предела эмегеновой жизни. Но смотри, каков я, заплачу тебе добром за зло. Вытащи кишки из чрева тобою зарезанной козы. Один конец кишок привяжи к себе, другой—к рогам черной козы. Тогда все козы моего стада пойдут за тобой.

Ёрюзмек привязал один конец кишок к рогам мертвой козы, а другой не к себе, а к дереву. Дерево начало скрипеть, и эмеген захохотал, стал бить себя по мохнатым бедрам, он решил, что не дерево скрипит, а храбрый парт поет, плачет, жалобно вздыхает. От этой злобной радости эмеген даже запрыгал, — забыл, что он слеп, — и сорвался со скалы в пропасть, разбился насмерть.

Так самый храбрый из богатырей уничтожил самого старшего из эмегенов, а его козье стадо погнал в селение партов.

ЕРЮЗМЕК И НОГАЙ-КОРОТЫШ

Прискакал к Ёрюзмеку Ногай-Коротыш.
«Эй, хозяин,—он крикнул,—чего ты сидишь?»
Вышел юноша—сын Ёрюзмека степенный:
«Что угодно тебе, воин-всадник почтенный?»
«Здесь гостей принимают?»—седок произнес.
«Принимают»,—ответил джигит на вопрос.
«Я у вас проживу, погощу целый год.
Да не знает ваш дом ни тревог, ни невзгод.
Каждый день по барану я съем непременно,
А мой конь—по копне золотистого сена».

Сын вонтеля в саклю направился снова,
Рассказал Ёрюзмеку про гостя чудного.
Вышел нарт Ёрюзек и сказал: «У меня
Будешь гостем желанным,—слезай-ка с коня».
Ёрюзек принял всадника с ласкою братской,
Он оружие гостя повесил в кунацкой.
Потекла их беседа,—умна, глубока.
Порешил Ёрюзек испытать кунака.
Он барана зарезать велел спозаранья
И, дождавшись, чтоб туша сварилась баранья,
Перед гостем ее положил целиком,
И поставил он сена копну пред конем,
И подумал: «Наверно, шутник-весельчак
Неизвестный кунак. Не поверю никак,
Что барана в один уничтожит присест,
Да и конь кунака столько сена не съест!»

Тушу съел Коротыш до костей, а копну
Удалось до соломинки съесть скакуну.
Так кормил Ёрюзек круглый год со стараньем
Сытным сеном—коня, гостя—мясом бараньим.
Задаёт он вопрос кунаку своему:
«У меня хорошо ли живешь ты в дому?»
«Я хотел бы, чтоб ты жил не лучше меня!»
«Разве я не кормил и тебя, и коня?
Или слово какое сказал невпопад?
Искуплю я вину, если я виноват!»
«Храбрый нарт, я приехал к тебе не за пищей,
Не затем, чтоб одеться нарядней и чище,

Я приехал сюда, чтоб с тобою вдвоем
Поскакать на широком просторе земном». «Хорошо, мой кунак, ради славы и чести
В дальний путь мы с тобою отправимся вместе».

Ёрюзмек разбудил поутру кунака.
В дальний путь отправляются два седока.
Полетели их кони быстрее, чем орлы,
По хребтам, по степям, по уступам скалы.
Трудно всадникам вровень скакать с облаками,
Но они разорвут и железо руками.
У коней из ноздрей, легким ветром гоним,
Вьется пар, превращаясь в клубящийся дым.
А копыта коней землю рвут на куски,—
И утесы дрожат, и степные пески,
Выворачивается земля наизнанку!
Наконец храбрецы увидели стоянку.
Здесь неплохо, как будто бы, стать на почлег.
И тогда говорит кунаку Ёрюзмек:

«Мы с тобою тяжелый проделали путь.
Не пора ли и нам, и коням отдохнуть?
Мой кунак, здесь мы можем блеснуть удалством,
Чтоб угон совершить, табуны здесь найдем!»
Но ему отвечает Ногай-Коротыш:
«Нехорошее слово ты, нарт, говоришь.
Проходимцы ничтожные так озоруют
И лепешки у наших хозяек воруют,
Незаметно подкрадываясь к очагу...
Твой совет, храбрый нарт, я принять не могу».
Говорит Ёрюзмек: «Ты слова мои взвесь.
Мне знакомые земли кончаются здесь
И дороги я дальше не знаю, кунак».
Отвечает Ногай-Коротыш: «Если так,
То за мной, храбрый воин, ты следуи отныне».

Поскакали они по бескрайней равнине
И стоянку на той увидели земле,
Табунились там кони в огромном числе.
Огорожено стойбище было кругом
Неприступным, высоким железным плетнем.
Не пройдет и змея под железом плетня,
Не пробьешь ту ограду и грудью коня!

На железных воротах чернеет замок,—
Кто б взломать его смог, кто б открыть его смог?
Говорит Ёрюзмеку Ногай-Коротыш:
«На жилье эмегенов сейчас ты глядишь.
Обитают три чудовища здесь, три брата,
Нет жилища страшней той стоянки проклятой!
Есть у них жеребец. Он летит, как стрела,
На лету настигает стеного орла!
Если ты одного умертвишь эмегена,
То второй жеребца оседлает мгновенно
И прискачет на нем, быстролетном, как птица,
Ты второго убьешь,—сразу третий примчится,
А погибнет и третий, тобою сраженный,—
Жеребец, навсегда трех хозяев лишенный,
С громким ржаньем пристанет к своим табунам.
Так ворота открой, поспешить надо нам!»

Но не может ворота открыть Ёрюзбек.
Разве справится с ними один человек?
Тут ударил Ногай по воротам ногой, —
Распахнулись ворота пред силой такой.
Говорит Ёрюзмеку проворный Ногай:
«А теперь из загона коней выгоняй,
Иль постой и направь быстроногих вперед».
И остался вонтель стоять у ворот.

Ёрюзбек и Ногай по дороге своей
Поскорей угоняют несчётных коней.
Их преследует ветер, и ливень, и мрак.
Говорит Ёрюзмеку отважный кулак:
«Ты послушай, услуга твоя мне пужна.
У меня есть на саван кусок полотна.
Если мне суждено умереть в этот день,
Ты меня, храбрый нарг, в белый саван одень,
А потом на седло ты положишь меня,
И в широкую степь ты отпустишь коня.
Не успеешь,—тогда меня здесь похоронишь,
А коней без меня по дороге угонишь.
Этот ветер—дыханье коня эмегена.
Этот ливень—лестящая с губ его пена.
Этот мрак—эмегена единственный глаз.
Видно, чудище скачет, преследуя нас.

Если ты умертвишь эмегена, храбрец,—
Унесется быстрее орла жеребец
И доставит сюда эмегена второго.
Ты второго убьешь,—унесется он снова,
Третий брат-эмеген к нам примчится на нем!»
И Ногай-Коротыш ускакал с табуном,
Ёрюзмека для встречи с врагами оставил.

В этой схватке себя Ёрюзбек не прославил,
Против ветра не мог Ёрюзбек устоять.
Налетел сильный ветер, как буйная рать,
И взметнул, и понес Ёрюзмека с конем,
А когда поравнялись они с табуном,
Буйный ветер на землю низверг верхового,
Тут Ногай-Коротыш говорит ему слово:

«Почему, Ёрюзбек, прискакал ты сейчас?
Почему ты нарушил мой твердый наказ?»
«На пути устоять я не мог, и тогда
Ветер поднял меня и забросил сюда».
«Храбрый парт, поменяться местами нам надо,
Встану я на дороге врагов, как преграда.
Ты—гоши скакунов, да хорош будет путь,
Но смотри, завещанье мое не забудь».

На дороге остался Ногай-Коротыш.
Наступила внезапная, краткая тишь.
Наконец прискакал эмеген одинокий
И вступили враги в поединок жестокий.
Засвистела стрела, заблестела, взвилась,
Эмегену попала в единственный глаз.
Враг погиб,—ускакал жеребец удалой.
Но тотчас эмеген появился второй.
Тут Ногай-Коротыш уложил и второго.
С третьим чудищем копь появляется снова.
Потрясает равнину копыт его мощь,
Пена, падая с губ, превращается в дождь,
Он дышащем валит деревья кругом,—
Так вступил Коротыш в поединок с врагом.

В жадном сердце чудовища злость загорелась,
Но светла и могуча противника смелость.

Конский топот, как гром, страшен мягкой земле,
И стрела вылетает навстречу стреле.
Засвистела стрела, и взвилась, и зажглась,—
Эмегену вонзилась в единственный глаз.
Засвистела другая, пустилась в полет,
И пронзила Ногая, вонзилась в живот.
Враг погиб. К табунам ускакал жеребец.
А Ногай-Коротыш,—он еще не мертвец!—
Быстро вынул стрелу да сорвал свой башлык,
Обвязал он живот, головою поник,
Ёрюзмека догнал и, судьбу не кляня,
Сильный всадник скончался, свалился с коня.

Ёрюзек, исполняя завет смельчака,
В белый саван одел своего кунака.
Он к седлу мертвеца привязал и на волю
Отпустил скакуна по широкому полю,
А коней эмегенов погнал он домой.
Как приехал, задумался воин седой:
«Кто же был тот Ногай-Коротыш?»—И чуть свет
Он отправился в путь, чтоб услышать ответ.

Долго он проскакал на проворном коне.
Вот однажды в далекой, чужой стороне
Видит дом. А кругом было тихо и глухо.
Он вошел в старый дом. Там сидела старуха.
«Мир тебе!»—он сказал. — Прибыл я издалёка.
Кто ты, мать? Почему ты живешь одиноко?»

А старуха: «Я троих сыновей родила.
Эмегены немало чинили нам зла.
Не давали чудовища людям воды,—
В бон вступили сыны с черной силой беды.
Был скакун-жеребец у моих сыновей,
Он степного орла был быстрее и смелей.
Был захвачен врагами скакун драгоценный,
Одолели моих сыновей эмегены.
Двое старших погибли на поприще ратном,
Только младший путем возвратился обратным:
Был он ранен, на бурке его привезли.
И, как только окреп,—ради блага земли
К Ёрюзмеку помчался просить о подмоге.

Но, видать, не нашел к Ёрюзмеку дороги,
Не вернулся, без вести пропал в тяжкий час...»
Ёрюзмека потряс этот скорбный рассказ.
Говорит он: «О мать, а ведь я — Ёрюзмок.
На врагов я свершил с твоим сыном набег».
А старуха в ответ: «Был мой жребий тяжел,
Но ждала я тебя,—наконец ты пришел!»
Зарыдала она, вспомнив трех сыновей,
Но потом посмотрели глаза веселей:
Как пришел Ёрюзмок, стала таять кручина,
Показалось ей, будто вернулись три сына.

Ей сказал Ёрюзмок: «Я—твой сын, ты мне мать!»
И в жилище своем стал ее почитать.

ОХ-ОХ-ОХ

Не только нарты славили своего предводителя,—имя Ёрюзмека знали и эмегены, одноглазые недруги людей, но люди приносили это имя с любовью и благодарностью, а чудовища—с ненавистью и страхом. Эмегены знали, что ни разу не возвратился Ёрюзмок с похода без добычи, что меч его—их смерть, что он не только отважен и могуч, но и хитроумен. А нарты знали, что Ёрюзмок всегда достигает своей цели, а цель его благородна, что он ценит в людях силу, ловкость, храбрость и честность, а презирает трусов, бахвалов, хвастунов.

Любил Ёрюзмок помериться с нартами силою, соревноваться с ними в искусстве метать стрелы из лука. Охотно вступал он в единоборство и с эмегенами. Одна у него была мечта—уничтожить одноглазых чудовищ, чтобы дети рода человеческого жили привольно и спокойно. Потерянным для себя он считал тот день, когда не бился с эмегенами. А эмегены, хотя и редели в числе, истребляемые нартами, но становились все опаснее: они даже луком научились владеть,—изделием рук человеческих. И тогда-то нартский кузнец Златоликий Дебет изготовил для Ёрюзмека ружье. Это было первое на земле ружье, эмегены такого оружия никогда в глаза не видели.

Ёрюзмок, получив ружье, испробовав его силу и меткость, решил отправиться в поход. Накинул он ружье через плечо, взял с собой сто корзин пороха, взял, как и прежде, лук и стрелы и помчался в далекий и трудный путь.

Мало ли, долго ли скакал предводитель нартов, а миновал он дремучий лес и выбрался на долину, по которой бегали быстроногие олени. Он убил одного из них и с оленьей тушей на плече поднялся на голубую вершину. Посмотрел сверху,—ни одна тропинка не сбегала с вершины вниз. Стало темно. Ёрюзмок высек с помощью кресала огонь, развел костер, освежевал оленью тушу, стал жарить шашлык. А тут и утро заблестело. Ёрюзмок поел вдоволь оленьего мяса, погасил огонь и спустился вниз по уступам горы.

Перед ним открылась большая долина. Нарт поскакал вверх по высохшему руслу реки. Солнце закатилось. Ёрюзмок решил стать на отдых. Не снимая ружья, он высек с помощью кресала огонь, разрубил и расколол дерево, сложил дрова. Вдруг донеслось до него что-то, похожее на звериное, тяжелое и прерывистое дыхание. Ёрюзмок притаился за скалой. Дыхание, как бы исходящее из трех истоков, приближалось, и на том месте, где Ёрюзмок сложил дрова, появился эмеген. Был он о трех головах, и на каждом лбу, низком и мохнатом, мерцало по единственному глазу. Наклонив одну из голов, эмеген поросшей старой шерстью щекой прижимал к плечу огромное дерево. Видно было, что он сильно устал. Тяжело дыша, он сбросил дерево наземь, сел на дрова, сложенные Ёрюзмокком, и произнес: «Ох-ох-ох!».

Ёрюзмок вышел из-за скалы и сказал:

— Откуда ты меня знаешь? Я и есть Ох-ох-ох. Мое имя всегда вспоминает тот, кому тяжело живется, кто устал, с кем беда стряслась. Какая же у тебя беда?

В трех глазах трехголового эмегена зажегся гнев, шерсть дряблых щек затряслась, он крикнул:

— Эй, тварь человеческая, как ты сюда попал? Здесь еще ни разу не ступала людская нога. А что у тебя за плечом?

При этих словах эмеген коснулся рукой ружья Ёрюзмека. Нарта не устрасило трехголовое чудовище. Он притворился, будто сам опасается того, что нагнал на эмегена страх, будто хочет успокоить его, и сказал:

— Не бойся меня, тварь эмегенова рода. Я тот, чье имя вспоминает обездоленный, я помогу тебе. Вижу, что ты слаб, сильно устал. А это изделие (и Ёрюзмок показал на ружье)—именно то, что тебе нужно. С его помощью я, Ох-ох-ох, излечиваю от усталости любое существо. Как только больной, страждущий, слабый вспомнит мое имя, скажет: «Ох-ох-ох!»,—я сразу же появляюсь на его пути с этим чудодейственным

изделием, приказываю, чтобы оно грохотало. Большой от этого грохота теряет сознание, но не надолго. Он быстро приходит в себя и становится сильным, свежим, бодрым, подвижным. Он может прожить тысячу лет, не зная старости, не ведая усталости, исполненный юности, презирающий трудности. Он преодолевает все преграды, победит любого врага. Есть у этого изделия имя, как у живого существа: зовут его «Отверстым». Говорю тебе, ибо вижу, что ты стар, а заслуживаешь быть молодым, ты слаб, а достоин могущества: не стесняйся, не бойся меня. Я прикажу Отверстому загрохотать, и ты станешь молодым, бодрым, сильным.

Эмеген вздохнул, — три вдоха издал он зараз:

— Триста лет живу я на этом свете, многое видел, о многом слышал, а о такой диковинке узнаю впервые. У меня есть два старших брата, а у каждого из нас — по четыре сына. Был, правда, среди эмегенов такой, который величал себя самым старшим из нас, по тому наглецу, убитому Ёрюзмейком, и двухсот лет не исполнилось... Мы, три брата, накопили несметные богатства, но мало нам показалось, еще богаче стать захотели, вот и двинулись мы вместе со своими сыновьями в поход. Было это сто лет назад, сила наша на исходе, устали мы, ослабели, а походу конца не видно. Если ты сумеешь вернуть нам силу и молодость, удлинишь наш век, да еще сыновей наших научишь уму-разуму, то мы тебя одарим таким богатством, что ты никогда не будешь знать нужды.

Ёрюзбек сказал:

— Я, Ох-ох-ох, помогаю каждому, кто поминает мое имя, а награды я не требую, богатства эмегенов мне не нужны. Но где же, твои братья, где ваши сыновья? Если им трудно пришлось в походе, если они устали, ослабели, то почему ни разу не произнесли моего имени, не сказали: «Ох-ох-ох»? Я бы помог им. Передай твоим сородичам, что я возвращаю каждому живому существу силу и молодость, но встречаюсь только с одним, а встречи со многими не терплю, даже с тварями из рода людского встречаюсь поодиночке. Тогда лишь Отверстое обретает чудную силу, когда перед ним только одно живое существо.

— Почтенный Ох-ох-ох, — воскликнул эмеген, — воистину ты исцелитель! Даже от краткой беседы с тобой почувствовал я себя моложе и здоровее. Так пусть же Отверстое загрохочет и сделает меня молодым и сильным!

Ёрюзбек пообещал эмегену:

— Я омоложу тебя, и ты бодро вернешься домой, ибо ты всей душою поверил в правдивость моих слов. Будь же и ты со мной правдивым, скажи, где твой дом. Я знаю, что вы, эмегены, рождены для того, чтобы побеждать нартов. Известно мне и то, что нарты ищут вас, чтобы вступить с вами в схватку, но, хотя вы рождены для побед, вы прячетесь от нартов, скрываете место вашего обитания. Ты мне должен сказать: где ваш дом, по какой дороге ты и родичи твои направляетесь к нему?

— Вот правда, — сказал эмеген, — ты должен ее знать, ибо хочешь нам помочь. До нашего дома ходьбы один день и одна ночь, а путь туда — через ущелье. Здесь мы решили встретиться, братья поручили мне прийти сюда пораньше, дрова приготовить, костер развести. У нас большая добыча — оленьи туши, будем шашлык жарить, как это люди делают, у них научились. А потом пойдем все вместе домой. Скоро появятся братья и сыновья, так прикажи Отверстому, чтобы разок прогрохотало, — и пусть увидят, что я стал сильнее и моложе.

Ёрюзмек выстрелил. Трехглавый эмеген в испуге упал на землю, потом пришел в себя, захохотал, и смех вырвался из трех глоток. Ему показалось, что он вправду стал сильнее и моложе, он сказал об этом Ёрюзмеку. А тот — в ответ:

— Одного выстрела мало. Дело это не простое, но я омоложу тебя и твоих сыновей и братьев. Пойду я в ущелье, о котором ты только что сказал, и там, хорошо подготовившись, я верну силу и молодость всем вам, всем пятнадцати, но смотри, пусть приходят ко мне туда по одному.

Ёрюзмек в полдень достиг ущелья, из которого вела тропа к обителю эмегенов. Он засел там, ожидая чудовищ. А те явились в условленное место, к трехголовому. У каждого на плечах было по пятнадцать убитых оленей. Эмегены падали с ног от усталости и долгой жизни. Они похвалили трехголового:

— Ох, и расторопен ты, находчивее всех нас, и дрова приготовил, и костер развел!

Трехголовый обрадовался похвале, похвастался:

— Приготовил я вам нечто такое, что осчастливит вас. Повстречалась мне тварь из человеческого рода, и человек оказался не таким, как прочие, — умный он, приветливый, с красивой речью. Он и дрова сложил, и костер развел. Зовут его Ох-ох-ох. Есть у него чудо-труба с отверстием, есть у того чуда имя: Отверстое. Если помянете имя человека, если скаже-

те: «Ох-ох-ох!» — то он прикажет Отверстому загрохотать, и от грохота к вам вернется сила и молодость. Только идти надо к тому человечку по одному, не терпит он встречи со многими. Еще по-настоящему Отверстое для меня не загрохотало, но смотрите, каким я стал подвижным, сильным, — а ведь падал с ног от усталости и множества лет.

Показалось эмегенам, что и впрямь трехголовый стал подвижнее, сильнее, и решили, что отправятся к человечку по имени Ох-ох-ох не все вместе, а по одному. Сперва послали самого молодого, --- сто пятьдесят лет ему было. Еще и солнце не закатилось, когда он добрался до Ёрюзмека, поджидающего его в ущелье. Увидев одноглазого, хитрый, меткий стрелок выстрелил из ружья. Молодой эмеген упал, он был мертв.

Четырнадцать выстрелов прогрохотало в ущелье, четырнадцать чудищ убил Ёрюзек. Пятнадцатым остался трехголовый. Ёрюзек вышел из ущелья, пошел ему навстречу. Тот обрадовался.

— Ох-ох-ох, скорей прикажи Отверстому сделать меня молодым!

Ёрюзек сказал:

— Как обещал, так и сделаю. Твои братья, сыновья и племянники снова стали молодыми и сильными. Ноги у них оказались проворными, весело они побежали к себе домой. Пойдем к ним, там я тебя и омоложу.

Ёрюзек и трехголовый направились к жилищу эмегенов. Шли день, шли ночь и увидели обиталище чудовищ. То был дворец, сверкавший золотом и серебром. Он был пуст. Ёрюзек притворился, что удивлен, что не знает, где находятся четырнадцать эмегенов, и спросил:

— Может быть, твои родичи пошли к другим эмегенам в гости?

— Нет, — сокрушенно ответил трехголовый. — Никто из нашего рода здесь вблизи не живет. Далеко отсюда обитают другие эмегены, но путь к ним простирается через непроходимые леса, по уступам гор, одетых в лед, этот путь даже нам, эмегенам, не под силу. Когда-то нас было девятнадцать братьев, а всего в нашем роду было сто эмегенов. Нарты уничтожили многих, и вот из девятнадцати братьев нас осталось только трое, из ста сородичей — только пятнадцать. Теперь мы и на охоту выходим редко, нартов боимся, оленья мясо едим не часто, а вкус человечины совсем забыли. Потому-то и ослабели мы, потому-то и состарились до срока. Пусть же Отверстое

загрохочет, хочу, как и те четырнадцать, снова стать молодым и сильным.

— Я верну силу и молодость роду людскому, — сказал Ёрюзмек и выстрелил. Эмеген упал, зарылся тремя мертвыми головами в песок. Послышался топот коней. То прискакали на помощь Ёрюзмеку нарты Сибилчи и Рачикау. Они спешились, вошли во дворец эмегенов, погрузили все богатство двора на своих коней и помчались домой, чтобы поровну разделить между нартами несметное добро — имущество одноглазых.

А когда нарты отдохнули, отправились они в новый поход, чтобы победить дальних эмегенов, но об этом походе повествует другое сказание.

НАРТ СОСУРУК

РОЖДЕННЫЙ ИЗ ГРАНИТА

Был среди нартов пастух по имени Соджук. Отара его паслась на берегу Адила*. Однажды увидел пастух на другом берегу вечно молодую, мудрую Сатанай. Она полоскала в реке белье. Сатанай была прекрасна, ее ослепительно белые руки светились в воде, и от их света потемнело в глазах у молодого пастуха. Задрожав, он упал на прибрежный камень. Пастух так пылал, что, казалось, камень вспыхнул от его страсти. А страсть, как видно, была такой жгучей, такой сильной, что ее на другом берегу почувствовала Сатанай и легла в сладком изнеможении на песок.

Придя в себя, Соджук побрел со своей отарой, покинул бе-

* А д и л — балкарское название Волги.

рег реки. Но его возбуждение было плодоносным. Камень зачал. Семя человека стало зреть в граните.

Вещая Сатанай, обладавшая колдовским прозрением, поняла, что из камня родится дитя. Она обрадовалась, ибо детей у нее не было, хотя она уже давно была женой нарта Ёрюзмека. Стала она считать дни, когда настанет время камню родить человека.

Сатанай попросила нартского кузнеца Дебета, чтобы он изготовил для нее шестьдесят молотков с поперечными лезвиями. Приблизился день, когда из чрева камня должно было появиться на свет дитя. Сатанай позвала шестьдесят сильных джигитов, приготовила для них хмельную бузу и обильное угощение. Все направились к берегу Адила, к гранитному камню.

Сильные джигиты принялись осторожно тесать камень. Не знали они, для чего его тешут и что в нем обретается. Когда Сатанай увидела, что оболочка камня стала тонкой, что скоро кирки-молотки доберутся до дитя, она предложила джигитам прервать работу, попить и поесть.

Буза была свежая, хмельная, пища сытная. Джигиты быстро опьянели, заснули. Сатанай наклонилась над камнем, пробила молотком отверстие в тонкой его оболочке и вытащила из гранитного чрева новорожденного. То был мальчик. На голове у него был хохолок, похожий на петушиный гребень, а ножки были тоненькие, как веретена.

Сатанай с ребенком на руках покинула пьяных спящих джигитов и поднялась в горы. Она отдала мальчика на воспитание добрым духам. А добрые духи знали кузнечное дело. Они закалили ребенка, как сталь, и тело мальчика превратилось в булат. Они и имя дали мальчику: Сосурук.

Каждый день добрые духи наших гор тайно приносили мудрой Сатанай ребенка, чтобы она видела, как растет, крепнет и хорошеет ее дитя. Семь лет воспитывали добрые духи Сосурука, пока не настал тот день, когда мальчик помог своей матери избавить Ёрюзмека от неминуемой гибели.

Так у нартов появился еще один отважный богатырь с булатным телом, у Ёрюзмека стал расти сын, опора старости, а Сатанай перестала быть бездетной и подарила Ёрюзмеку еще двух сыновей.

КАК СОСУРУК ДОБЫЛ ОГОНЬ

Нарты скачут в поход. Проскакали немало,
И без трута остались они, без кресала.
Говорит Сосурук: «Я огонь вам добуду»,—
И погнал скакуна. Было мрачно повсюду,
Только в дальней пещере мерцал огонек.
Там храпел эмеген — одинок, одноок.
Молодой Сосурук устремился к огню
И схватил, не слезая с коня, голову.
Отскочил уголек, отскочил, не погас
И попал эмегену в единственный глаз.
Протянул свою руку сквозь сон эмеген,
Взял он с пламенем вместе и всадника в плен,
И опять захрапел, и в глазу великана
Нарт, и конь, и огонь очутились неожиданно.

Вот храпит он, бесчувственным сонным объят,
А из глаза горячие искры летят.
Как проснулся, поспав до желанного срока,
Вместе с пламенем вытащил нарта из ока.
Удивился: «Эй, кто ты? Откуда ты взялся?
Почему ты в глазу у меня оказался?»

Тот ответил: «Мы, нарты, помчались в поход.
Чтоб огонь раздобыть, я пустился вперед.
Но со сна заграбастал, закинул ты нас—
И меня, и коня — в свой единственный глаз.
Не заметил во сне ни меня, ни коня,
Ни того, что пылает в глазу головня».

«Не из ваших ли—нарт Сосурук? Много ль славы
Принесли ему игры его и забавы?»

«Как же, знаю такого в родной стороне.
Сколько раз Сосурук забавлялся при мне!»

«Ну, а много ль забав у него? Говори!»
«Ох, и много! Тебе ж подойдут только три.
Я о первой забаве расскажу поведу.
Я на гору взбирался у всех на виду,
Отрывал непомерные глыбы от скал

И с вершины к подножью горы их бросал.
Там стоял Сосурук, богатырь молодой,
Отбивал он те глыбы своей головой,
И летели за гору огромные глыбы».

«Разве так забавляться и мы не могли бы?—
Закричал эмеген. — Поднимись для игры!»
Нарт поднялся тогда на вершину горы.
От скалы отрывал он огромные камни,
Вниз бросал их, и с криком: «Забава легка мне!»—
Эмеген отбивал их своей головой,
И взлетали они высоко над травой,
И над паргом бесстрашным кружась, как орлы,
Улетали потом за вершину скалы.
«Говори: я играю, как нарт Сосурук?»
«Ты гораздо ловчее, чем давний мой друг!»
Эмеген: «Я веселье почувял, играя.
Говори: какова же забава вторая?»

«Сосурук удивляет друзей-смельчаков:
Раскаляет в огне шестьдесят сошников
И глотает. Когда их живот охладит,
Облегчается сразу же ловкий джигит».

«Вот игра так игра, вот забава по мне!
Собери сошники, раскали их в огне,—
Сошниками набил он живот до отказа,
Вот собрал, раскалил сошники Сосурук,
Повелел великану: «Глотай!» И обжора
Стал глотать эту жаркую пищу, и скоро
Сошниками набил он громадный живот,
А потом их изверг подчиняясь приказу.

Говорит великан: «Неплохая забава!
В животе моем жару прибавилось, право!
Не гадал, что себя так сумею согреть я.
Какова же забава, — поведай мне, — третья?»

И в ответ богатырь Сосурук произнес:
«Ты опустишься в озеро в лютый мороз.
В этом озере, что поросло камышом,
Под водою пять дней простишь нагишом,

Только будет торчать над водой голова.
Хорошо ли мои ты запомнил слова?
Как вода станет льдом, — ты на лед поглядишь
И, встряхнувшись, поднимешь и лед, и камыш:
Так привык Сосурук забавляться-играть!»

Эмеген опустился в озерную гладь,
В тихом озере, что поросло камышом,
Неподвижно пять дней простоял пагишом.
Как вода стала льдом от дыхания стужи,—
Поднатужился там эмеген неуклюжий,
Зашумел, затрещал раздвигаемый лед.
Нарт в испуге сказал: «Перепутал я счет,
Десять дней, а не пять, нам нужны непременно!»

Был хитер Сосурук, обманул эмегена,
Сосуруку поверил глупец-великан.
Порешил Сосурук: «Мне поможет обман»,
Камышовые метлы сорвав на ходу,
Он заделал все трещины-щели на льду,
А затем обратился он к богу-тейри:
«За пять дней холода пяти лет собери!»

Наступил неожиданный лютый мороз,
И казалось, что миру он гибель принес.
В лед, что камня прочней, превратилась вода.
«Эй, встряхнись, эмеген!» — нарт воскликнул тогда.
Тот попробовал двинуться, но у обжоры
Сил не стало. А лед неподвижен матерый!

«Я бессилен, дитя человечье! Доука
Для меня, как я вижу, игра Сосурука!»

«Эмеген! А ведь я — Сосурук. И мой меч
Заблестит и снесет тебе голову с плеч.»

«Как с горы стал ты камни кидать, сильнорук,
Я подумал, что ты, может быть, Сосурук.
Я стою и вздыхаю. А знаешь о чем?
Эту голову ты не отрубишь мечом!
Острый нож у меня в волосах ты найдешь:
Обезглавит меня только собственный нож!»

Нарт подумал: «Не кроется ль тут западня?
Не погубит ли чудище это меня?»
Толстый шест протянул к голове Сосурук,—
Взвился нож и на дерево кинулся вдруг.
Где коснется шеста, — перережет его,
А чудовищу нравится скрежет его.
До руки Сосурука дошел наконец,
Но схватил его за рукоять удалец,
Обезглавил пожом колдовским эмегена,
Взял огонь и направился к нартам мгновенно.

СОСУРУК И СИБИЛЧИ

Однажды Сибилчи, младший брат Сосурука, сказал ему:
— Хотя бы раз взял ты меня с собою в поход! Я ничего не боюсь, а ты научишь меня стойкости и разуму.

— Хорошее желание, — похвалил брата Сосурук. — Хорошо, что ты ничего не боишься. Отправимся в поход.

Вот и поехали: Сосурук, его младший брат Сибилчи и еще воины, а всего девять нартов. Ехали долго. Миновали дремучие леса, переплыли через бурные реки, одолели скалистые горы, спустились в долину. Увидели черный холм, от которого несло зловонием. Сосурук во главе отряда подъехал к черному холму. Оказалось, что это был эмеген, отдыхал он в долине. Волосы на спине и на груди — словно колючки на стволе терновника; усы — как кусты шиповника; над носом — два глаза, но смотрят на мир они попеременно: один видит всё только днем, другой видит всё только ночью; длина рта — в пять обхватов; зубы — как ломы железные; изо рта вырывается зловонное дыхание, которое гнет деревья к земле.

— Салам, — сказал Сосурук эмегену.

Эмеген посмотрел на него своим дневным глазом, ответил на приветствие и пригласил нартов к себе в гости. Из долины, следуя за эмегеном, попали нарты в ущелье, где было жилище эмегенов — пещера. Эмеген повесил возле пещеры над огнем девять котлов, в каждый котел положил угощение: мясо черного зубра, огромного, как курган в степи. Когда мясо сварилось, вернулись с охоты другие эмегены. На их мохнатых плечах были туши убитых ими туров, зубров, маралов. Эмегены

обратились к нартам с надлежащим приветствием, сели за трапезу. Присели и нарты.

Девять дней угощались нарты, девять дней длились повести о необычайных делах, — то нарты рассказывали, то эмегены. На десятую ночь старший из эмегенов сказал:

— Теперь, сыны нартов, настала ваша очередь нас угощать.

Сосурук ответил:

— Если бы мы были у себя, в родном селении, то устроили бы пир в вашу честь, зарезали бы скот, угостили бы вас, эмегенов, на славу. А здесь что зарежем?

— Лошадей ваших, — предложил старший эмеген. — Мы любим конину.

Понял Сосурук, что с эмегенами спорить сейчас не придется. Стали нарты резать и свежевать коней. Когда всех коней съели, Сосурук крепко призадумался. А эмегены:

— Почему сидите, сложа руки? Настало время ужина.

— Всех лошадей съели, а другого скота у нас нет, — напомнил Сосурук. Старший эмеген ответил:

— Не беда. Нет скота — есть люди. Мы и человечину едим, нет мяса вкуснее человеческого. Самого младшего и зарежем для начала, — и эмеген показал на Сибилчи.

Старший эмеген, весело мурлыча, словно кот какой, пошел в пещеру и принес оттуда нож из красной меди, длиною в пять вершков, шириною в три вершка, и стал его точить на точильном камне. Рядом с точильным был камень, на котором свежевали скот. Туда-то и потащили Сибилчи два эмегена, связав руки и ноги молодого нарта веревками, свитыми из шкуры зубра. Сосурук краем глаза поглядывал на несчастного Сибилчи: не поддается ли страху младший брат? Он сказал ему на языке нартов:

— Успокойся, Сибилчи, не дрожи, не надо бояться.

А Сибилчи:

— Как тут не бояться, когда тебя съест хотят, когда тебе связали руки и ноги, когда тебя бросили на камень, на котором тебя зарежут?

— Вот и не говори впредь, что ничего не боишься, — поучал младшего брата Сосурук. — Многое на свете может внушить страх богатырю.

Старший эмеген, наточив нож, приблизился к жертве, к дрожащему Сибилчи, но Сосурук остановил его:

— Не спешите, почтенные эмегены. Ножи у вас длинные, кот-

лы у вас отменные, мясо сварится, успеете поесть. А у меня к вам слово. Говорят нарты, что вы, эмегены, — самые умные из земных существ, самые знающие, а особенно вы сильны в счете. Вот и послали нас нарты к вам с великой просьбой, чтобы вы, мудрые, и рассудили, кто из нас прав, кто ошибается. До сих пор вы нас не спрашивали, — мы и разговора не затевали.

Тут эмегены заспорили. Один говорили, что нартов и слушать не надо, а покочить с Сибилчи; другие возражали; съездим, мол, сперва молодого нарта, а потом и просьбу выслушать можно; третьи, польщенные хвалебными словами Сосурука, требовали, что сперва надо нартам ответ дать, а потом уже съесть Сибилчи. В конце концов третьи-то и победили в споре, но порешили эмегены, что разговор поведут в пещере, а чтобы нарты не убежали, выход завалили огромным камнем.

Как решили, так и сделали, и Сосурук начал:

«Был у нартов пастух. Он пас на склонах горы Минги-тау^{*} овец всего селения, а число овец составляло три тысячи. Однажды, когда пастух со своей отарой был в горах, черные тучи закрыли всё небо. Молния, как меч, рассекала вершины скал, гром потрясал горы и доли. Из туч прорывался дождь вместе с крупным градом. Земля в страхе затрепетала. Пастух, чтобы спасти овец от гибели, загнал всю отару под бороду козла-вожака и сам туда же забрался.

А был поблизости в тех местах бугай, и такой большой, что воду он пил из расселин скал на вершине горы, а хвостом отгонял оводов и мух в жаркой степи. Телу его было тесно в ущелье. Когда этот бугай, расположившись у подножья Минги-тау, жевал траву предгорья, прилетел гриф, схватил бугая, поднял его ввысь, а потом пожелал на земле найти такое местечко, где мог бы спокойно насладиться своей добычей, — и опустился на рога того козла-вожака, под бородой которого укрылся от дождя и града нартский пастух со своей трехтысячной отарой.

Услышав шум, пастух подумал: «Неужели градины всё падают и падают?» — и выглянул из-под бороды козла. Но едва его взгляд встретился со взглядом солнышка, которое успело к тому времени взойти, как в глаза пастуха попала пылинка. Вечером пастух пригнал отару в селение, пошел к матери и сказал:

* Минги-тау — балкарское название Эльбруса.

— Матушка, в глаз мне попала пылинка. Проведи по глазу своим языком, — извлечешь пылинку.

А мать в ответ:

— Нельзя мне в вечернюю пору касаться языком твоего глаза: это дурная примета. Лучше сходи к нашей знахарке Сандырак, она что-нибудь придумает: искусство ее всем нартам известно.

Явился пастух к знахарке. Прославленная целительница увидела в его глазу нечто белое, словно хребты Куфских гор, словно стена в снегу. По просьбе искусной Сандырак, девяносто девять нартов, кто с лопатой, кто с железным ломом, кто с деревянным, а кто с метлой, вошли в глаз пастуха. Все вместе, долго трудясь, выгребли, как снег, пылинку и ушли, оставив на улице одну лопату.

Рано утром какой-то мальчуган, выгоняя телят, наткнулся на лопату, поднял ее и отбросил подальше в сторону, чтобы прохожим не мешала. Прошло много лет, на лопате осела пыль, образовался на ней толстый слой земли, покрытый дерном. Облюбовав это место, люди там поселились.

Шли годы, и жители спокойно жили, не зная тревог. Но как-то заметили поселившиеся на лопате, что каждое утро их окна и двери смотрят не в ту сторону. Страх охватил всё селение. Одни говорили, что всему виной вы, эмегецы, другие утверждали, что скоро землетрясение начнется. Наконец решили выставить дозорных — метких лучников.

В одну из ночей дозорные заметили, что некая рыжая лиса грызла на краю селения, на обрыве горы, белый камень. Дозорные метнули стрелы и убили рыжую лису. Собравшись всем селением, люди содрали с нее шкуру с одного боку. Хотели содрать и с другого боку, но, как ни старались, не сумели повернуть мертвую лису на другой бок. Так и осталась на лисе половина шкуры. А другую половину шкуры разделили поровну, и каждый мужчина селения получил по куску меха на шапку и на воротник для шубы.

В один из дней женщина из соседнего селения, крутя на пути веретено, гнала телят на выпас и наткнулась на мертвую лису, с которой была снята половина шкуры. «Очень хотелось бы мне узнать, — подумала женщина, — почему не тронута шкура на другой стороне?» С помощью ручки веретена она легко перевернула лису на другой бок, сняла оставшуюся половину шкуры, сказав:

— Быть может, хватит меха на шапку для моего озорника-сына.

Придя домой, женщина принялась квасить и мять шкуру. Окончив свою скорняжную работу, увидела она, что половины лисьей шкуры не хватит для шапки ее мальчика.

С тех пор мы и спорим: то ли бугай, то ли гриф, то ли бородатый козел-вожак, то ли рыжая лиса, то ли женщина с верстеном, то ли сын женщины больше всех? И почему половины лисьей шкуры хватило на шапки и воротники для мужчин всего селения, но не хватило лишь на одну шапку для одного мальчика? Споры пошли жаркие, перешли в драку, драка — в побоище. В конце концов нарты разделились на две враждующие стороны и началась между ними война.

Старейшины нартов, видя, что богатыри истребляют друг друга, собрались на совет и решили отправить нас как послов к вам, ибо умнее эмегенов нет на земле существ, а также нет сильнее вас в счете. Только вы одни сумеете разрешить наш спор. Не наша вина, многочтимые эмегены, что вы нас ни о чем не спросили, а мы—не ответили».

Сосурук замолк. Эмегены, насупив брови, посмотрели друг на друга. Им очень понравилось, что люди наконец-то признали их ум и сметку, но и задача казалась им нелегкой. Один говорит: «Козел больше всех». Другой: «Нет, больше всех — лиса!» А третий: «Мальчик — вот кто больше всех!»

Спор ожесточился. Распалясь, эмегены бросились друг на друга с криками, пошла потасовка. Когда потасовка перешла в настоящее побоище, когда эмегены сцепились друг с другом, кто-то из них задел огромный камень, которым они завалили вход в пещеру. Камень откатился от пещеры, эмегены — за ним. Выбежали из пещеры и нарты, взяв на руки связанного Сибилчи. Эмегены, ничего не замечая, охваченные пылом побоища, вырывали деревья из земли, стали наносить друг другу страшные удары. Опять кто-то из них нечаянно задел ногой камень, камень двинулся на эмегенов, отбросил их к краю пропасти, низверг всех эмегенов в бездну и сам рухнул вслед за ними. Эмегены обрели гибель на дне пропасти, раздавленные сорвавшимся огромным камнем.

А нарты развязали Сибилчи и, захватив добро эмегенов, которым была полна пещера, направились пешим ходом в свое селение.

СОСУРУК И БЕСЫ

Поскакал Сосурук на могучем коне,
Оказался в дремучей лесной стороне.
Но тропа обрывается в чаще густой,
Сосурук был застигнут лесной темнотою.
Посмотрел — огонек загорелся вдали.
«Это бесы, — подумал, — костер разожгли.
Что мне делать? Пойду — повстречаю беду,
Не пойду — пропаду: где добуду еду?
Никого не бояться поклялся я богу.
А теперь, если здесь потерял я дорогу,
Неужели пред мерзкими бесами струшу,
Клятву, данную богу, нарушу?»

Очутился бесстрашный седок у огня,
Сразу бесы узнали его и коня:
«Это нарт Сосурук, он рожден из гранита!
От людей наше место сокрыто.
Люди здесь не живут: для людей
Нет в лесу ни жилья, ни путей.
Как попал он в такую глухую чащобу?»
Чуть завидев его, бесы чувствуют злобу,
Нараспашку на нем шуба волчья...
Сосурук, ты чего стоишь молча?
«Волчью шубу сними ты в урочище нашем,
Погляди, как играем и пляшем.
Всех красивей любая красавица здесь,
Отдадим тебе ту, что понравится здесь!»

Долго всадник могучий смотрел без опаски
На бесовские игры и пляски.
Наконец Сосурук скинул шубу,
А коня привязал он к ветвистому дубу
И вступил в буйный пляшущий круг, —
В середину вошел Сосурук.
Говорит: «Эй, поганое племя,
Да погибнет все ваше бесовское семя!
Разве так пляшут нарты у нас?
Посмотрите, как буду плясать я сейчас!»
И пустился он в пляс.
Не спускают с него нечестивые глаз.

Скажут: «Вправо!» — он вихрем взвивается вправо,
Скажут: «Влево!» — он влево летит, словно буря.
И на чудо бесовская смотрит орава,
Цепеня и брови нахмуря.

Видно, оторопь бесов берет.
Тамада печестивых выходит вперед,
Обращается к пляшущим бесам:
«Скоро утро забрезжит над лесом,
Нам в дорогу пора.
Ну, а ты, Сосурук, до утра
Оставайся с красавицей нашей вдвоем,
А ее мы тебе навсегда отдаем.
Да познаешь ты счастье в урочище тихом
И да нас не помянешь ты лихом».

Бесы в путь поскакали верхом,
Кто вдвоем на коне, кто втроем.
Стал светлеть небосвод на востоке.
Крепко спал богатырь одинокий,
Крепко спал, обнимая полено.
Как забрезжил рассвет, он проснулся мгновенно.
Он сказал: «Стыд и срам!
Как поверил я, глупый, бесовским речам?
Оказалось, что бесы хитрее меня:
Обманули шайтаны-злодеи меня!»

КАК СОСУРУК ОВЛАДЕЛ МЕЧОМ ЭМЕГЕНА

Эмегенам удалось однажды совершить набег на богатырей, захватить в плен несколько десятков нартов, их жен и сестер, угнать стадо. Нарты отправились в поход на эмегенов. Много месяцев скитались всадники по дорогам земли и выбрались наконец на поляну, окруженную густым лесом. Посреди поляны возвышалась трехъярусная крепость. Ёрюзбек, предводитель нартов, подъехал к правым воротам крепости и крикнул:
— Гей, есть кто-нибудь живой в крепости?

Ворота распахнулись, показался огромный, мохнатый эмеген. Нарты признали в нем того самого, который угнал в плен их сородичей, угнал стадо. Затем выглянул другой эмеген,

стал о чем-то шептаться с первым, старшим, после чего тот обратился к нартам с такими словами:

— Раз уже случилось так, что вы нас нашли, то пусть старший из нартов выйдет на единоборство со мною. Кто будет победителем, того и волю исполним.

Предводитель нартов, в знак согласия, молча стал снимать с себя воинские доспехи, готовясь к единоборству. Тогда самый младший из нартов, рожденный из гранита Сосурук, бросился на ноги предводителю богатырей, своему отцу, и сказал:

— Пока шел разговор, я внимательно изучил вожака эмегенов. Мне кажется, что я понял его. Мне кажется, что я его одолею. Да к тому же ты богат годами, сила твоя состарилась, а я должен испытать свою силу и разум.

Нарты одобрили слова Сосурука, согласился с ними и предводитель. Сосурук снял с себя доспехи, приблизился к вожаку эмегенов, сказал с твердостью:

— Слишком много будет тебе чести, если сразу вступит с тобой в единоборство старший из нартов. Сначала поборись со мною, с младшим из нартов. Если одолеешь меня, то начнешь борьбу с нашим предводителем.

Эмегены громко захохотали: мол, еще молоко у джигита на губах не обсохло, а туда же, в схватку с эмегенами лезет. Хоча, они дали согласие. Вожак эмегенов предложил:

— Вот наше условие. Начнем борьбу с тобой, малыш, так и быть. Через каждые два часа мы будем пить столько воды, сколько захочется, а потом помоем лицо и руки. Две бочки с водою стоят наверху, в башне.

— Принимаю твое условие, — сказал молодой нарт. Эмегены ушли, чтобы, по обычаю, который они переняли у людей, надеть одежду для борьбы. Внезапно с другой стороны крепости, из левых ворот, направилась к нартам красавица, и они узнали в ней нартскую девушку. Она сказала Сосуруку:

— Брат мой, в этой крепости томятся пленники-нарты. Я помогу тебе, а вы, парты, вызволите нас из плена. Будь стоек в единоборстве, не бойся эмегенов. Первые два часа борись, не жалея молодой силы. Потом наступит время воды испить. Эмегены для тебя поставили бочку слева: выпьешь из этой бочки — силу свою убавишь. В этом-то и коварство эмегена. А ты пей воду из этой бочки, — и силы тебе прибавится: пока вы с эмегеном будете бороться, я переставлю бочки, чтобы эмегену досталась вода, убавляющая силу. Запомни и другие слова. Есть у эмегена меч, рассекающий камень. И другим свойством

обладает меч: когда он приближается к живому существу, его клинок удлиняется. Если эмеген не одолеет тебя в борьбе, то прибегнет к помощи меча. А находится меч в ножнах между двумя бочками с водой...

Вожак эмегенов спустился с башни, облаченный в одежду для борьбы. Человек и чудовище схватились на траве перед крепостью. Два дыхания, как густой дым, поднялись высоко в небо, трава стерлась в пыль, земля обуглилась. Сосурук ослабел, обессилел и вожак эмегенов. Так прошло два часа. Противники, по условию, поднялись на башню, чтобы испить воды. Эмеген у входа в башню оттолкнул парта и ринулся к бочке, стоявшей справа, стал пить прямо из нее. Сосурук зачерпнул ковшиком немного воды из бочки, стоявшей слева. Эмеген пил жадно и быстро, выпил разом половину бочки: не знал он, что нартская девушка бочки переставила. А Сосурук пил не торопясь, будто нехотя, будто брезгую. Отопьет из ковшика — и остановится.

Эмеген забеспокоился: а вдруг молодой нарт выпьет губительной воды так мало, что сила его не убавится? Между тем Сосурук осушил уже сорок первый ковшик. Эмеген предложил: — Теперь спустимся к водоему, помоем лицо и руки теплой водой.

Спустились с башни к водоему. Эмеген, по обычаю людей, намылил голову и лицо, а Сосурук и говорит:

— Не люблю я мыться теплой водой, люблю воду проточную, студеную.

— Ступай к речке, только поскорее возвращайся, продолжим борьбу, — сказал эмеген.

Сосурук побежал, но не к реке, а к башне. Этого не заметил вожак эмегенов, чье лицо было в мыльной пене. Вход в башню охраняли два эмегена. Сосурук сказал им, что жажда его мучит, хочет воды напиться. Эмегены усмехнулись, — пей, мол, из бочки, стоящей слева, пей, глупый человечек, воду, убавляющую силу, — и пропустили парта. Сосурук увидел между бочками меч эмегена в ножнах. Нарт вытащил из ножен свой меч, упрятал его в ножны эмегена, а меч эмегена — в свои ножны.

Сосурук побежал к реке, разделся вошел в студеную воду. Он решил проверить силу эмегенова меча. И колдовской меч легко, словно мыло, перерезал утесы, поднимавшиеся из реки. Обрадовавшись, Сосурук вылез на берег, оделся, пошел к вожаку эмегенов. Снова началась борьба. Длилась она дотемна. По-

бедил Сосурук: он положил эмегена на обе лопатки. Вожак эмегенов сказал:

— Ты одолел меня в борьбе, не спорю. Теперь испытаем силу наших мечей. Если и тут окажешься победителем, — значит, ваша взяла, покоримся мы, эмегены, вашей человеческой воле.

— Хорошо, — не перечил ему Сосурук. — Только и у меня есть условия. Пусть все эмегены будут свидетелями нашего поединка, пусть придут взглянуть на нас и пленники-нарты. Кто победит, того волю исполнят все.

Слуга принес вожаку меч. Не знал вожак эмегенов, что то меч Сосурука!

Вышли из крепости эмегены, привели пленников-нартов, изможденных, бледных. Противники обнажили мечи. Меч эмегена в руках Сосурука удлинился, приближаясь к своему прежнему владельцу, и при каждом взмахе Сосурук то снимал волосы с головы эмегена, то срезал полу или рукав его одежды. А меч Сосурука в руках эмегена был бессилен. Когда Сосурук приставил лезвие удлиняющегося меча к горлу эмегена, тот, задыхаясь и хрипя, сказал:

— Никак не пойму, что сегодня с моим мечом случилось, да покажет его бог! Делать нечего, ты победил, ваша взяла, нарты. Всё, что захочешь, исполню, всё, что потребуешь — отдам, только сохрани мне жизнь.

— Сохраню тебе жизнь, — ответил Сосурук, — но закую навечно твои руки и ноги в кандалы.

Услышав, что он будет жить, вожак эмегенов обрадовался:

— Кандалы висят на воротах с левой стороны крепости! А свобода мне ни к чему, была бы жизнь!

Послали одного из нартов за кандалами, заковали в кандалы руки и ноги вожака эмегенов. Пленники-нарты получили свободу, ибо людям нет жизни без свободы. Взяв клятву с эмегенов, что никогда больше не причинят людям зла, богатыри, освобожденные и освободители, поскакали домой.

С этого дня и утвердилась среди нартов слава Сосурука. Все заговорили о силе и находчивости молодого богатыря.

И не раз ещё Сосурук, рожденный из гранита, спасал селения нартов от нашествия эмегенов. Там, где не мог взять силой, брал он умом и ловкостью. Ничем не выделялся он среди нартов: и роста был небольшого, и лицо у него было обыкновенное. Но если всмотреться в его ноги, то было у него одно от-

личие. Так высоки были его ступни, что цыплята свободно проходил под подошвами его ног.

Сосурук всегда делал людям добро. Даже с недругами своими не был он жесток. Сильнее его богатырских доспехов были его доброта, отвага и чистота сердца. Люди его благословляли, а на эмегенов одно имя его наводило ужас. Не только одноголовые, одноглазые, — даже многоглавые чудовища не могли его одолеть. А после похода, о котором мы поведали, Сосурук стал еще сильнее, ибо у него теперь был меч, который перерезал даже гранит и который удлинялся, приближаясь к противнику.

СОСУРУК В ПОДЗЕМНОМ МИРЕ

Однажды Ёрюзбек, вернувшись из похода, который длился тридцать суток, тяжело заболел. Сатанай поила его разными зельями, лечила разными травами, но недуг был сильнее зелий и трав. Сатанай в тревоге позвала трех своих сыновей и сказала:

— Заболел ваш отец, нет у меня снадобья, чтобы недуг исцелить. Есть на свете одно лекарство, которое может спасти Ёрюзбека. Далеко отсюда, за высокими горами, за бурными морями и дремучими лесами, расстилается в густом лесу широкая поляна. На поляне — дом белого мрамора, окруженный крепостной стеной, а в доме — девушка-красавица, а возле высокого ложа девушки, в золотом корыте, плавают золотые рыбы. Если ваш отец съест одну из этих рыб, то выздоровеет.

Три брата, лишних слов не говоря, снарядили своих богатырских коней и отправились на поиски золотых рыб. Втроем доехали до пещеры под высокой скалой, а от подножья скалы разбегались три дороги: две устремились на запад, а третья — в сторону Мекки. Тут братья и разъехались: два всадника помчались на запад, а Сосурук, рожденный из гранита — на восток.

Долго ли, коротко ли проскакал Сосурук, а выбрался на поляну посреди сосняка. На поляне увидел табун породистых лошадей. Послышался гулкий топот, прискакал табунщик. Сосурук обратился к нему с приветом, рассказал о том, куда направляется. Табунщик поймал из табуна неказистого жеребенка со свисающими клочьями осенней шерсти и подарил его Сосуруку.

Нарт, рожденный из гранита, вскочил на неказистого жеребенка, стал его понукать, бить хворостиной, но жеребенок — ни с места. Огрел его Сосурук плетью, и тогда жеребенок сказал человеческим голосом:

— Эй, джигит, напрасно кричишь на меня, напрасно бьешь хворостиной и плетью. Если будешь истинным мужчиной, то я буду истинным конем.

Обрадовался Сосурук, поблагодарил табунщика, пожелал ему счастья и помчался дальше верхом на подаренном жеребенке. Долго ли, коротко ли скакал, а добрался до поляны в дубраве. Посередине поляны бил родник, а у родника стояла хижина. Из нее вышел человек с черной бородой. Узнав от Сосурука о цели его путешествия, чернобородый сказал:

— Я помогу тебе раздобыть золотую рыбу. Нас трое братьев. Друг от друга мы живем на расстоянии десяти криков-завов. На расстоянии десяти криков-завов от самого младшего обитает та красавица, которая владеет золотыми рыбами. Она злобна и козлюлюбива. Так как самый младший — ее ближайший сосед, то от постоянной тревоги он раньше нас стал белобородым. А средний брат, удаленный от младшего на расстоянии десяти криков-завов, живет спокойнее, потому борода его только с проседью. А я так далеко живу от владелицы золотых рыб, что тревоги не ведаю, и, хотя я самый старший, борода моя покуда черна.

Чтобы доскакать до хозяйки беломраморного дома, пересядь со своего жеребенка на моего коня, а моего коня потом сменишь на коня среднего брата, а с коня среднего брата пересядешь на коня младшего. И на обратном пути меняй коней, не то погибнешь от руки злокозненной владычицы золотых рыб. Многих богатырей она погубила. Обычай ее таков: три дня и три ночи проводит она в походе, воюет, потом три дня и три ночи спит крепким, долгим сном, а рядом с ее высоким ложем плещутся в золотом корыте золотые рыбы.

Сосурук поблагодарил чернобородого за совет и наставление и, меняя коней, доскакал до беломраморного дома, окруженного крепостной стеной. Спешившись и привязав коней к коновязи, молодой нарт бесшумно проник в крепость. В башне он увидел на высокой пуховой постели девушку ослепительной красоты. Она спала долгим, крепким сном. Ее золотые волосы, рассыпавшись, свисали с богатого ложа. А перед ложем, в золотом корыте, плавали в прозрачной воде золотые рыбы.

Сосурук, тихо подкравшись, привязал золотые волосы девушки к спинке кровати, вытащил из корыта золотую рыбу и спрятал ее за пазуху. Спустившись из башни и выбежав из крепости, он отвязал коня, вскочил на него и только тронулся, как проснулась девушка. С помощью колдовства она подняла сильный ветер. Он вырывал, этот колдовской ветер, деревья из земли, валил скалы. Трава, деревья, комья почвы, камни гор взметнулись, преследуя Сосурука. Нарт услышал крик девушки:

— Остановись, сын собаки, всё равно далеко не убежишь!

Но в это время Сосурук успел пересесть с коня белобородого на коня среднего брата. Он поскакал во весь опор, оглянулся,— а за ним скачет злобная всадница, золотые ее волосы развеваются на ветру, железная плеть свистит в ее руках. Но Сосурук успел доскакать до хижины чернобородого и быстро пересесть на его коня. Чернобородый сказал нарту:

— Прежде чем скакать дальше, напои моего коня родниковой водой.

Сосурук так и сделал, но тут послышался топот: к роднику приближалась его преследовательница. Тогда рядом с конем чернобородого оказался неказистый жеребенок со свисающими клочьями осенней шерсти. Сосурук вскочил на него и сказал:

— Помнишь, ты мне поклялся: если я окажусь истинным мужчиной, то ты будешь истинным конем. Пришла пора сдерживать клятву.

А жеребенок в ответ:

— От своих слов не отказываюсь. Только смотри не упади, покрепче держись за мою гриву.

Золотоволосая всадница уже протянула руку, чтобы схватить жеребенка за хвост, но тот, плавно оторвавшись от земли, взвился к облакам. Он полетел над высокими горами, бурными морями, дремучими лесами и опустился около пещеры под скалой, у развилки трех дорог. Сосурук обрадовался: места были знакомые! Радовался он и тому, что за пазухой у него трепетала золотая рыба, которая должна была исцелить его отца от тяжелого недуга.

Нарт, рожденный из гранита, отпустил жеребенка пастись на горном лугу, а сам прилег отдохнуть в тени пещеры. В это время прискакали два его брата. Пошли расспросы. Сосурук довольный встречей с братьями, довольный своей добычей, показал им золотую рыбу.

В сердцах обоих братьев вскинула зависть. А где зависть, там и ненависть. Порешили они убить рожденного из гранита, а золотую рыбу забрать себе, сказать родителям, что они-то ее и раздобыли. Стали они шептаться:

— Этот ублюдок отнял у нас нартскую славу. Его жизнь — для нас позор. Мы — отважные богатыри. А Сосурук, рожденный из гранита от неизвестного отца, срам нашей матери, хочет сделать нас подошвами своих ног.

Пошептались, стали думать, как погубить Сосурука. Один говорит:

— Убьем и в землю зароем.

А другой:

— Зачем убивать? Сбросим его в бездонную пропасть. Он погибнет, а на нас не будет крови брата.

Сосурук крепко спал, утомленный долгим и трудным походом. Братья наклонились над ним, вытащили из-за пазухи золотую рыбу, а самого подняли, подошли к обрыву и сбросили спящего в бездонную пропасть. Хотели они и жеребенка — дар табунщика — себе забрать, но тот их и близко не подпустил. Попытались они загнать его в пещеру, но жеребенок взлетел на скалу над пещерой. Попробовали они загнать его на выступ скалы, но жеребенок прыгнул вниз. Как они ни старались, а не давался им в руки неказистый жеребенок со свисающими ключьями осенней шерсти.

А Сосурук все летел вниз, в бездонную пропасть. Он летел, ударяясь об уступы скал, срывая на лету камни. А наверху братья радовались, слыша гул его губительного падения. Наконец Сосурук упал на небольшой выступ земли между скалами. Узенькая тропинка неуверенно висала над самой бездной. Внезапно послышался голос женщины:

— Идем, говорю же тебе, идем быстрее, держись за полу моего платья!

Сосурук открыл глаза. Женщина, держа на руках грудного ребенка, осторожно двигалась по выступу скалы и торопила своего старшего, трехгодовалого. Увидев лежащего над бездной джигита, она удивилась:

— Как ты попал сюда! А я-то иду и браню своего старшего. Здесь и свалиться недолго, разбиться насмерть. Ты здесь чужой, наверно, непривычен к нашим тропам. Слышишь стук рогов? Это вступили в схватку два драчливых барана, приближаются сюда два самца, белый и черный. Когда они бросятся друг на друга, ухватись за рога белого барана. Белый баран

тебя подбросит вверх, и ты окажешься над пропастью. А если ухватишься за рог черного барана, то баран тебя оттолкнет вниз, и ты окажешься в другом мире, в подземном.

«Зарх-зурх! Зарх-зурх!» — раздалось на выступе скалы. Два барана бросились друг на друга. Сосурук ринулся к белому барану, но тот отвернулся и, уже на краю бездны, пришлось нарту ухватиться за рог черного барана. Черный баран отбросил его, и Сосурук полетел вниз, в пропасть.

Долго ли, коротко ли длилось его падение, а попал он в другой мир, в подземный. Ничего не поделаешь, пошел Сосурук по тропе подземного мира, и тропа привела его в селение. Вошел он в первый дом. Там жила женщина с двумя дочерьми. Сосурук приветствовал их, как велит обычай, рассказал о том, что с ним приключилось и дал им понять, что он из племени нартов. Потом попросил воды,—жажда его мучила. Женщина сказала:

— Прости меня, гость, а напоить не могу тебя. Нет у нас воды. Жителям селения грозит поголовная гибель. Верховьем реки завладел девятиголовый эмеген и не дает людям ни капли воды. Если найдется смельчак, готовый вступить с ним в битву, то эмеген съедает джигита. Скоро обезлюдеет наше селение, никого в живых не останется.

— Что же, матушка, обойдусь и без воды,—сказал Сосурук. — Нет воды у тебя, так, может быть, найдутся в доме меч, лук и колчан со стрелами. Еще попрошу тебя: сделай мне восемь голов-чучел. Попытаюсь я справиться с вашим недругом.

Женщина стала матерью Сосурука, подземные девушки, ее дочери,—сестрами нарта. Принесла хозяйка названному сыну меч, лук, колчан со стрелами, сделала головы-чучела, четыре прикрепила к правому плечу Сосурука, четыре — к левому, на всех чучелах — папахи. Испросив благословения женщины, отправился Сосурук на битву с девятиговым эмегеном.

Вскоре он достиг верховья реки. Перегородив ее своим непомерным туловищем, лежал, раскинувшись, девятиголовый эмеген. Из девяти его глоток (холодна была вода реки!) вырывался хриплый крик:

— Ух, пахнет! Ух, вкусно! Ух, человечье мяса поем!

Увидев Сосурука, эмеген сказал:

— Новый явился? Смерти желаешь? Бороться будем или стрелы метать начнем?

— Сперва — стрелы, потом — борьба, — сказал девятиголовому рожденный из гранита и метнул стрелу. Слетела одна из

голов эмегена с правого плеча. Эмеген решил, что и противник его — девятиголовый, и метнул стрелу в одну из голов-чучел, — и она слетела с правого плеча Сосурука. Так эмеген свалил наземь все восемь голов-чучел, а Сосурук снес с плеч чудовища девять его голов. С трудом оттащил Сосурук тело мертвого эмегена от реки, вода хлынула по руслу и люди селения утолили долгую, жгучую жажду.

Благодарный народ подземного мира решил построить для своего избавителя золотой дворец, женить нарта на самой красивой девушке селения. Но Сосурук сказал:

— Мне, нарту, не надо ни золота, ни серебра. Рано мне и жениться. Мне, нарту, нужна воля, а воля моя там, где мой народ. Если говорить о драгоценностях, то нет для меня ничего драгоценнее моего народа.

Старики подземного мира, полюбившие Сосурука, дали ему такой совет:

— Есть у нас дуб, а на нем гнездо, в котором орлица каждый год выводит своих птенцов. Но каждый год, пока орлица летает в горах в поисках пищи для детей, полный злобы дракон поедает орлят, разрушает гнездо и уползает в свое логово. Если ты поможешь орлиной семье, избавишь ее от гибели, то орлица исполнит твое заветное желание.

С мечом, луком и стрелами отправился молодой нарт к жилищу орлицы. Из гнезда на вершине дуба выглядывали робкие орлята. Увидев вооруженного богатыря, они сначала перепугались, но, поняв, что человек пришел к ним не со злом, а с добром, обрадовались и вскоре подружились с богатырем.

Наступила невыносимая жара. Листья на деревьях и травы на земле свернулись, пожелтели. По выжженной земле, извиваясь, пополз дракон. Он изрыгал из пасти пламя: оно-то и опалило землю. Орлята почуствовали страх, сбежались, как листья, прижались к гнезду. Сосурук метнул стрелу, и она попала в пасть дракона, и погибельное пламя погасло. Тело дракона свернулось в кольцо, из пасти хлынула кровь, обжигая землю, как кипяток, окутывая траву паром. Сосурук ударил чудовище мечом. Стрела ранила дракона смертельно, а сама смерть к нему пришла от меча.

Увидев, что дракон мертв, орлята позвали Сосурука в свое гнездо, стали к нему ласкаться. Вдруг на землю упала огромная тень.

— Не затмение ли началось? — спросил изумленный богатырь.

Орлята сказали:

— Это упала на землю тень нашей матушки. Она спешит к нам, летит, распластав крылья и закрывая солнце, и лучи солнца не в силах сквозь ее крылья проникнуть на землю.

Вскоре хлынул теплый дождик. Сквозь струи дождя проглядывало солнышко.

— Как это понять?—спросил Сосурук, и орлята ему сказали:

— Наша матушка приближается к гнезду. Она, бедная, думает, что мы погибли, как и прежние ее птенцы, и она плачет. Дождик, который сейчас полился,— это ее слезы. Но все же она надеется, что ее дети живы, ибо она — мать, а где мать, там и надежда. И солнышко, сияющее сквозь дождевые струи,— это свет ее материнской надежды.

Прошло еще некоторое время, и подул сильный ветер. Деревья пригнулись к травам, травы — к земле. Не гнулся только дуб, на котором было орлиное гнездо. Орлята сказали:

— Матушка спускается с выси. Спрячься, богатырь, под нашими крыльями, не то матушка, не зная тебя, подумает, что ты пришел со злом, ринется на тебя.

Орлица несказанно обрадовалась, увидев, что дети ее живы. Она спросила у орлят:

— Кто ваш избавитель? Каждый год я вывожу птенцов и каждый год поедает их дракон. Кто же убил дракона, как вы живы остались, светлкрылые мои?

— Вот наш избавитель, — сказали орлята и приподняли крылья.

Орлица увидела пирта. И счастливая мать прижалась к спасителю ее детей крылом своим, начала его ласкать клювом своим, говоря:

— Да стану я за тебя жертвой! Какую просьбу исполнить твою? Какое у тебя заветное желание?

— Я пирт, — сказал Сосурук, — я житель мира, который наверху. Мое заветное желание—воля, а воля моя там, где пирты. Вызови меня из подземного мира, мать-орлица!

— Я помогу тебе, — сказала мать-орлица. — Ты обретешь волю. Скажи людям селения, чтобы зарезали девять буйволов. Из шкур буйволов пусть изготовят люди два бурдюка. Один бурдюк пусть наполнят мясом буйволов, а другой — кровью буйволов, и пусть привяжут бурдюки к моей спине. Ты сядешь на мою шею, и мы полетим. Как только скажу я «карк!» — ты отрежешь и дашь мне кусок буйволиного мяса. Скажу

«курк!» — ты зачерпнешь ладонью буйволиную кровь и дашь мне глоток.

Когда Сосурук вернулся к людям и передал им слова орлицы, жители подземного селения приготовили всё, что нужно было орлице для полета. Нагрузили на нее два бурдюка с мясом и кровью буйволов. Сосурук сел на ее шею. Весь парод, исполненный благодарности к молодому нарту, вышел, чтобы проводить его в далекий, им неведомый путь. Люди сказали:

— Счастливого тебе полета, партский сын. Мы никогда не забудем твоей доброты!

А орлица, совершая круг за кругом, поднималась всё выше со своей необычной ношей, и наконец стала невидимой для человеческих глаз. Вскоре она достигла той пропасти, через которую был низвергнут в подземный мир Сосурук. Орлица взвилась вверх. Сосурук то мясом ее кормил, то поил буйволиной кровью.

Когда показалось нарту, что орлица вот-вот вырвется из пропасти, вот-вот достигнет верхнего мира, могучая птица, изнемогая от усталости, в последний раз попросила: «Карк!» Заглянул нарт в бурдюк, — а мясо кончилось. Между тем орлица начала слабеть. Еще миг — упадет она, бессильная, на дно пропасти, разобьется вместе с Сосуруком. Тогда Сосурук отрезал мечом кусок мякоти от своей ноги и подал орлице. Поев и набрав силы, орлица взметнулась вверх. Глаза ее увидели свет всемогущего тейри, свет земного мира. Она крикнула: «Курк!». Заглянул парт в другой бурдюк, — а там ни капли крови. Сосурук зачерпнул ладонью кровь со своей израненной мечом ноги и дал орлице испить, и орлица, утолив жажду, выпесла его на поверхность того мира, где он родился из гранита. В том месте, где Сосурука низвергли в пропасть завистники-братья, орлица сняла его со своей шеи и сказала:

— Хорошо ты кормил меня, вовремя, но самым лучшим показался мне последний кусок мяса, самым вкусным — последний глоток крови. Попробуй-ка шагнуть, — не разучился ли ты ходить по родной земле.

Сосурук, сильно хромая, с трудом сделал два шага. Орлица увидела, что нога его ранена, что с нее стекает кровь, и догадалась, откуда взялись последний кусок мяса и последний глоток крови. Она припала клювом к ноге Сосурука, облизнула ее по-матерински, как крыло орленка, и нога снова стала крепкой, раны как не было.

— И тебе пора домой, и мне пора домой, — сказала мать-

орлица и улетела к своим птенцам. А Сосурук направился к пещере. Из леса выбежал к нему жеребенок со свисающими ключьями осенней шерсти, радостно заржал. Конь и всадник стали ласкать друг друга, а потом Сосурук вскочил на жеребенка и поскакал в родное селение.

Недалеко от обители нартов повстречался всаднику молодой пастух, окруженный овцами и баранами. Станным показался богатырю этот юноша: то он плакал горько, то песни пел.

— Да умножится твоё стадо, — приветствовал Сосурук пастуха. А тот в ответ:

— Да будет долгой твоя жизнь, всадник!

— Смотрю на тебя — не могу понять: то плачешь, то поешь весело. Раздвоился ты, что ли? — спросил Сосурук.

Пастух сказал:

— Самый младший из нартов, самый смелый и славный, отправился на поиски золотой рыбы и исчез. Сегодня вечером, испрашивая милости у всемогущего тейри, семья Сосурука приглашает всех на обильные поминки по пропавшем сыне. Когда я думаю о том, что и мне перепадет вкусный кусок, я пою, полон радости, а когда вспоминаю о том, что погиб такой славный богатырь, такой молодой, я плачу, полный печали.

— Не плачь, — утешил пастуха Сосурук. — Кто знает, может быть, еще вернется домой Сосурук.

— Нет, не вернется, — вздохнул молодой пастух. — Растерзали нашего Сосурука дикие звери в лесу, ни единой косточки не оставили.

Сосурук вступил в селение. Нарты и их семьи собрались на площади вокруг котлов, в которых варилось мясо. Увидев Сосурука, все обрадовались: значит, жив отважный, могучий нарт, опора в походе! Изумленный Ёрюзмек подошел к себе рожденного из гранита и сказал:

— Эй, беспомощный, опозорил ты имя нарта! Твои братья спасли меня от смерти, привезли мне золотую рыбу, прогнали мой недуг, а что мне привез ты? Вся твоя добыча — этот жеребенок со свисающими ключьями осенней шерсти!

Сосурук сказал:

— Никогда нельзя лгать, в особенности нельзя лгать отцу. Если же говорить правду, то золотую рыбу для тебя достал я. А если говорить об этом неказистом жеребенке, то без его помощи не раздобыл бы я для тебя снадобья, не спас бы тебя от смерти.

Сосурук рассказал, как было дело, и закончил вопросом:

— Как мне доказать правоту моих слов?

Многие поверили Сосуруку, зная его отвагу, зная, что его братья завистливы, но были и такие, которые верили завистникам. Тогда мудрая Сатанай предложила:

— образуем круг, а три брата пусть сядут в середину круга. Положим перед каждым по овечьей лопатке. Пусть все трое метнут в небо по одной стреле.

Сосурук метнул в небо стрелу, и она, вернувшись, попала в середину лопатки. Метнули поочередно стрелы и его завистники-братья, но стрелы даже не задели лопатку, улетели и скрылись в небе.

Тогда-то все нарты поняли, как было дело.

СОСУРУК И ЖЕЛЕЗНОЕ КОЛЕСО

Не давала нартам покоя слава Сосурука. «И роста он небольшого, — говорили завистники, — и не сильнее ни одного из нас, и никто не знает, от какого отца он рожден из камня, почему же только о нем и слышны повсюду речи, только ему гремит хвала, только его ловкость и находчивость славят?» И зложелатели решили погубить Сосурука. Они объявили, что у подножья Голой горы, где происходят поединки нартов, начнется игра с колесом.

А игра была такой: с вершины Голой горы пускали вниз железное колесо, чей поперечник был равен расстоянию, на котором слышен человеческий крик. Не было у нартов веревки такой длины, чтобы обхватила бы это колесо. Когда его пускали с вершины Голой горы, богатырь, стоя у подножья горы, должен был толкнуть бешено катившееся колесо сначала лбом, затем рукой, затем грудью, — толкнуть с такой силой, чтобы колесо покатилося назад, наверх.

Началась игра. Никто из молодых нартов не решался вступить в состязание первым: страшно им было. Один Сосурук спокойно выступил вперед. Зложелатели, замыслившие погубить рожденного из гранита, поднялись на вершину Голой горы с железным колесом. Сосурук, упираясь крепкими ногами о землю, стал у подножья горы, приготовился ударить колесо лбом.

Колесо покатилося с вершины горы так быстро, как стрела, пущенная из лука. На своем пути оно рассыпало искры, рас-

секало скалы. Великая тяжесть его, соединенная с великой скоростью, превращала горные камни в пыль. Вот уже достигло колесо подножья горы, но Сосурук ударил его булатным лбом и легко отбросил назад, на вершину.

Снова покатилось колесо вниз, заставляя дрожать и стонать землю, и снова вернул его Сосурук наверх ударом руки. В третий раз низринули нарты колесо с вершины горы, но Сосурук его встретил булатной грудью, заставил колесо в третий раз взметнуться наверх.

Зложелатели-нарты были потрясены булатной силой Сосурука, потрясены и подавлены. Они разошлись в унынии, в бесильной злобе. Отправился домой и Сосурук. На дороге что-то блеснуло. Сосурук наклонился и увидел золотое колечко, увидел, да не заметил, что недобрым блеском оно блестело. Молодой нарт поднял колечко и спрятал его в карман.

Вернувшись, он рассказал матери, как победил в состязании-игре, и при этом добавил:

— Хорошо, что колесо не задело случайно мои колени, тогда я бы погиб.

Только промолвил эти слова, как вспомнил о находке. Он сказал:

— Взгляни, мать, какое красивое золотое колечко я нашел.

— Не колечко, а погибель свою ты нашел,—сказала мудрая Сатанай. — А ну-ка, покажи находку.

Сосурук запустил руку в карман, но колечка там не было. Мог ли догадаться Сосурук, что злая колдунья, по наущению завистников, превратилась в золотое колечко, чтобы выведать тайну молодого богатыря? Сатанай сказала своему сыну, рожденному из гранита:

— Если тебе еще раз придется толкнуть колесо, то оно отрежет тебе обе ноги. Страшись зложелателей и завистников.

— Мне страх неведом, — ответил Сосурук. — Если я отступлю перед опасностью, то я утрачу доброе имя нарта. Послушать тебя, так пам, нартам, остается только одно: выходить на улицу, покрыв голову женским платком...

Когда духи наших гор закаляли маленького Сосурука, тело его превратилось в булат. Но держали они в это время мальчика за колени, и остались колени незакаленными, уязвимыми. Об этом-то и узнала злая колдунья от неосторожного Сосурука и сообщила его недругам.

— Только его колени уязвимы,—поучала злая колдунья завистников. — Пустите колесо так, чтобы его удар пришелся

по коленям этого ублюдка, ибо все другие части его тела превратились в булат.

Нарты снова объявили игру-состязание, но условия игры были новые: теперь нужно было возвратить колесо паверх ударом колен.

Сосурук пришел на состязание к подножью Голой горы: не мог же он утратить доброе имя парта, уклониться от вызова завистников. А те низригули колесо с вершины, крикнули:

— Сосурук, ударь его коленями!

Колесо покатилося, превращая на своем пути горные камни в пыль, разрушая скалы. Оно ударилося о незакаленные колени Сосурука—и отрезало ему обе ноги. Нарты-завистники, довольные и веселые, спустились с горы, разошлись по домам. А внизу, у подножья горы, лежал истекающий кровью Сосурук.

Прилетел орел. Сосурук попросил его:

— Полети, могучий орел, к моей матери, мудрой Сатанай, и скажи ей, что колесом отрезаны обе мои ноги, что я здесь лежу, истекая кровью. Если исполнишь мою просьбу, то великодушные нарты до скопчания дней твоих будут заботиться о тебе, кормить тебя любимыми твоими кушаньями.

— Нет, не полечу,— ответил орел.— Разве ты забыл, джигит, что после охоты в лесу ты уносил всю убитую тобою дичь, мне ничего не оставляя? Теперь умри здесь, и ты будешь моей пищей.

Прискакал косоглазый заяц. Сосурук обратился к нему с той же просьбой:

— Заяц, бедняга ты мой, всегда-то ты всех боишься, ты способен понять страдания раненого существа. Побеги, расскажи великодушным, мудрым партам, что я здесь лежу, обезноженный. Помоги мне, и я впредь не дам тебя в обиду зверям, буду твоей защитой.

— Нет, не побегу,—отказался заяц.—Догонит волк и съест меня.

Прилетел голубь. Сосурук сказал ему:

— Голубь мой, брат мой, самый добрый из крылатых, полети к моей матери Сатанай, самой умной из женщин, поведай матери, что обе ноги мои отрезаны колесом, что я здесь лежу, истекая кровью.

— Я знаю тебя,— ответил голубь.— Ты нарт Сосурук, ты человек, рожденный из камня. Часто я садился на дерево перед твоим отчим домом. На дереве росли золотые яблоки, я стряхивал их на землю, но ты не сердился на меня, ты ни разу не пустил в меня стрелу. Я полечу к мудрой Сатанай.

Голубь расправил сизые крылья, полетел к Сатанай и сказал: — Твой сын лежит, истекая кровью, и кровью его насыщаются птицы и звери, ее пьет трава у подножия горы.

Мудрая колдунья Сатанай побежала к сыну, припала к его коленям, коснулась их своими вещими устами и от прикосновения материнских уст кости срослись. Сатанай взяла сына на руки, понесла его домой, лечила снадобьями, и крепче прежнего стали колени нарта, рожденного из гранита.

А когда, по прошествии многих лет, пришло время Сосуруку покинуть этот мир, то не умер он, как другие люди, а, рожденный из гранита, снова стал гранитом. Он превратился в скалу. Если вы подниметесь на плечи Кавказа, то встретитесь глазами с глазами высокой скалы: это смотрит на нас нарт Сосурук. Он смотрит на нас, живущих и сказывающих сказание о нартах и о нем, о рожденном из гранита.

НАРТ ДЕБЕТ

ПРО ПЕРВОГО НАРТА

Над богами владыка, тейри грозноликый
Так промолвил, весь мир озирая великий:
«Я дыханием уст сотворил небосвод.
Облака? Это дым моей трубки плывет.
Звезды? Искры, которые высек кресалом,
А земля—то, что жизни пребудет началом.
Беспредельное море я создал навеки,
Повелел—заблестели и хлынули реки
По земле, мною созданной в полдень погожий:
Превратил я в нее лоскуток моей кожи.
Из хрящей моих создал высокие горы,
И сквозь них сотни рек прорвались на просторы.
Из волос моих создал деревья и травы,

Запестрели сады, зашумели дубравы,
Свищут птицы в лесах, рыщут звери на воле,—
Этот мир эмегенам достанется, что ли?
Иль чудовищам всё я отдам однооком,
Что возникли из желчи моей ненароком?
Мне назло, ради зла, помышляя о зле,
Расплодилось они на цветущей земле!»

Так, подумав, промолвил богов повелитель,
Озирая с тоскою земную обитель.
И тогда в сердце бога, познавшем страданье,
Родилось неизвестное прежде созданье:
Это был первый нарт, это был человек.
Для него часть души всемогущий отсек,
Чтоб сиял изнутри разумения светом,
И назвал он его Златоликим Дебетом.
Молвил первому нарту, исполнен любви:
«У подножья горы Минги-тау живи».

Обучил его хитрому делу творец:
Первый нарт нам известен как первый кузнец.
Он железо добыл—и свой труд он прославил:
На земле он впервые железо расплавил.
Стал он уголь сжигать, он из стали впервые
Стал ковать и щиты, и мечи боевые.
Он кольчугу на диво сработал, затем
Изготовил неслыханной крепости шлем,
Меч, в огне закаленный, назвал он Сырныном...
Шлем надев, станет страшен боец исполним,
В той кольчуге и трус не подвластен испугу,
Рвется к бою, как только паденет кольчугу.
А мечом я, незрячий старик, на скаку
Минги-тау, вершину вершин, рассеку.

* * *

Но порой о Дебете в народе у нас
По-прежнему ведется старинный рассказ.

НАРТСКИЙ КУЗНЕЦ

Это было в давнишнее время седое.
Обитало в пещерах всё племя людское.
В те года, когда каменным было корыто
И повсюду из дерева делалось сито,
Бог огня стал супругом богини земли.
Загремело вблизи, загремело вдали,—
И земля зачала. Стаповясь всё круглей,
Ожидала дитя девять лет, девять дней.
Вот разверзлась земля и родился Дебет,
И богиня воды искупала чуть свет,
Напоила водой родниковую, звонкой,
И кормить, и воспитывать стала ребенка,
И учила его, и следила сама,
Чтобы нартского мальчик набрался ума.

У Дебета в груди ярко пламя горело,
Было крепким и твердым железное тело,
И растягивались, точно лук, сухожилья,
И при этом сжиматься могли без усилья,
А сустав его каждый, круглясь и играя,
Разгибался легко, точно петля дверная.
Были кровь и душа у него из огня.
Как рукою дотронется он до кремня,—
Раскален докрасна, расплавляется камень:
Сочетались в Дебете железо и пламень.
Бог огня научил его пламенной речи,
Бог земли научил его каменной речи,
Бог воды ему пищу давал и питье,
И открыл он Дебету наречье свое.
Вот взобравшись однажды на горный хребет,
Там беседовать начал с камнями Дебет,
Он узнал их совет, услышал наставленья,
И набрал он камней, и спустился в селенье.

В душу каждого камня он чудно проник,
Потому что камней понимал он язык.
Как лепешкой ячменной, камнями питался
И камней существо он постигнуть пытался.
Бог огня помогал ему, полон веселья,

Из камней всевозможные делать изделия,
А железо, как тесто, покорно, любовно
Подчинялось могучему беспрекословно.

Говорил он с огнем, говорил он с водой,
И наречье земли понял нарт молодой.
Он впервые постиг кузнеца ремесло.
Всё, что в камне таилось, Дебета влекло,
Извлекал из камней всё, что людям потребно,
Ибо в их естество проникал он волшебю.
Он из камня щиты мастерил и кольчуги,
Он искусством прославился в нартской округе,
И такого умения даже достиг,
Что из гладких камней жарил вкусный шашлык!

На скалистой вершине он кузю поставил.
На земле он впервые железо расплавил,
Он впервые стал каменный уголь сжигать,
Сделал кожаный мех, людям стал помогать.
Добывал он руду, прорубая скалу,
И растягивал, точно густую смолу,
Он железо своими большими руками,
И, чтоб нарты расправились быстро с врагами,
Делал стрелы, в кольчуги людей одевал,
Днем и ночью для войска оружие ковал.
Смельчаки восхваляли его мастерство,
И такая гремела молва про него:
Есть в мечах его сила! Возьми что попало,—
Всё разрежут они, как курдючное сало!
Метким стрелам его не преграда — скала,
Не пройдут сквозь кольчугу ни меч, ни стрела!
Он готовил на северном склоне оружие,
Потрясая и громом, и звоном окружье.
А потом, протянув через горы, на юге
Закалял в Черном море мечи и кольчуги.
Не пугала стрелу безграничная даль,
Превращал он железо обычное в сталь.
Для вонтелей много он выковал стрел,
Скакуна Гемуду он в кольчугу одел,
И кольчугу чудесную эту рассечь
Не могли ни стрела супостата, ни меч,
Ну, а стрелы, которые делал Дебет,
Пробивали насквозь даже горный хребет,

И падменно, с громадою каменной споря,
Достигали просторного Черного моря.
От кузнечного, нужного всем ремесла
Сила нартского войска росла и росла.
Чем хитрее кузнец, тем храбрее боец.
Вот каков был Дебет, первый нартский кузнец:
Он деянья помог совершить боевые,
Из руды раздобыл он железо впервые,
Он железную силу дал нашему телу,
Научил он потомков кузнечному делу.

ГУ И ЧЕХНИ—СЫНОВЬЯ ДЕБЕТА

Ради крепости дома, для чести и славы
Старцу-нарту Дебету тейри светлоглавыи
Даровал девятнадцать сынов-соколов,
Девятнадцать сердец, девятнадцать голов.
Старший сын Алауган всех поздней стал женат,
И слова всех поздней про него зазвонят,
А сейчас я о первом поведаю горе,
Что познал человек на подлунном просторе.
Расскажу я о нартах, о Гу и Чехни,
Расскажу, как погасли их светлые дни.
Эй, отважные нарты, мужи-силачи,
Плачут горы по вас и тоскуют ключи!
Здесь впервые земля обрела свою муку,
Брат на брата здесь поднял без умысла руку,
Здесь людей темный ужас впервые потряс,
Кровь людская была пролита в первый раз.

Гу, второй сын Дебета, старательный Гу,
Пас отцовское стадо на горном лугу,
А Чехни, третий сын, был могучим, суровым,
Несравненным охотником и звероловом.
Знал повадки зверей, знал и вольницу птичью,
Старца-нарта отца он кормил свежей дичью.
Вот однажды зажегся семейный очаг.
Стал Чехни похваляться с насмешкой в очах,
Стал над братом смеяться охотник умелый:
«Ох, и зорок мой глаз, ох, верны мои стрелы!
Заприметил я лань на вершине седьмой,

А с шестой я настиг ее быстрой стрелой.
И тебе, бы, мой брат, поохотиться надо!
Ты, как видно, все дни проводя возле стада,
И беседа только с овцой и бараном,
Стал и зрением слаб, да и слух твой с изъязном,
Берегись, украдут твоих лучших ягнят!»

С лаской младшему старший отвечивал брат:
«Эй, ты сокол мой зоркий, мой волк быстроногий!
Я с тобою сравняюсь ли, слабый, убогий!
Здесь и в зимнюю пору и в летнюю пору —
Тишина; где тут взяться неожиданному вору!»
Темной ночью, дышанье свое затая,
Подбирается к стаду Чехни, как змея.
Он ползет и не сдвинет ни стебля, ни ветки.
Что задумал охотник удачливый, меткий?
«Ох, и буду же завтра над братом смеяться!
Кто же выкрал баранов? — спрошу я у братца».

Но не спит и не дремлет прилежный пастух:
Гу сидит у костра, напрягает свой слух.
Где-то чудится шорох. Иль ветки шумят?
Но смекает, что хочет потешиться брат:
«Подползает к отаре Чехни озорной,
Посмеяться над старшим решил, надо мной,
Дай-ка, сам я над ним подшучу: позабавлю
Я себя — и его испугаться заставлю».

Крикнул Гу—словно грянул с угрозою гром.
От его богатырского крика кругом,
Как песок, полетели утесы во мглу.
Черный лук натянул и пустил он стрелу.
Словно буря, сквозь чашу кустов, загудела,
Заревела стрела, устремясь без прицела.

Стон протяжный ответил ей из-за куста,
Из-за изгороди для загона скота.
Но нашла она цель, устремясь без прицела:
Держит Гу, обнимает холодное тело.
Ранен в сердце Чехни оперенной стрелой,
Кровь течет и кипит светло-алой струей.

Нарты плакать не могут, их жребий таков:
Не дал бог стальногрудым ни слез и ни слов,

Чтобы выразить боль о тяжелой утрате.
Но о друге своем, о возлюбленном брате
Горевал бедный Гу, предок всех горемык.
Он к холодному телу всей грудью припик,—
Светло-алую кровью окрасилась грудь.
Если б душу в безгласное тело вдохнуть!
Закричать бы—но кто же на крик отзовется?
Зарыдать бы—не то его грудь разорвется!

Но теири положил его горю предел,
Волю дал, чтоб несчастный о брате скорбел:
Обратил неповинного братоубийцу
Повелитель богов в быстрокрылую птицу,
В красногрудую чайку: видать, неспроста
Кровью брата была его грудь залита.
Реет чайка с тех пор над пучиной морской
И о брате убитом рыдает с тоскою.

КАК ЗЛО ВОШЛО В РОД НАРТОВ

Не хотите вы с веком вступать в разговоры,
Но откройте нам тайну, предвечные горы,
Ты поведай нам, рек и озер властелин,
Говорливый старик, океан-исполни:
Как возникло средь нартвов бесхитростных зло?
Как предательство в чистые души вползло?
Кто измену и зависть занес в те сердца,
Что на свет появились из сердца творца?

Отвечал исполни, светлых вод властелин,
Загудели в ответ камни горных вершин:
«Хватит с нас наших собственных тайн вековых,
Мы и знать не желаем о тайнах чужих.
Знает ветер: простор облетая бескрайний,
Он приучен чужие выведывать тайны».

Вот что ветер крылатый поведал в ответ:
«Первый нарт на земле—Златоликий Дебет—
Народил девятнадцать сынов-силачей
(Не в обычае нартвов считать дочерей).

Брили голову нарту, вступавшему в зрелость,
И впервые, чтоб силу явил он и смелость,
Молодому вручали оружие, коня:
Издавна так ведется до нашего дня.
Был еще один старый обычай вначале:
Как джигиту коня и оружие вручали,
В эту пору, — гласят стародавние были, —
Не джигита, а младшего брата женили.

Вот и выросли старца Дебета сыны.
Каждый сделался мужем почтенной жены,
Родились у них дети, пошли у них внуки,
Лишь у самого старшего—беды и муки:
Алаугану жениться пора не пришла,
Не пришла, хоть давно отошла, отцвела.
Побелела у нарта волос половина
И с морщиной морщина, с кручиной кручина—
Сетью старости стали, покрывшею щеки,
И бродил он в унынье, как зубр одинокий.
Дети дразнят его—холостого, седого:
«Ты бы пряхою сделался, верное слово,
Ты без бабы, — так бабьей займись ты заботой,
Не ходи нагишом, сам одежду сработай!»
Если ссорились взрослые между собой, —
«Алаугановой будь наделен ты судьбой!»—
Изрекали такое проклятие, споря...

Не стерпел Алауган поруганья и горя.
И предстал сын-старик перед старцем Дебетом,
Снял папаху, с поклоном придя и с приветом,
И пред ложем сказал: «Изволение дай,
Мой отец, отпусти меня в северный край,
Истреблять эмегенов-чудовищ я буду.
Надо мной уже люди смеются повсюду:
«Сиднем сидя в дому, поседел он давно,
Удаль нарта свою просидел он давно!»

Алаугану отвечивал старый Дебет—
Мудрым был прозорливого нарта ответ:
«Если хочешь разбить эмегенов-врагов,
Заслужить похвалу властелина богов,
Завещавшего нам уничтожить дотла,
Нанести поражение исчадиям зла, —

То на это я благословенье даю,
И оружие даю—да поможет в бою:
Меч Сырпын, крепкий шлем, что страшат супостата,—
Я для старшего в роде сковал их когда-то,—
И коня Гемуду: он породы стальной,
Он из стали когда-то был выкован мной.
Бог вдохнул в него жизни восторг и веселье,
И теперь он хозяина ждет в подземелье...

Всё тебе отдаю, что потребно в бою,
Ты же дай богатырскую клятву свою,
Что из края врагов, на коне боевом
Ни с одним не приедешь живым существом,
А иначе повергнешь в беду нартский род.
Эту клятву исполни, но знай наперед,
Что, вернувшись, в живых не застанешь меня».

Алауган, богатырское слово храня,
Так поклялся отцу: «Эмегенов карая,
Из безбожного края, полночного края,
Возвратившись домой на коне боевом,
Ни с одним не приеду живым существом».

То не черная туча упала с вершины,
То не молния дол озарила пустынный,
Это всадник-старик на могучем коне
Истребляет чудовищ в полночной стране.
Блещет молнией острый Сырпын над врагом,
И грохочут удары меча, словно гром.

Слышен раненых стон и предсмертный их вой,
Поднялись горы трупов в степи вековой,
Разлились черной крови кипучие реки,
И на север, где не было жизни веки,
Обезумев, бегут эмегены поспешно,
А за ними, как утро за ночью кромешной,
Неотступно летит неизбежною карой
На могучем коне Алауган, воин старый,
И кого настигает седой исполин,—
Рассекает сверкающей сталью Сырпын.

Вот пустыня пред ним, край песков и бесплодья.
Натянул Алауган посильнее поводья,

Осадил Гемуду—и увидел мгновенно,
Что в пещере запрятались три эмегена:
Сын с отцом вносят черный котел в свой тайпик,
А котел закопченный—не мал, не велик:
У него—сорок медных, широких ушков,
В нем улягутся, сварятся сорок быков,
А старуха сшивает скалу со скалой,
Камень с камнем сшивает проворной иглой
И дрожит, вход в пещеру свою зашивая,
А игла-то ее—как сосна вековая.

Крикнул нарт на коня, вынул саблю из пожен
И к пещере помчался, как месть, непреложен.
Видит нарт: из реки, из сверкающей пены,
Поднялась голова молодой эмегены,
Словно золото, косы горят на заре,
Под ресницами очи—как угли в костре.

Говорит Алаугану красавица-дева:
«Не губи моих близких, исполненный гнева!
Поднимусь я к тебе, старику, из воды,
Я не буду гнушаться седой бороды,
Так и быть, стану старому нарту женой,
Хоть красней меня нет на тверди земной!»

Алауган, покосясь на нее исподлобья,
Вынул меч— и стремительных молний подобье
Засверкало—был сын-эмеген обезглавлен!
Из речного потока, что был окровавлен,
Показалась по пояс красавица-дева,
И как тополь, как самое стройное древо,
Эмегена была высока и стройна,
Горным снегом блистала ее белизна.

Стала нарта молить, стала руки ломать:
«Хоть отца мне оставь, пощади мою мать!
Или ты не пленен красотой моею?
Где ты видел прекраснее груди и шеи,
Стан стройнее и руки белей и круглей?
Алауган, ты моих стариков пожалей!
Эта грудь к тебе крепко прижмется, мой милый,
Эти руки тебя обовьют с чудной силой,

Буду вся я твоей, буду вся я твоей,
Только старость моих стариков пожалей!»

Нарт желанья полон и полон боязни—
Видит он свою гибель в прелестном соблазне.
Стиснув зубы, пылая от злости и страсти,
Эмегена-отца рассекает на части.
Тут девица заплакала плачем беды,
В полный рост поднялась на песок из воды,
Перед нартом предстала, блестя наготой,
И красой молодой, и косой золотой:

«Посмотри, господни, вот я вся пред тобою!
Я навек тебе стану покорной женою,
Если ты пощадишь мою старую мать,
А не то кинусь в воду речную опять,
Утопу я и рыбам отдам свое тело...
Ты, чье сердце, как камень, давно затвердело, —
Рыбы ты холодней, ты забыл состраданье!»

Закружилось у нарта в глазах мирозданье,
В голове — словно грохот и скрежет обвала,
Словно птица, в груди его сердце дрожало.
И старик ей отвечивал хрипло и глухо:
«Пусть живет! Пусть уходит скорее старуха!
Только ты подойди, подойди!»—Но едва
Старый всадник промолвил такие слова,
Придавила кольчуга вонтелю грудь,
Шлем заставил от девы глаза отвернуть,—
Вместе с шлемом и вся голова повернулась,
Сталь меча на старуху сама замахнулась,
А отцовский скакун, умный конь Гемуда,
Кренко оземь ударил копытом тогда
И сказал человеческой, ясною речью:
«Помни, нарт, что отцу, как поехала на сечу,
Ты поклялся великою клятвой святой!»

Но, сверкая прекрасной своей наготой,
Эмегена приблизилась к нарту седому,
И ту клятву, что дал, уезжая из дому,
Ту священную клятву презрел Алауган,
Отравил его нартское сердце дурман,

Всадник на руки взял эмегенову дочь,
Чтоб отсюда навек увезти ее прочь,
Чтоб исчадие зла, свой закончив поход,
Как супругу ввести в нартский дом, в нартский род.

Чистой нартской земле на погибель и зло
Алауган эмегену сажает в седло,
Но не снес Гемуда этой пощи, и вдруг
Весь хребет, что из стали, согнулся, как лук,
Все четыре ноги подогнулись в бессильи
И уста скакуна по-людски возгласили:

«Мой хозяин, Дебета безгрешного сын!
Вас обонх мне трудно везти, господин!
Храбрый воин, послушай мой добрый совет:
Чем ломать под исчадием зла мой хребет,
Нагрузи меня лучше котлом, что старик
Эмеген притащил в ту пещеру-тайник.
А котел и без мяса для парта хорош:
Только воду нальешь и огонь разведешь,—
Бычьи туши увидишь ты—сорок числом!
Дорожить надо этим чудесным котлом,
И пока в старшем нартском роду, что безгрешен,
Тот котел будет в доме Алика подвешен
На священной цепи,—будет вечным, как время,
Не познает и голода нартское племя!»

И покуда скакун говорил,—молодая
Эмегена молчала, той речи внимая,
Лишь в глазах ее черное прыгало пламя,
Да скрипела она в лютой злобе зубами.
Но едва кончил слово скакун боевой,—
Алаугану сказала с усмешкой кривой:
«Прежде выкуп давал за невесту жених,
Ныиче—жены мужей выкупают своих,
Что ж, бери мой котел, да садись на коня,
Без котла ты, видать, не прокормишь меня!»
Алауган принял слово коня и пошел,
И достал из пещеры чудесный котел,
И на плечи взвалил он его, словно раб,
И, казалось, под бременем этим ослаб.
Обливался он потом, а рядом надменно
Восседала на чалом коне эмегена.

Алауган тихо-тихо бредет из похода,
Как медведь с тяжким ульем запретного меда,
А молва, словно заяц бежит... О, помилуй,
Сжался, смерть, награди Алаугана могилой:
Кто священную клятву презрел, пусть умрет!..

Зло впервые вошло в нартский дом, в нартский род.

* * *

Но дошла и другая до горских селений
Стародавняя быль о жене-эмегене.

КАК АЛАУГАН ЖЕНИЛСЯ

На земле нету нартского рода славней!
Девятнадцать Дебет произвел сыновей.
Алауган — самый старший, отвагой богатый,
И давно были все его братья женаты,
Лишь один Алауган в одиночестве жил,
Но, как будто, жениться и сам не спешил.
Наконец холостой удалец Алауган
К разговорам прислушался односельчан:
«Где найдет себе женщину воин такой?
Нартских жен устрашает он мощью мужской!»

Он пытался жениться, — увы, ни одна
Не могла с ним ужиться подруга-жена.
Годы шли, появилась тогда поговорка,
Было слушать ее и позорно и горько:
«Он остался, как нарт Алауган, без жены!»
Стали дни Алаугана грустны и темны.
Оседлал он коня и отправился в путь:
Может быть, он отыщет жену где-нибудь?

По горам, по долам едет-скачет в тоске.
Перед ним возвышается холм вдалеке.
Но, приблизившись, трепет почуял мгновенно:
То не холм, то — страшлище, то — эмегена!
Между пальцев — иголка, — потолще бревна,
А длинная нитка аркану равна.
Свирепая, единственный щурится глаз.

А земля под чудовищем гулко тряслась.
Груды были за плечи закинуты; сало
Живота до земли — слой за слоем — свисало;
Ямы, трещины — раны на теле земном —
Эмегена латала иголкой-бревном.

И когда она так восседала угрюмо,
Алауган к ней приблизился сзади без шума,
Крепко губы он сжал, и на миг задохнулся,
И губами грудей эмегены коснулся.
Повернулась и крикнула, вместо проклятий:
«Эй, моим неожиданно стал ты дитятей!
Жаль, груди моей ртом ты коснулся тайком,
А не то б оказался отменным куском!»
Молвил нарт: «Мы вступили б с тобою в сраженье,
Но груди я твоей оказал уваженье».

Алауган эмегене пришлось по нраву:
«Заживет с моей дочкой, — решила, — на славу!»
И задумала всаднику дочь показать, —
Мол, из нарта хороший получится зять.
«Дочь моя, — говорит, — хороша и мила».
И в пещеру свою храбреца повела.
Говорит: «Привела тебе, дочь, муженька!»
А у нарта спина широка и крепка,
Зубров он изловил, сам их стал свежевать, —
Силы некуда рослому нарту девать!

Эмегенова дочь в нашу дверь не войдет,
А войдет, так косяк непременно сорвет.
И подумал тогда Алауган: «Толстовата,
Словно дерево в три иль в четыре обхвата».
Он женился на ней, взял с собою жену,
Поскакать повелел Гемуде-скакуну.
Великанша была и толста, и кругла,
Для коня эта ноша была тяжела,
И увязли тотчас глубоко его ноги
В землю долгой, неслыханно трудной дороги.
Вот и прибыл скакун к долгожданному месту.
Нарты видят впервые такую невесту!
Эмегенова дочь стала нартской снохой,
Но женою она оказалась плохой:

Как родит она, тут же дитя поедает.
А супруг ее молча и больно страдает.

Он вернулся однажды печальный домой.
Вопрошает жена: «Слушай, муж, что с тобой?»
Отвечает жене Алауган удрученный:
«Нет, не так ты рождаешь, как партские жены.
С каждым днем на душе у меня тяжелей,
Счастья ты не даришь, не даришь сыновей.
Ты рождаешь детей, — почему же из них
Никого, никого не осталось в живых?
Если парта жена разродиться должна,
На трубу очага залезает она,
Разродившись, спускается вниз по трубе.
Это все, что сказать мне хотелось тебе».

Родов день наступил. Эмегена с трудом
Поднялась на трубу, сотрясая весь дом.
Ждал внизу, под трубой очага, Алауган.
Подхватил он дитя: это был мальчуган!
Задушил он щенков, положил их в корыто,
Взял дитя, сел в седло,—застучали копыта,
На Эльбрус он взобрался поверх облаков:
Да сосет этот мальчик сосцы ледников,
Да растет он, своей ожидая судьбы!

Эмегена спустилась с очажной трубы
И поспешно щенков проглотила, сочтя,
Что свое поедает родное дитя.
Тяжко дышит, и злобою сердце полно,
И вращается дом, словно веретено!

Так сказал Алауган: «Ты прославь партский край,
Я даю тебе имя — Карашауай!»
Подарил ему панцирь и меч Алауган:
Знал, что вырастет партом его мальчуган.
Посадил он его на коня Гемуду,
И направил он сына к родному гнезду,
И сказал он: «Будь счастлив, Карашауай,
Землю партов от лютых врагов защищай!»

НАРТ КАРАШАУАЙ

КЛЯТВА КОНЯ И ЮНОШИ

Был прославлен Карашауай, великан.
Был отцом его доблестный нарт Алауган.
Мать младенца была рождена эмегеной.
Ледники были пищей его неизменной.
Он, трехдневный, погнался за белым маралом,
Но по росту казался он трехгодовалым.
Мальчугана скрывали от матери жадной, —
Чтоб не съела, томима алчбою нещадной.
А как только он вырос и силой своей
Эмегеновой дочери стал он сильней,
Посмотрел на него Алауган: юный воин
Впрямь ли сыном его величаться достоин?

Он увидел, что сын богатырь и храбрец,
И почувствовал сильным себя и отец.
Мальчугана Карашауаеи тогда
Он назвал и сказал: «Вот тебе Гемуда.
Если нартом ты станешь, — поскачешь на нем,
Познакомься с бесстрашным и верным конем».
Поклялись конь и юноша клятвою чести:
«Если жить — так вдвоем. Умереть, — значит, вместе!»

Перешли они реки, ущелья, низины,
Поднялись на вершины, спустились в долины.
Если конь ненароком вздыхал среди луга, —
Не выдерживала никакая подпруга.
Попросил удалец, чьей отваге — хвала,
Чтобы кожу сама Сатанай заклала, —
Получилась подпруга булата прочнее!
Скромный юноша бурку надел победнее,
Гемуда еле ходит: скакун-то хромой! —
Опустив свои уши, плетется домой...
Все смеялись над всадником и над конем;
О их мощи не ведали в крае родном.
Но устроило скачки Схуртука селенье, —
И хромой Гемуда всех привел в удивленье...

Хочет в скачках участвовать всадник забитый,
Но с собой не берут его нарты-джигиты.
Наконец Ерюзмек разрешил: «Будь смелей,
Да не падай, смотри, под копыта коней».
И Карашауай, среди ущелий и скал,
Всех позднее поскакал, — всех быстрее прискакал.
На коня его ставку не делал никто.
Крикнул некто: «Вручить ему дар? Ни за что!
Не достоин такой богатырского счастья:
В наших скачках он даже не принял участия!»

Тут Карашауай вспыхнул жарче огня.
На руках он обидчика поднял коня,
Опустил его около клеветника,
Перед этим помяв ему крепко бока,
И сказал: «И коня, и награду возьми!» —
И ушел, он, безвестный, обижен людьми.

Был он сыном воителя и великанши,
Но сильнейшим никто не считал его раньше.

Он с приветом и лаской встречал бедняка,
На богатых и сильных смотрел свысока.
У Карашауая был сладок язык,
Богатырь злоязычных прощать не привык.
Он седло от отца получил с малолетства
Да хромого коня Гемуду — друга детства.
Он не знал, что такое сомненье и страх,
Не боялся преград в чужедальних краях.

Как ударил копытом своим Гемуда,—
Из земли поднялась голубая вода.
Конь и всадник отважный сказали вдвоем:
«Чирик-Кёл»* — так мы озеро здесь назовем».
Всею мощью обрушился конь исполина, —
И Чегема расширилась сразу теснина,
Водопады низверглись, шумя среди скал.
Юный всадник к Дыхтау-горе поскакал,
Там, где конь пробежал, — зашумела река,
Что и ныне виднеется издалека.

Вот Эльбрус предстает восхищенному взору.
Перепрыгнуть решили вдвоем через гору.
Наточили копыта, мольбу изрекли:
«Да поможет нам бог — повелитель земли!»
Чрез Эльбрус перепрыгнул джигит на коне
И на миг оказался на той стороне,
Перепрыгнул назад чрез вершину горы,
Но копытами гору задел, — с той поры
И возникла известная всем седловина,
Двухголовою стала Эльбруса вершина.

Был доволен Карашауай Гемудой:
Напоить его надо шипящей водой!
Гемуду он очистил от грязи и пота, —
Ведь коню непростая досталась работа!
Смастерил он корыто из крепкого льда,
Для коня закипела в корыте вода.

* Чирик-Кёл — голубое озеро.

Порешили скакун и седок-великан,
Что отправиться надо на гору Казман.
Разогнали на самом верху облака, —
Оказалась вершина светла и мягка.
Конь и всадник присели, довольны друг другом,
Высоко над тесниной, над бархатным лугом.
Юный всадник разрушил утесов подпорки
И коня накормил он травой на пригорке.
Как железо — две челюсти у Гемуды,
А четыре копыта — прочнее руды.

Всадник сел на коня, слился с ним воедино, —
Конь, казалось, есть часть существа господина.
Конь, собравшись в комок, устремился в прыжок, —
Он, казалось, огнем всю окрестность обжег!
Понеслись на восток, с ураганами спора.
Доскакали до берега синего моря.
Там увидели скачки: скакали там кони,
На морском состязаясь взволнованном лоне,
Но, заметив воителя на Гемуде,
В темном страхе в морской они скрылись воде.

Отдохнули немного и всадник, и конь.
Смотрят — алой горою поднялся огонь,
От подножья пылает до самой вершины:
Развели это пламя, наверное, джины.
Всадник молвил: «Как цели теперь мы достигнем?
Неужель через гору огня перепрыгнем?»
Конь сказал: «Только слушайся, всадник, меня, —
Одолеем с тобою и гору огня».
А воитель в ответ: «Словно ветер, твой бег,
Мы с тобой, верный конь, подружились навек,
Для тебя не преграда — для смелого друга —
Ни вода, ни земля, ни огонь и ни вьюга.
Будем вместе в полете и вместе в ходьбе,
Словно кожа твоя, буду я на тебе,
А теперь я прошу — перепрыгни скорей,
Эту гору огня одолей, одолей!»

Был длиною прыжок в человеческий крик, —
Гемуда колдовского пыланья достиг.

Вышел пар из ноздрей, закрутился, густой, —
Паром гору огня залил конь, как водой.
Два джигита промчались по белому свету,
Возвратясь, обо всем рассказали Дебету.

ДЕБЕТ ИСПЫТЫВАЕТ СИЛУ ВНУКА

Всем известно, что Дебет, дед Карашауая, был первым на земле кузнецом. Он достиг в своем ремесле такого искусства, что нарты, глядя на хорошую вещь, говорили: «Узнаем творение рук Дебета!» А если на глаза им попадалась вещь плохая, обработанная неумело, грубо, то нарты говорили с пренебрежением: «Э, видно, миновала эта вещь рук Дебета!»

Когда Дебет дожил до глубокой старости, Карашауай был еще мальчиком-подростком. Никогда не видел внук своего славного деда, первого на земле кузнеца. Пожелал старик испытать силу внука. Позвал он мальчика в кузнию, дал ему а руки молот и сказал:

— Бей молотом по железу, а железо — на наковальне. Твой отец Алауган, бывало, как ударит этим молотом дважды, так из железа сразу лезвие топора получается!»

Карашауай, приподняв тяжкий молот, легко, не сильно ударил по железу.

— Не так бьешь, — упрекнул его Дебет, — бей сильнее.

Карашауай размахнулся, ударил молотом, не жалея сил, молот вошел в наковальню, наковальня — в землю. Кузня затряслась, посыпалась копоть, стены зашатались. Молот обломился, в руках мальчика осталась только рукоять. Дебет, испугавшись, выбежал из кузни.

— Куда бежишь? — спросил Карашауай.

— Да не видишь ты, что ли, дом рушится? — ответил Дебет.

— Дом не рушится, — успокоил деда внук, — это молот вошел в наковальню, а наковальня — в землю.

Тогда старый кузнец ласково обнял внука: пришла к нему по душе богатырская сила мальчика. Обрадованный, он сказал:

— Теперь и дед поверил, что ты сын его сына Алаугана, что будешь нартским богатырем и прославишь наш род.

В это время опромный, как холм какой, приблизился к ним

Алауган. Хотел он узнать, что думает отец о его сыне. Он спросил:

— Отец, может ли этот мальчик стать в твоей кузне молотобойцем?

— Вот взгляни на молот и наковальню и дай ответ сам, — сказал счастливый Дебет. А потом добавил:

— Если ты сумеешь ему быть хорошим отцом, то он будет тебе достойным сыном.

Алауган обрадовался, заулыбался.

— Почему наковальня в землю вошла? — спросил он мальчика.

— Сам не знаю, — ответил Карашауай. — Спервоначалу я ударил легко, не сильно. «Ударь сильнее», — говорит. Я ударил так, чтобы ему угодить, а молот врезался в наковальню, наковальня вошла в землю, только рукоять молота осталась у меня в руках.

— Впредь ударяй осторожней. Еще нам пригодится молот, еще нужна будет наковальня. А теперь, когда дед узнал тебя, ступай домой.

Так сказав, Алауган увел мальчика.

КАРАШАУАЙ ОТПРАВИЛСЯ В ПОХОД

Был отважен Карашауай несказанно.
Он родился на свет от отца-великана.
Богатырскому подвигу, бегу, труду
Обучал он коня своего Гемуду.
Слился всадник с конем, крепко сидя в седле.
Вот однажды пустился он в путь по земле.
В неизвестное место тропа привела.
Обрываясь отвесно, темнела скала.
Славный конь, что родился джигиту на счастье,
Расколот своей грудью скалу на две части.
Конь и всадник взглянули, сказали с весельем:
«Это будет отныне Черекским ущельем».

Ерюзмеку сказал он такие слова:
«Ты возьми и меня, о похода глава».
«Для похода ты мал, — отвечал Ерюзбек, —
Не под силу тебе смелый нартский набег».

Наш поход — это вихрь, что лежит напролом.
По три дня мы без сна и без пищи живем».
А Қарашауай: «Не страшусь я невзгод,
Разреши мне отправиться с вами в поход».
Не берут его нарты: «Сам будешь не рад,
Оставайся-ка дома», — ему говорят.
«Пусть идет, — согласился вожатый седой, —
А помехой нам будет, — отправим домой».

Нарты скачут в поход урагана быстрее,
И трясется земля под ногами коней.
У людей на виду Гемуда отстает,
Но, отстав, — он стремится, как сокол в полет,
И отряд догоняет опять, хромоногий.
Долго скачут по длинной и узкой дороге,
Впереди — горный лес, позади — перевал.
На поляне устроили краткий привал.
«Табуны мы угоним», — решает отряд,
А Қарашауаю остаться велят:
«Возвратимся мы скоро, нам дров заготовь», —
Так сказав, сели в седла и двинулись вновь.

А Қарашауай, богатырь крепкостанный,
Стал валить да волочь дерева-великаны,
Қош* построил, и дров наломал, и костер
Он развел посреди вечеряющих гор,
И пошел на охоту. Вернулся усталый,
А добычей охотника были маралы.
Снял он шкуры, чтоб крыша простерлась над кошем,
Он решил угостить нартов мясом хорошим.

Без коней возвращается поздно отряд.
«Эй, приятель, да чей это кош?» — говорят.
«Здесь людей было много, а нынче их нет», —
Слышат нарты Қарашауая ответ.
«А куда эти люди ушли? Отвечай!»
Говорит любопытным Қарашауай:
«Я сказал им, что нартами принят я в слуги,
И они от меня разбежались в испуг».

* Кош — пастушья хижина, стоянка.

Нарты юноше верят в своем простодушье
И маралов едят с наслаждением туши,
И отведав навара, ложатся на отдых,
Вспоминают, бахвалясь, о прежних походах.

Не могло даже в голову нартам прийти,
Что Карашауай — их опора в пути!
Как проснулись, отправились в путь рапым-рано,
Чтобы коша хозяев не встретить неожиданно.
Перед ними открылась поляна другая.
Ускакали, оставив Карашауая.
Повторил юный всадник свой подвиг вчерашний.
Ибо не было нарта скромней и бесстрашней.

За холмами закатное солнце горит.
Возвращения старших ждет юный джигит.
Прискакали — коней не сумели угнать.
Видят кош, видят шкуры маралов опять.
Удивляются нарты: «Вот чудо, так чудо!
Эти свежие шкуры маралов — откуда?»
А джигит: «Помогла ваша слава нам снова!»
Вновь польстило отряду обманное слово.

Многokrатно проделывал так, — наконец
Удаль нартов решил испытать удалец.
Кош построил, на ужин зажарил он мясо
И взмолился к судьбе: «Сделай с этого часа,
Чтобы холод настал, леденя всё живое!»
И туманы покрыли пространство земное,
Ураган зашумел, потемнел небосвод,
И замерзла земля, облаченная в лед.

Тускло-тускло мерцает во тьме огонек.
Нарты скачут, угнав небольшой табунок.
Удальцы еле живы, шатает их вьюга,
И, сбиваясь с тропы, нарты давят друг друга.
На беспомощных смотрит с усмешкой джигит.
«Гей, сюда! Гей, сюда!» — верховым он кричит.
Нарты крепко примерзли к подушкам седельным,
Слезть не могут с коней в этом вое метельном.
Расстегнул их безвестный соратник подпруги,
В теплый кош, что возник среди туманов и вьюги,
Вместе с седлами нартов занес, и отменно

Накормил их, и дал скакунам вдоволь сена.
Нарты ожили, пищи отведав горячей, —
Не спросили про кош, смущены неудачей.
А Карашауай говорит: «Неужели
Есть враги на земле, что и вас одолели?
Почему вы так жалко вернулись с похода, —
Иль помехою может вам стать непогода?»
Нартам стыдно, молчат, осрамился отряд,
И Карашауаю в глаза не глядят.
А джигит поутру говорит: «Ёрюзбек,
Вместе с вами пойти я желаю в набег.
Поскачу, посмотрю я, каков белый свет».
«Хорошо! — нартский вождь произносит в ответ, —
Вижу сам, что скучаешь, но будь осторожен».

Был скакун Гемуда в это время стреножен.
Стал седлать его всадник в назначенный день,
Но, видать, Гемуде с места тронуться лень.
Мяса нет на нем; кости виднеются; уши
Обвисают; хромают... В своем простодушье
Нарты были обмануты хитрым конем.
Рассуждали: «Как всадник поедет на нем?»

Ёрюзмеку сказал Сосурук свое слово:
«Отдадим молодому джигиту рябого».
Всадник сел на рябого, а на поводу
Он повел свою клячу — хромца Гемуду.
Но хромца отпустил он, отстав от отряда.
Оказалось: и высь Гемуде не преграда,
Он взлетел, как орел, канул в облачной сини,
И собрал он коней, что паслись на равнине,
И погнал их, и пыль за клубилась густая,
Тех, что были получше, — изранил, кусая.

Так пригнал он к Карашауаю коней
И джигиту сказал: «Поступи поумней.
Ты возьми тех, кто ранен, Карашауай,
А коней невредимых ты нартам отдай.
Ты о раненых скажешь: «Их волки подрали».
Начинай же: построить загон не пора ли?»

Оградил он огромный загон и без счета
Он загнал всех коней, крепко запер ворота.

Он сподвижникам-нартам навстречу помчался:
«Посмотрите, какой мне табун повстречался!»
Прискакали — табун увидали в загоне.
Удивились: «Отличные, ценные кони!»
Приходило ли нартам на ум, что табун
Угнан тем, кто, казалось, неопытен, юн,
Кто, однако, воистину был смельчаком?
Пожелали забрать весь табун целиком.
Но джигит попросил Ёрюзмека: «Дана
Пусть мне будет хоть малая часть табуна».

Нарты даже и слушать его не хотят:
«Часть получишь свою, как вернемся назад».
Не понравилось юноше грубое слово.
Оседлал свою клячу и сел на хромого,
В лес помчался, — таков был джигита ответ.
С удивленьем глядели воители вслед.

Под копытами громко трещали чинары,
Как бурьян; топора раздавались удары.
Он построил загон и ворвался в табун:
Был как ветер его хромоногий скакун!
Перебрасывал всадник коней, как овец,
Брал себе только раненых юный храбрец,
Оставляя соратникам крепких, здоровых.
Удивил этот юноша нартов суровых,
Смотрят всадники, — что он еще сотворит?
А Карашауай храбрецам говорит:

«Разделил я табун: вам — здоровых коней,
А израненных — мне, станут долей моей.
Кто из вас недоволен таким дележом?
Не дождавшись ответа, взмахнул он бичом,
Поскакал, словно вихрь, на хромом скакуне,
С табуном своим скрылся в степной стороне.

Кто он? Нарты не знали о нем ничего.
«Не узнав, отпустить мы не можем его!»
За джигитом посланцев отправили дважды, —
Без ответа вернулся к соратникам каждый.
Поскакал за неведомым сам Ёрюзбек
И, догнав, закричал: «Кто ты есть, человек?»

Мы, все нарты, хотим твое имя узнать.
Я Агунду отдам тебе, — будешь мне зять!»

Отвечает Карашауай главарю:
«Да послушают нарты, что я говорю,
Алауган, сын Дебета, — отец мой почтенный,
Мать моя — великанша и дочь эмегена.
На горе Минги-тау я рос в ледяной,
Неприступной пещере зимой и весной,
Я провел свое детство поверх облаков,
И не грудь я сосал, а сосцы ледников.
Если нартам угодно, то долю мою
От всего табуна вам теперь отдаю».

Так сказав, он в степной удалился предел,
Как орел, на своем Гемуде он взлетел.
Ерюзбек с удивленьем смотрел ему вслед,
Поразил его юноши гордый ответ.

КАРАШАУАЙ И ЧУГУННАЯ ГОЛОВА

Карашауай, сын кузнеца-исполина и эмегены, был джигитом скромным, тихим, застенчивым. Хотя никто из нартов не мог одолеть отпрыска столь могучих родителей, он никого не обижал, не задевал, не бахвалился богатырской силой. Только тогда он гневался, выходил из себя, если человек совершал дурной поступок: забывал Карашауай свою робость и смиренность и карал виновного.

Однажды Карашауай оседлал Гемуду ишачьим седельником и старым худым седлом и отправился в поход. Седельник так изнашивался, что свисали его лохмотья, а седло было совсем неказистое. Выехал всадник на хромом, завалившем коне из селения. Никто не ведает, сколько времени он путешествовал, и вот подъехал бедный, смиренный верховой на хромоногом коне к пастушьему шалашу на склоне горы. На лугу паслись коровы, а в шалаше сидел нартский пастух по имени Казанбаш, что означает Чугунная Голова.

Увидев нарта-пастуха, Гемуда захромал еще сильнее, побрел едва-едва. Карашауай стал подгонять его плетью. Остановившись у шалаша, Карашауай приветствовал пастуха:

— Здравствуй, Казанбаш, да умножится твое стадо!

Казанбаш Чугунная Голова не ответил на приветствие нищего странника. Гость почтительно попросил:

— Не дашь ли мне напиться, пастух? Налей мне немного айрана, утолю жажду кислым молоком с водой.

— Я не даю айрана таким нищим, как ты, — услышал всадник ответ Чугунной Головы. А Қарашауай:

— Эй, Казанбаш, да падут на меня все твои недуги! Не хочешь напоить меня айраном, — не надо, силой не возьму. Только вот что скажи мне: вижу я в твоём стаде животное необычайно крупное, сильное. Можно ли мне взглянуть на него поближе, познакомиться с ним?

— Эй, нищий, к чему тебе это животное? Да и должны ли мне, пастуху нартов, задавать подобные вопросы такие голяки убогие, как ты? Бык, о котором ты заговорил, — знаменитый чёрный плодовитый бугай. Его длина равняется шестидесяти четырем обхватам. В его тени отдыхает сто коров. Знаешь ли ты, что прославленные нарты Ёрюзбек и Сосурук всю зиму откармливают своих коней, весной обучают их воинскому делу, а летом приезжают сюда ко мне? Они проверяют умение коней, их ловкость, заставляя их перепрыгивать через этого быка.

— Каковы же успехи? Кто побеждает? — спросил Қарашауай.

— Не тебе об этом, нищему, спрашивать, не мне отвечать, но так и быть, отвечу. Никто по сути не побеждает. Если прыгает Ёрюзбек с разбега, то его пегая кобылка становится передними копытами на спину быка, а перепрыгнуть не может. Если Сосурук с места прыгает, то его конь заставляет быка подняться на задние ноги, — а перепрыгнуть через него не в силах.

Қарашауай, искусному, славному наезднику, не терпелось взглянуть на необыкновенного быка. Он попросил пастуха:

— Почтенный Казанбаш, да перейдут ко мне все твои болезни! Пойдем, посмотрим на твоего великолепного бугая.

— Прочь отсюда, бродяга! — крикнул Казанбаш. — Не смеют приближаться нищие к чёрному знаменитому быку!

Тогда Қарашауай ударил Гемуду плетью, и конь, притворяясь хромым, медленно отъехал от пастушьего шалаша по направлению к стаду. Қарашауай приблизился к быку, внимательно осмотрел его и приказал Гемуде перепрыгнуть через него. Куда девалась хромота Гемуды! Конь легко перепрыгнул через быка в одну сторону и повторил прыжок — в другую сторону. Затем Қарашауай спешился, подошел к быку, схватил его за

задние ноги, поднял, покрутил в воздухе и бросил наземь. Морда быка по самую шею воткнулась в землю.

Глядя на это невиданное зрелище, пастух Чугунная Голова почувствовал сильный испуг. «Ой, пусть будет проклят мой язык, какого сильного богатыря я оскорбил!» Так подумав, пастух схватил коромысло и убежал вниз по оврагу.

Карашауай поскакал к шалашу. Он сам налил себе айрану из бочки, утолил жажду. Вечером коровы вернулись на стоянку. Карашауай загнал телят в телятник, а коров поручил Гемуде, сказал:

— Поступай с ними так, как пожелаешь.

Гемуда стал кусать коров, отрывать у них хвосты. Потом он загнал их в глубокий лесной овраг и оставил там. А Карашауай воткнул в землю оторванные коровьи хвосты, сел на Гемуду и поскакал дальше.

Когда пастух увидел издали, что Карашауай поднялся на перевал, он побежал к стоянке. Все еще дрожа от страха, глядит, — все телята в телятнике, а в землю воткнуты коровьи хвосты.

— Пусть этому человеку не будет счастья в пути! — крикнул пастух Чугунная Голова. — Наверно, он и коров моих воткнул в землю, и быка знаменитого, — пропало нартское стадо.

Пастух вытащил из земли коровьи хвосты, побежал в сторону лесного оврага. Увидел с облегчением, что не пропало нартское стадо, все коровы и бык — в целости, но коровы стали куцыми. Пастух сказал:

— Ой, действительно мой язык без костей! Мне бы встретить такого богатыря по-хорошему, напоить его айраном да проводить по-доброму, а я оскорбил его своей грубостью. Воистину, горе мне!

КАРАШАУАЙ И ЕГО РОДНЯ СО СТОРОНЫ МАТЕРИ

Однажды подумал Карашауай: «Мать моя — эмегена, значит, эмегены — мне родня. Поеду, погляжу-ка, каковы мои дядья со стороны матери».

Так решив, Карашауай поскакал верхом на Гемуде. А обычный Гемуды был известен: на виду у людей притворялся хромым, а если никого поблизости не было, — летел быстрее орла. И еще одна была особенность у Гемуды: он мог превратиться в

любое живое существо. Карашауай понимал его язык, беседовал с ним, как с задушевным другом.

Мало ли, много ли проскакал всадник, — никому не известно. Однажды он поднялся на вершину горы. Увидел внизу, в ущелье, пещеры. Вдоль пещер быстро двигались какие-то тени. Карашауай спустился в ущелье, приблизился к пещерам. Оказалось, что восемнадцать эмегенов занимались метанием камня. Их мохнатые спины и груди были в поту. Заметив всадника, эмегены закричали:

— Смотрите, какое существо к нам приближается! Ох, и вкусна человечина!

Гемуда начал хромать. Медленно, как бы с большим трудом подъехав к эмегенам, Карашауай громко приветствовал их:

— Гей, вспотевшие лодыри, да кончится добром ваше дело!

— Будь здоров и ты, лакомый кусок! — сказали эмегены и бросились на всадника, чтобы его схватить. Но предводитель эмегенов остановил их. Он поднял камень величиною с копну сена, поднес его Карашауаю, сказал:

— Не сын ли ты нашей эмегены? А ну-ка, метни этот камушек, поглядим, есть ли у тебя сила и ловкость.

— Сперва метните сами, ленивцы беспомощные, — ответил Карашауай. — А дойдет черед до меня, — метну и я.

Эмегены стали поочередно метать камень. Он летел со свистом, этот камень, величиною с копну, и падал на землю, оставляя на ней глубокий отпечаток.

Так дошел черед и до Карашауая. Он поднял камень, небрежно метнул его и закинул на семнадцать шагов дальше, чем эмегены. Одноглазые были потрясены. А Карашауай метнул камень снова, и камень полетел с таким шумом, как будто буря поднялась, и упал с такой силой, что бесследно исчез в глубине земли.

Что тут было с эмегенами! Их охватили испуг, удивление, восторг. Они окружили Карашауая, стали шупать его мышцы, громко изумляясь. Один эмеген сказал: «Оказывается, есть человек, который сильнее нас, могучих эмегенов!» Другой предложил: «Будь мне зятем!» А третий: «Стань моим приемным сыном!» А все вместе подняли Карашауая, стали его бросать вверх, трепеща и восхищаясь.

КАРАШАУАЙ И НЕЗНАКОМЫЙ ДЖИГИТ

Карашауай отправился в поход. На этот раз одинокий всадник поскакал верхом на вислоухой кобыле рыжей масти, со спиной цвета мыши. Мало ли, долго ли скакал Карашауай, а на встречу ему — тонкостанный джигит в богатырских доспехах, юный годами и приятный лицом. Поздоровались. Стал его Карашауай расспрашивать о том да о сем, а джигит — в ответ:

— Я давно хотел с тобою встретиться, славный нарт. Поедем вместе.

Поехали. Увидели какие-то развалины. Джигит спросил:

— Знаешь ли ты, богатырь, что это такое?

— Это конюшни эмегенов, разрушенные временем, — ответил нарт. А незнакомый джигит:

— Если так, то здесь близко то, что мне нужно. Поедем туда, куда я укажу.

Поскакали в ту сторону, куда указал джигит. Увидели пастбище, на нем — большие табуны коней. За пастбищами возвышался дворец. Джигит сказал:

— В этом дворце пребывает эмеген — владелец табунов. Позволь мне убить ненавистника рода людского. Если мне придется туго, я крикну «Карашауай!»

Не понравились Карашауаю слова тонкостанного джигита: не может он сам, что ли, справиться с врагом, заранее просит о помощи! Но молодой нарт был стеснителен, ничего не сказал незнакомому джигиту, и как бы согласился исполнить его просьбу.

Джигит вошел во дворец. Эмеген ринулся навстречу незваному гостю. Началась борьба. Когда стало видно, что победа — на стороне эмегена, джигит крикнул: «Карашауай!» Храбрый нарт примчался к борющимся, во мгновение ока обезглавил мечом эмегена. Джигит поблагодарил спутника и сказал:

— В табунах есть жеребец с золотым хвостом. Если изловим его, то за ним пойдут все табуны. А как изловить — не знаю, трудное это дело, говорят люди.

Карашауай — в ответ:

— Мы изловим жеребца, если он бросится на мою вислоухую кобылу рыжей масти, со спиной цвета мыши.

Подъехали к табунам. Карашауай отпустил свою кобылу. Золотохвостый жеребец вырвался тотчас же из гущи табунов, бросился к ней. Началась между ними борьба, долгая, жаркая. Кобыла Карашауая повалила на землю обессиленного жеребца.

Карашауай поднял его, надел на его голову недоуздок, потом сел на свою рыжую кобылу, взял за недоуздок золотохвостого жеребца. Сел в седло и незнакомый джигит. Отправились дальше, а за ними — табуны коней.

Прошло в пути мало ли, много ли времени, — сказал джигиту Карашауай:

— Оглянись назад.

Посмотрел джигит через плечо и увидел, что за ними скачет на коне другой эмеген, помоложе первого. Джигит проворно повернул коня ему навстречу, сказал:

— Если придется мне туго, крикну: «Карашауай!»

Делать нечего, опять дал согласие нарт, подивившись: «Дочего же неуверен в своих силах молодой джигит!»

А эмеген, не говоря ни слова приветствия, спросил джигита:

— Будем бороться или стрелы метать?

А джигит:

— Как пожелаешь, так и поступим.

— Мы с тобою мужчины, — ответил эмеген, — а дело мужчины — борьба.

Схватились уродливый эмеген и миловидный джигит. Когда начал побеждать эмеген, джигит крикнул:

— Карашауай!

Карашауай поспешил на помощь спутнику, вступил в борьбу с эмегеном. Борьба была нелегкая, этот эмеген оказался сильнее, поупорнее прежнего. По несколько раз противники повергали друг друга в глубину земли. Наконец одолел Карашауай, отсек мечом голову эмегену. Тогда джигит побежал к своему коню, достал походный сосуд, наполнил его кровью убитого эмегена, осушил половину сосуда, а другую половину расплескал по земле, и земля обуглилась. Карашауай удивился:

— Ты с виду хороший джигит, и лицом приятен, и в глазах у тебя прямота, как же ты можешь пить грязную кровь эмегена?

Джигит ответил:

— Прости меня, Карашауай, обманул я тебя, не джигит я, а девушка.

Так сказав, спутник нарта снял папаху и рассыпались густые волнистые волосы: перед Карашауаем стояла девушка. Она сказала, тяжело вздохнув:

— У меня было четыре брата. Всех убили вот эти два эмегена. Я поклялась, что найду подмогу на земных путях, уничтожу убийц моих братьев, а потом умру сама. Вот почему я выпила

грязную кровь эмегена: кто ее отведает, не останется в живых. Я нашла тебя, Карашауай, на путях земных, отомстила за братьев, и теперь могу умереть. Не раз я обращалась к тебе с просьбами, — исполни последнюю. Подтяни получше подпруги моего коня, подтяни поудобнее уздечку, ударь коня по спине плетью, — и отпусти, конь сам найдет дорогу.

Воистину то была ее последняя просьба. Отомстив за братьев, девушка, испившая эмегеновой крови, умерла. Карашауай похоронил свою спутницу и поскакал дальше. За ним — табуны лошадей. Позади — могильный холмик, в сердце — печаль.

КАРАШАУАЙ И ПРЕКРАСНАЯ АГУНДА

Ерюзмек возвратился с похода. Он сказал жене своей Сатанай:

— Обещал я нашу дочь Агунду одному джигиту. Зовут его Карашауай. Неприметный с виду, он затмевает силой и отвагой своей многих нартов, даже самых прославленных. Не знаю, когда он к нам заявится и в каком облике. То ли придет в лохмотьях, как нищий, то ли прискачет, как богатый всадник, то ли вступит в наш дом горделиво, то ли постучится в дверь с робостью, то ли предстанет перед нами в образе младенца, то ли мы увидим зрелого мужа. Одно знаю: кто бы к нам ни пришел в гости, — встречай любого с уважением, окажи ему почести.

Мудрая Сатанай притворилась, что никогда не слыхала имени Карашауая. Всех гостей, далеких ли, близких, богатых ли, бедных она встречала с почестями, ласково, угощала их вкусными, сытными яствами. Немало добра истратила Сатанай, а долгожданный гость всё не появлялся. Так шли годы. Обеднел дом Сатанай. Где же будущий зять?

Руки прекрасной Агунды, дочери Ерюзмекса, просили многие молодые нарты. Не раз в ее честь устраивались игры-соревнования, соревновались джигиты в силе и ловкости, в борьбе, в прыжках, в метании копья. Чтобы заслужить благосклонность прекрасной дочери предводителя нартов, богатыри отправлялись в дальние, трудные походы, совершали подвиги. Самый богатый из нартов Шырдан, владевший неисчислимыми стадами, просил Агунду стать его женой, но получил отказ. Никто из нартских джигитов не нравился Агунде. О ней говорили: «Она так разборчива, так привередлива, что ищет волосок в яичном желтке».

А надо сказать, что нартские джигиты наряжались богато, — эти щеголи, тонкие в стане. С пренебрежением поглядывали они на Карашауая, всегда одетого бедно, в рваную черкеску, сидевшего на завалившем хромоногом коне с худой сбруей. Невдомек им было, что Карашауай среди них — самый храбрый и сильный, что под нищей черкеской бьется великое сердце. В отличие от джигитов-щеголей, Карашауай старался не бросаться в глаза, ничем не выделяться, был скромен, не любил бахвальства.

Одна лишь Сатанай, прозорливая мать Агунды, вещая колдунья, понимала, что Карашауай превосходит всех нартских юношей. Она мечтала, чтобы он женился на Агунде. Но, увы, не приходил к ней в дом Карашауай, и Сатанай все ждала и ждала, что ее дочь понравится тихому и скромному джигиту.

Карашауай искусно играл на зурне. Эта зурна, изготовленная из слоновой кости, досталась ему от отца. Однажды в одежде нищего странника он пошел с зурной по нартским селениям. Никем не узнанный, он играл на зурне, и люди ей внимали, очарованные музыкой. Так звонко, так задушевно звучали напевы зурны, что люди, слушая их, забывали о своих заботах и тяготах, а потом, потрясенные, несли нищему музыканту щедрое подавание.

Пришел Карашауай и в то селение, где жила Агунда. Когда он заиграл, жители поспешили на зов его зурны. Чудные напевы заморозили всех. Девушки принесли Карашауаю подарки, но он ничего ни у кого не брал.

Сатанай, обладавшая колдовским прозрением, сразу признала в нищем музыканте нарта Карашауая. Она тихо подозвала к себе Агунду и сказала:

— Этот странник, играющий на зурне, — Карашауай. Скорее ступай домой, убери комнату, пригласи нарта к себе. Приготовь вкусные кушанья, угости его как следует, посиди с ним вдвоем, — узнай, что у него на душе.

Сердце Агунды радостно забилося. Она убрала свою комнату, приготовила вкусные кушанья, а сама нарядилась так ярко, что даже черные мухи, кружась вокруг нее, становились разноцветными. Послала она слугу, чтобы он пригласил Карашауая в гости.

Карашауай принял приглашение. Пришел, положил зурну на подоконник, сел у дверей. Агунда предложила с учтивостью:

— Добрый гость, не сиди у дверей, сядь повыше.

Карашауай не согласился сесть повыше, остался у дверей.

Слуга принес огромное блюдо с бараньей тушей. Карашауай съел всю тушу целиком, а потом сказал:

— Теперь бы мне попить чего-нибудь.

Агунда пожелала угостить гостя из своих рук. Она зачерпнула большой чашей из бочки бузу, приготовленную Ёрюзмом еще в прошлом году, и преподнесла гостю полную чашу. Осушив ее, Карашауай сказал:

— Принеси еще.

Агунда преподнесла ему с поклоном вторую чашу. Гость попросил еще. Девушка в третий раз зачерпнула из бочки полную чашу прошлогодней бузы. Так осушил Карашауай всю бочку. Он спросил:

— Больше нет? Ничего не осталось?

— То, что осталось, — сказала Агунда, — ты выпьешь, когда придешь ко мне еще раз.

Карашауай одобрил Агунду:

— Правильно говорят предки: «То, что осталось про запас, всегда пригодится». Ты будешь хорошей, бережливой хозяйкой. Спасибо тебе.

Пошла у них беседа. Агунда сказала:

— Почтенный джигит, ты прекрасно играешь на зурне. Наверно, и поешь хорошо. Хочу я тебя послушать, спой для меня.

Карашауай ответил:

— Играть играю, а петь не умею. То, что надо сказать словами, я высказываю звуками зурны. Сейчас я заиграю, и ты, слушая зурну, поймешь, что я хочу сказать.

О красавица, твой дом хорош,
Но войдешь, — так в яму попадешь.
Крыша прочно сделана, красиво,
Но труба стоит немного криво.
Хороши и двери, но с трудом
Через двери входят люди в дом.
Лучших окон видеть не пришлось,
Только смотрят окна вкривь и вкось.

Зурна, казалось бы, намекала на то, что у Агунды чуть кривой нос и немного косые глаза.

Агунда ответила так:

Труба крива, но не беда:
Дымок восходит прямо.

Никто не падал никогда,
Хотя есть в доме яма.
Хотя узка немного дверь, —
Легка в наш дом дорога,
Хоть окна косы, но, поверь,
Что в доме света много!

Выслушав ответ Агунды, гость встал и, сказав: «Да будет всегда в этом доме достаток и благоденствие, спасибо тебе», — покинул дом.

Вошла Сатанай и спросила Агунду:

— Как ты провела время с джигитом? Что сказал тебе гость?

Агунда поведала матери слова Карашауая, высказанные с помощью зурны, и свой ответ. Великая мудрость Сатанай помогла ей разгадать истинный смысл того, что сказала зурна, того, что таилось в глубине звуков зурны. Сатанай задумалась и промолвила:

— Плохо мы поступили, нарушили обычай, не вышли мы навстречу гостю, не произнесли благопожелания. Вот почему он сказал: «В доме есть яма». Не сумели мы утолить жажду одного человека, бузы не хватило, вот почему он сказал: «Труба кривая». Обычай учит, что мы должны позвать к себе гостя из его собственного дома, а мы его пригласили, когда он находился на улице. Вот почему он сказал: «Трудно в этот дом войти через дверь». И еще понял гость, что не будет у тебя, дочь, моя, с ним общей дружной жизни, потому-то он и сказал, что окна смотрят вкривь и вкось.

Увидела Сатанай, что не исполнится ее заветное желание, не станет Карашауай ее зятем. А на дворе нахмурилось небо, сгустились тучи, загредел гром. Но дождя не было, и вскоре снова стало тепло и ясно.

КАРАШАУАЙ НЕ УМЕР И УМЕРЕТЬ НЕ МОЖЕТ

Пришла однажды на землю нартов беда. С востока хлынула могучая и коварная вражеская рать. Нарты поскакали на первую битву. Среди них был и Карашауай. Противник отступил.

Когда нарты преследовали полчища захватчиков, Карашауай случайно отбил от богатырского отряда и оказался в урочище Домбайлы, в обиталище зубров. Охватил он глазом не-

знакомую местность и увидел, что вдали чернеет стая галок. Он поскакал к этой чернеющей точке — то были остатки чужеземной рати, значительные числом. Карашауай вступил с врагами в неравный бой. Одних он уничтожил богатырским мечом, других заставил убежать в трепете. Карашауай погнался за ними.

Гемуда совершал свои длинные прыжки с одной горы на другую. Случилось так, что посередине одного прыжка копыта его задних ног ударились о гранитный камень и погрузились в него. А когда конь вытащил копыта из камня, то на граните остались ямки-следы, и поныне в тех ямках собирается дождевая вода. Вот почему люди называли камень Гранитом Гемуды. А возвышается камень при входе в то ущелье, где Карашауай догнал врагов и уничтожил их.

Одержав победу, Карашауай поскакал на вершину Минги-тау, чьи ледники, как материнские сосцы, вспоили и вскормили его. С тех пор не спускался Карашауай с вершины Минги-тау, там он, говорят, и умер, а вслед за ним скончался, говорят, и его верный конь Гемуда. И еще говорят, будто и поныне он лежит в той самой ледниковой трещине, куда его положили, когда он родился на свет.

Так говорят обыкновенные люди. А мудрецы говорят иначе. Карашауай, по их словам, не умер и умереть не может, ибо находится на вершине Минги-тау, горы среди гор, которая, как мать сосцами, вскормила и вспоила нарта своими ледниками.

Рядом с ледниками, сказывают умные люди, струится никогда не замерзающий, прозрачный родник с целебной водой. В середине лета изумрудно поднимается вокруг родника шелковистая мягкая трава, зеленеющая посреди вечных суровых ледников. И тогда встает от беспробудного, казалось бы, сна богатырский конь Гемуда. Еще полусонный, приближается он к роднику, наклоняется над ним и, испив его прозрачной, целебной воды, оживает. Он весело ржет на мягкой шелковистой траве посреди ледников, и когда закатное солнце обливает ледники кровью своего багрянца, Гемуда набирает пригоршню целебной воды в рот, подбегает к спящему мертвым сном Карашауаю и окропляет всадника живоносной водой.

Карашауай, гласит мудрое предание, открывает глаза, напрягает слух. Он видит белые вершины Минги-тау, он видит на них кровь заката, он видит зеленую траву посреди ледников. Он слышит голос ветра, голос зубра, голос родника, голос пастуха, где-то внизу поющего песнь жизни. И, счастливый оттого, что снова увидел краски гор, услышал голоса гор, Карашауай

засыпает глубоким сном, чтобы снова проснуться в середине лета.

Поднимитесь на ледники Минги-тау, горы среди гор, и вы увидите спящих Карашауая и его верного коня. Но не мертв богатырь, не мертв его конь. Карашауай жив, ибо не может умереть на горе, вскормившей и вспоившей его, как мать. Карашауай заснул глубоким сном, но он проснется в середине будущего лета.

НАРТСКИЕ ОХОТНИКИ И ПАСТУХИ

ПАСТУХ СОЗУККУ

Говорят, был у нартов пастух Созукку,
Говорят, был у нартов пастух Созукку,
Говорят, что он жил без тревог
На распутье семи малолюдных дорог,
На распутье семи малолюдных дорог,
И отару берег.
В той отаре — семь тысяч овец, говорят,
В той отаре — семь тысяч овец, говорят,
И семь тысяч ягнят.
Он повсюду траву для овец находил,
Он со стадом пришел на широкий Адил,
На широкий Адил.
Говорят, что отара паслась на лугу,

А княгиня жила на другом берегу,
На другом берегу.
Говорят, что богата княгиня была,
У княгини служанка-рабыня была.
Молодая служанка-рабыня была.
Говорят, каждый день по траве, по песку
Приходила служанка взглянуть на реку,
На того пастуха Созукку.
Приходила к нему не с речами она,
Поводила, играла плечами она,
Сшилась нарту ночами она,
И блистало кувшина ее серебро,
Трепетало кувшина ее серебро,
Погружаясь в реку,
И познал Созукку в своем сердце тоску,
Был в отчаянье нартский пастух Созукку,
Молодой Созукку.

Он от страсти пылал, на служанку взглянув,
Он пылал и желал, на смуглянку взглянув,
Спозаранку взглянув.
Разозлился от этой напасти пастух,
Говорят: умирает от страсти пастух,
Умирает от злости пастух!
Вот полдневное солнце зажглось наверху,
А служанка-рабыня пришла к пастуху,
К молодому пришла пастуху.
Говорят, что пришла посмотреть на ягнят,
Говорят, что пришла посмотреть на ягнят,
И еще говорят,
Что в отчаянье вновь привела пастуха,
Он взмолился: да бог не допустит греха,
Не допустит греха.
Созукку, этой страстью томим и палим,
Обо всем рассказал пастухам молодым,
Рассказал пастухам молодым:

«Ой, джигиты, друзья, потерял я покой,
Ой, княгиня живет за Адилом-рекой,
За Адилом-рекой!
Ой, живет за рекою княгиня одна,
Есть у этой княгини рабыня одна,

И приходит она,
Держит белый кувшин белоснежной рукой,
Держит белый кувшин белоснежной рукой
Над Адилом-рекой.
Повернется назад, повернется вперед, —
И терзает, и дразнит меня, и зовет,
Или кажется мне, что зовет,
Что зовет и сверкает глазами она,
И поводит, играет плечами она,
И мне снится ночами она.
Если б кто-нибудь мне, пастуху, пособил,
Если б кто-нибудь бросился в светлый Адил,
В многоводный Адил,
А потом переплыл бы на берег другой,
А потом переплыл бы на берег другой,
И вернул мне покой,
Если б кто-нибудь этой служанке помог,
Если б кто-нибудь этой служанке помог,
То — свидетель мне бог —
Я бы отдал джигиту в подарок овец,
Сто курчавых овец, переярок-овец,
Сто моих переярок-овец.
Если сделает дело джигит-молодец,
Он получит сто белых и черных овец,
Переярок-овец.

Тут плешивец спросил, — нартским был он слугой,
Был джигит сиротой, был у нартов слугой:
«Ты скажи, Созукку дорогой,
Если я переправлюсь на берег другой,
Если я переправлюсь на берег другой,
Если я окажусь за рекой,
То отдашь ли мне сто переярок-овец,
То отдашь ли мне сто переярок-овец?
Ты мне дашь ли в подарок овец?»

Говорит Созукку: «Поплыви по волнам»,
Говорит Созукку: «Поплыви по волнам,
И тебе непременно отдам
Тех нестриженных белоголовых овец,
Тех нестриженных белоголовых овец,
Сто овец — и на этом конец».

Молодцы-пастухи смотрят, дух затая:
Ставит парень дырявую бурку стоймя,
Ставит бурку на берег стоймя,
Наполняет он воздухом мех для воды,
Наполняет он воздухом мех для воды,
Чтоб в реке не случилось беды.

Он разделся и бросился в воду, поплыл, —
Переплыть ему трудно широкий Адил,
Выбивается парень из сил.
Чуть его не унес многоводный поток,
Чуть его не унес многоводный поток,
Бедный парень совсем изнемог,
Но, хотя он и был сиротою-слугой,
Переплыл отпрыск нартов на берег другой,
Совладал он с могучей рекой.

Со служанкой решил поиграть сирота,
Со служанкой решил поиграть сирота, —
Так решил он спроста,
Но в руках она держит свой белый кувшин,
«Прочь отсюда, собаки непрошенный сын, —
Говорит, поднимая кувшин, —
Берегись, этим белым кувшином твою
Облысевшую голову я разобью,
Берегись, — разобью!»

А глаза у красавицы гневом горят,
А глаза у красавицы гневом горят,
И тогда, говорят,
Встретив взглядом служанки разгневанный взгляд,
Бедный нартский работник отпрянул назад,
Он отпрянул назад.

В это время взбежал на сыпучий откос
За своею подругой породистый пес,
Вслед за сукой — породистый пес.
К ней принюхаться вздумал породистый пес.
К ней принюхаться вздумал породистый пес.
Но ответ ее полон угроз,
Только всё же ему поддается она,
И какой рождена, остается она,
И сдается она.

Посмотрела служанка на эту чету,
Посмотрела потом на слугу-сироту,
Посмотрела вокруг
И сомлела, податливой сделалась вдруг,
И сомлела, податливой сделалась вдруг,
И кувшин ее выпал из рук.
Понял нарт молодой, понял нарт молодой:
Запылала служанка, придя за водой,
И ее опален красотой,
Повалил он служанку на берег крутой,
Повалил он служанку на берег крутой, —
Так осенней порой золотой
Круторогий самец подминает овцу,
Круторогий самец подминает овцу, —
И она поддалась молодцу.

Он служанке сказал столько нежных речей,
Обнимал он ее горячей, горячей,
Целовал горячей, горячей,
Он с рабыней прилег, сделал всё, что он мог,
Нартский парень, как надо, рабыне помог,
Сделал всё, что он мог...

Он плывет по Адилу в полуденный зной,
Он плывет и срезает волну за волной,
Он срезает волну за волной.
Сто овец на зеленом лежат бережку,
Сто овец ему отдал пастух Созукку,
Отдал честный пастух Созукку.
Созукку был доволен, что совесть чиста,
Был доволен и нартский слуга-сирота,
Нартский парень, слуга-сирота.

СОДЖУК, СЫН СОДЖУКА

В семействе Соджука было девять братьев. Самого младшего тоже звали Соджуком. Он водил лошадей на водопой, и при этом поступал так: хвосты лошадей привязывал к прибрежным деревьям, а на отмели собирал белые и черные камни. Белые камни он превращал в белых баранов, черные камни — в чер-

ных баранов. Однажды за этим занятием застал его один из братьев, и тотчас же пошел к старейшей и мудрейшей женщине селения и поведал ей о том, что видел своими глазами. Мудрая старуха дала такой совет:

— Постройте, девять братьев, у распутия семи дорог семь загонов, таких, чтобы в каждом поместилось по семьсот баранов. Загоните в эти загоны семь старых-престарых баранов. Дайте Соджуку одного щенка, еще ни разу глаза не раскрывшего, и одного ребенка. Пусть втроем стерегут загоны. Через семь лет придите к ним.

Братья поступили так, как им посоветовала мудрая старуха. Прошло семь лет. Братья направились к семи загонам. Увидели они, что загоны полны овец: в каждом было по семьсот голов. Соджук охранял загоны с одной стороны, а с другой — мальчик. Щенок, превратившийся в огромного пса, лежал рядом с ребенком и непрерывно издавал такой звук: «Хуп-хуп!»

— С рождения ты был дураком, не догадался отделить яловых овец от дойных! — крикнули братья на Соджука.

Соджук молчал. Братья отобрали яловых овец, приказали Соджуку пасти стадо. Перегоняя яловых с места на место, Соджук вышел к урочищу Кайынлы.

Было жарко. Стадо легло на траву. Соджук воткнул пастушью палку в мягкую землю и прилег отдохнуть, укрывшись гебенеком* из серого войлока. Приснились пастуху женщины — одна красивей другой. Проснувшись, он сказал с гневом:

— Надоели вы мне, овцы, будь вы яловые, будь вы дойные, пусть вас волки съедят!

Соджук покинул стадо и направился вниз по левому берегу Адила. По другому, правому берегу шла с ведрами молодая женщина, по всему виду — служанка. За ней бежала маленькая собачка.

А то было время собачьих свадеб. Невесть откуда выбежали псы и, рыча, окружили молодую суку. Она их близко не подпускала: «Хап, хап!» залает, и псы — врассыпную.

Это слышит Соджук,
Захотел он забавы.
В воду бросился вдруг,
Выплыл на берег правый.
И тогда спозаранку
Он утешил служанку!

* Гебенек — верхняя войлочная одежда.

После этого служанка набрала воды и вернулась к своей хозяйке. А та стала кричать на нее:

— Что с тобой случилось, дочь свиньи? Почему одежда твоя смята, волосы растрепаны?

А служанка:

— Я встряхнула постель поутру
Заиграла заря на постели
И втянула меня в ту игру, —
И сомненья меня одолели.

Хозяйка опрометью побежала к своей постели, стала взбивать подушки, встряхивать простыни, лучи солнца о нее ударились, но сомнения хозяйку не одолели.

— Эй, ты, сука, дочь свиньи, тварь гулящая! Почему правду не говоришь? — крикнула хозяйка на служанку.

Служанка страшно испугалась. Помолчав немного, повздыхав, она рассказала хозяйке всю правду, ничего не утаила. Хозяйка приказала слугам:

— Найдите этого пастуха!

Слуги помчались верхом, догнали Соджука, привели его к хозяйке. Хозяйка повесила над огнем огромный котел с водой. Когда вода нагрелась, взяла хозяйка кусок мыла и мылила пастуха до тех пор, пока все мыло не смылилось. Потом накормила Соджука вкусным кушаньем, приготовленным на меду. Потом уложила его в постель, и сама легла рядом, прижавшись к пастуху.

РАЧИКАУ, СЫН ЧУЖЕЗЕМЦА

Некогда пришел к нартам человек с севера. Хотя он и был чужеземцем, нарты приняли его радушно и выдали за него девушку, не потребовав выкупа. Бёдене — так звали пришельца — поселился в ауле Кинте. Он занялся рыболовным промыслом. На ловлю он отправлялся с собакой, которая хорошо плавала, была водолазом, а вслед за ним тащился обоз — сорок арб, а в руке рыболова всегда были медные крючья.

Жила по соседству княгиня. У нее было сорок служанок. Одну из них она любила больше всех остальных, приблизила к себе. Служанка эта вставала на заре и каждодневно ходила за водой к ближнему источнику. Однажды пришла она за водой, а

в это время уже стояли короткие дни зимы, вода в источнике замерзла.

Решила служанка отправиться к реке Адил. Следом за ней побежала собачка Канчик. Внезапно бросились на Канчик матерые, сильные псы, сорок числом. Но Канчик, ошетинясь и скрежеща зубами, принудила сорок псов отступить. Тогда служанка сказала:

— Отдать бы вас, псы, волкам на съедение! Не стыдно ли вам: сорок здоровых кобелей одолела маленькая Канчик! Впрочем, и я бы поступила так же, если бы ко мне начал приставать мужчина, мне противный: прогнала бы его!

Бёдене, который в это время ловил в Адиле рыбу, услышал слова молодой служанки. Он подумал:

«Посмотрим, правду ли ты, красавица, говоришь. Не буду я Бёдене, если не испытаю тебя!»

Когда служанка, набрав воды, стала возвращаться назад и прошла мимо Бёдене, рыбак подошел к ней и сказал:

— Дай мне напиться, добрая девушка!

Не успела служанка ведра на землю поставить, как Бёдене схватил ее. Завязалась между ними борьба. Одолел Бёдене.

Служанка возвратилась на этот раз домой позднее обычного. Княгиня рассердилась:

— Зарежу тебя и отдам твои внутренности глупой Канчик на съедение! Где шаталась, где пропадала? Посмотри на себя: волосы растрепаны, лицо пылает!

Служанка в ответ:

— Госпожа моя княгиня, да перейдут ко мне все твои недуги! На заре я пошла за водой к ближнему источнику. Оказалось, что вода замерзла, и отправилась я к Адилу-реке. Только я на лед ступила, чтобы зачерпнуть студеной воды из проруби, как лед подо мной проломился, я провалилась в воду, — с трудом на берег выбралась. Вот почему волосы мои распущены, а лицо пылает.

Много ли, мало ли минуло дней, а служанка забеременела. Княгиня накинулась на нее:

— От кого ты забрюхатела? Если не скажешь, зарежу тебя, а внутренности отдам на съедение аульным собакам!

— Нет во мне, княгиня моя, того, что ты заподозрила, — оправдывалась служанка. — А дело было так. Убирала я после отъезда гостей постель в кунацкой, перетряхивала простыни. Стало мне жарко и скинула я шаровары. И когда я, княгиня моя, скинула шаровары, упал мне в чрево горячий солнечный

луч, и чрево мое стало округляться, понесла я плод от солнечного луча.

Настало время родов. Боясь гнева госпожи, служанка пошла в заросли кустарника и там родила мальчика, красивого и крепкого. Затем она попросила прославленного нартского кузнеца Дебета, чтобы он изготовил ей железный сундук. Служанка положила сундук изнутри ватой. Накормив как следует свое дитя материнским молоком, служанка положила бережно мальчика в сундук и отнесла к реке Адил. Она постояла на берегу, любясь, сквозь слезы, своим ребенком, и сказала:

— Бог, который послал мне тебя, приведет тебя к твоему отцу Бёдене!

Она столкнула в воду сундук с ребенком. Долго смотрела мать, как плывет по реке сундук, а потом вернулась домой.

Случилось так, что именно в этот день Бёдене рыбачил. Он закинул в реку свои медные крючья, и они зацепились за что-то тяжелое. Бёдене потянул — и вытащил железный сундук. Открыв его, он увидел внутри, на белой вате, красивого черноголового мальчика. Дитя уснуло под мерный плеск речной воды.

Бёдене обрадовался. Он всем сердцем своим жаждал ребенка, а детей у него не было. Он побежал к сотоварищам-рыбачкам и сказал, что ему неможется, что домой пойдет...

Когда Бёдене пришел домой, показал он жене драгоценную находку и велел ей лечь в постель: схватки родовые, мол, начались.

Жена Бёдене так и поступила. Узнали соседки, что она родила сына, и одна сказала другой:

— Говорила же я тебе, что жена Бёдене беременна, а ты спорила, — мол, потолстела она от сытой жизни. Права-то оказалась я!

Жену Бёдене в ауле считали бесплодной, и аульчане удивились и обрадовались, узнав, что наконец-то она разродилась мальчиком. Со всех сторон стали приводить к ней кто баранов, кто коз, чтобы зарезать их в честь такого счастливого события.

Бёдене наварил бузы, созвал нартов на пир, чтобы они благословили его сына, дали ему имя. Назвали нарты сына рыбакова Рачикау.

Рожденный от чужеземца и служанки, Рачикау рос быстро. Стал он славным, сильным нартом. Во всех нартских селениях заговорили о его удали. Весть о нем дошла и до той равнины, где обитал храбрый нарт Сосурук. Рачикау, живший высоко в горах, тоже слышал о подвигах знаменитого Сосурука, рож-

денного из гранита. И вот два богатыря, никогда не видевшие друг друга, стали друзьями, ибо их честная богатырская слава опередила их встречу. Каждый из них клялся именем другого: «Да не умрет в горах Рачикау!» — всегда говорил Сосурук. «Да не умрет на равнине Сосурук!» — всегда говорил Рачикау.

Однажды Рачикау сказал отцу:

— Позволь мне отправиться в путь, посмотреть на белый свет, повидаться с богатырем Сосуруком: подружились мы с ним, хотя ни разу не взглянули друг другу в глаза.

Бёдене отказал своему сыну в просьбе: молод, мол, рано по земным дорогам странствовать. Решил Рачикау уехать тайком. Бёдене проведал об этом и отпустил сына в дорогу, но наказал:

— Если ты не хочешь оставаться дома, то поезжай, куда пожелаешь, только в селение, где живет семейство Схуртука, не заезжай: беда будет.

Рачикау обрадовался разрешению отца и без долгих сборов поскакал куда глаза глядят. Много ли, мало ли дней он странствовал, а приблизился однажды к тому селению, где обитал Ёрюзбек, сын Схуртука, глава партов, со своей вещуньей-женой Сатанай. Служанка Сатанай, по имени Кюлюмхан, пошла в это время за водой и увидела скачущего верхом богатыря. Она быстро вернулась назад и сказала мудрой своей госпоже:

— Сатанай, благодаря тому, что ты умна и красива, много славных наездников приезжает к нам, чтобы полюбоваться тобою, но такого всадника, какой скачет сюда сейчас, не видела я никогда. Впереди его плывет облако, и в облаке кружатся вороны и блещут звезды; грудь его облачена в солнце, на голове его сверкает луна; у ног его коня прыгают белые зайцы! Разве могла я подумать, что на свете есть подобное чудо!

Многомудрая Сатанай, выслушав слова служанки, сразу догадалась, в чем дело. Она сказала:

— Всадник, который приближается к нам, не кто иной, как знаменитый богатырь Рачикау, друг нашего Сосурука. То, что тебе показалось облаком, — пар из ноздрей его коня; вороны — комья грязи, летящие из-под конских копыт; звезды — жаркие искры, что рассыпались из трубки всадника; солнце, в которое облачена его грудь, — кольчуга; луна, сверкающая на голове богатыря, — боевой шлем; зайцы, которые, как тебе показалось, прыгают у ног его коня, — это мелькающий широкий шелковый конец его плетки... Выйди, Кюлюмхан, к нему навстречу, останови богатыря, не то он, пожалуй, к нам не заедет. Но только он приблизится к тебе и, пожелав доброго дня, проедет дальше,

ты скажи ему: «Да будут счастливы твои годы!» А потом прибавь: «Куда, богатырь, ты так торопишься? Преследуешь ли врага, убегаешь ли от него? Мы живем у дороги, и для путников варится у нас еда в котле, приготовлено питье в бочонке. Наш дом принадлежит семейству Сосурука. Отдохни в жилье нашем, а потом, в добрый час, отправишься дальше». Если ты скажешь так, учтиво и почтительно, всадник остановится, иначе — проедет мимо.

Кюлюмхан, запомнив слова умницы Сатанай, вышла на дорогу, остановила всадника, учтиво и ласково поговорила с ним и, как предсказала ей госпожа, Рачикау заехал в дом семейства Сосурука, — заехал себе на горе.

На дворе он спешился, вошел в кунацкую. Двое слуг сняли с него стрелу и повесили ее на гвоздь, но гвоздь сломался и стрела упала на землю, — тяжела была богатырская стрела! Тогда Рачикау воткнул в землю свою железную палицу и повесил на нее стрелу.

Сатанай приказала служанкам, чтобы они испекли большой хлеб из четырех мешков муки. Когда служанки с большим трудом вытащили огромный хлеб из печи, Сатанай разрешила его на четыре части и, положив на круглый стол о трех ногах, велела отнести гостю в кунацкую. Затем трое рослых слуг принесли гостю питье в гоппане — в громадной пиршественной чаше. Треногий стол поставили перед гостем, а гоппан дали ему в руки, говоря:

— Это каждодневная утренняя закуска твоего друга Сосурука.

Рачикау разом осушил громадную пиршественную чашу, которую с трудом поднимали трое рослых слуг, и воскликнул:

— Еще бы один такой гоппан, — утолил бы я свою жажду!

Один за другим проглотил он четыре куска хлеба, испеченного из четырех мешков муки. Пока Рачикау так пил и закусывал, Сатанай послала гонца в дом семейства Алика, где всегда пировали нарты, с вестью, что к ним собирается Рачикау. Подкрепившись, Рачикау сел на коня и поскакал к пирующим нартам.

Неподалеку от дома Алика он встретил крестьянина, который только что сработал крепкую арбу. С топором, в руке, в пахе набекрень, важный и самодовольный, стоял аульчанин около своего изделия, хвастливо озираясь вокруг.

Подъехав к нему, Рачикау спросил:

— Скажи мне, добрый человек, где тут пируют нарты?

— Вон там, — небрежно указал концом топорика хозяин новой арбы.

Такая неучтивость привела Рачикау в бешенство. Он поднял арбу и так ударил ею оземь, что арба разлетелась в щепки. Владелец арбы, пораженный силой и гневом всадника, ничего не сказал и, почесывая затылок, подошел к обломкам новенькой арбы, которой так гордился. А всадник уже скрылся из виду.

Наконец подъехал Рачикау к дому семейства Алика. На страже у дверей дома стоял злоязычный Гиляхсыртан. Он ни за что не хотел впустить Рачикау в дом, где пировали почтенные нарты. Тогда всадник трижды ударил плетью своего коня, и конь перепрыгнул через забор. На дворе Рачикау сошел степенно с коня, не торопясь воткнул в землю железную палицу и повесил на нее оперением кверху свою тяжелую стрелу, держа ее одним мизинцем. Когда Рачикау вступил в дом, нарты встретили его учтиво, как подобает встречать гостя, посадили его на почетное место. Обменявшись, как положено по обычаю, приветствиями, нарты продолжали прерванную беседу. Каждый рассказывал о самом замечательном из совершенных в жизни подвигов. Перед нартами стоял бочонок «агуна», до половины наполненный хмельной бузой. Если рассказ о подвиге был лжив, то питье в бочонке высыхало, а если рассказчик не хвастался, говорил правду, то бочонок трижды наполнялся бузой, — трижды буза переливалась через край, — только бы нарты успели выпить ее!

Дошел черед и до Рачикау. Когда он закончил рассказ об одном из своих подвигов, чудесный бочонок наполнился хмельным питьем. Нарты осушили его, и бочонок наполнился вновь. Так произошло трижды, и троекратно буза переливалась через край бочонка «агуна».

Испив бузы, почтенные нарты пустились в пляс. Первым начал плясать Сосурук. Он велел привезти на девяти арбах круглые речные валуны, разбросал их по полу и плясал на валунах до тех пор, пока не превратил их в мелкий песок. Рачикау впервые увидел своего друга и от всей души любовался его богатирской пляской, подобной вихрю на равнине. Отплясав, Сосурук спросил у нартов, кому передать элию*: к кому подойти и, отвесив поклон, пригласить начать пляс. Нарты сказали:

— Передай элию своему другу Рачикау.

Прославленный гость велел привезти девять арб, нагруженных колючим кустарником. Когда пришли арбы, Рачикау снял

* Э л и я — очередь.

с ног чувяки и босиком стал плясать, и до тех пор он плясал, пока не превратил острые колючки в пыль. Затем он спросил у нартов, кому передать элию. «Гиляхсыртану», — сказали нарты. Рачикау подошел к злоязычному Гиляхсыртану и, не помня того, что тот не хотел его в дом впустить, поклонился ему и пригласил начать пляс. Но Гиляхсыртан отказался:

— Пусть я лучше умру, чем приму элию от того, чей отец — чужеземец, никому не ведомый пришелец!

Рачикау ответил:

— Этого оскорбления я ждал, этого оскорбления боялся. А теперь я у вас не останусь.

Так сказав, Рачикау покинул дом, где пировали нарты. Богатыри успокаивали его, просили прощения, но Рачикау, вскочив в седло, выехал со двора. Тогда нарты накинулись на злоязычного Гиляхсыртана:

— Многое мы терпели от тебя: и брань гнусную, и злословие низкое. Но иссякло наше терпение, ибо теперь ты оскорбил не одного из нас, сородичей твоих, — ты оскорбил нартского гостя. Стыдись, черное ты сердце, хотя бы на этот раз попридержал бы ты свой злобный, суесловный язык!

Хотя у Гиляхсыртана были черное сердце и злой язык, — пристыдили его нарты, и он сказал:

— Ладно, я виноват, оскорбил гостя. Если вы его вернете, то я выдам за Рачикау свою сестру, белозубую красавицу.

Услышав обещание злоязычного, храбрый Сосурук поскакал за своим другом в погоню. Нагнав его, он крикнул:

— Рожденный на земле нартов, воспитанный в Киште, куда ты скачешь так быстро, мой друг Рачикау?

И тогда Рачикау остановил коня, а Сосурук продолжал:

— Хороший наездник прощает коню его усталость, хороший жених прощает невесте ее бедность, а хороший воин прощает глашущу обиду!

Сосурук рассказал затем, как нарты пристыдили Гиляхсыртана, и Рачикау вернулся со своим другом к пирующим богатырям. Но таков уж был нрав у Гиляхсыртана, чей язык был еще более злым, чем его черное сердце: он отказался от своего обещания, нарушил свое слово, он опять оскорбил Рачикау, да еще сильнее прежнего, говоря:

— Лучше живым сойти в землю, чем выдать свою сестру за чужака, рожденного чужаком!

Слова-то эти дерзко он произнес, но могучего гостя испугался, и тут же убежал из дома Алика. Он скрылся в крепости

Чуана, на Кубани. Сосурук и Рачикау пустились за ним в погоню.

Оказалось, что в крепость нельзя войти: она была неприступна. Сосурук, поняв, что Гиляхсыртан сейчас недосыгаем для меча и стрелы, для нартской мести, повернул коня назад, к пирующим партам, а Рачикау остался у ворот, решив: «Как только спустится злоязычный с крепостной башни, — убью его».

Три месяца простоял Рачикау у ворот крепости. Казалось, что шесть ног вкопаны в землю намертво: ноги всадника и ноги коня. На четвертый месяц свалились и конь, и всадник. Конь уже не дышал, а тело всадника уже начало гнить.

Служанки Гиляхсыртана, каждодневно выходившие из крепости за водой, поведали своему господину, что Рачикау мертв, что тело его уже начало гнить. «Не пора ли снять с мертвого богатыря его знаменитую кольчугу, сияющую, как солнце», — советовали девушки. Но Гиляхсыртан не решался покинуть крепость, опасаясь:

— Обманет меня колдун!

На другой день служанки сказали:

— Из колец кольчуги уже выглядывают черноголовые черви. Неужто и теперь ты боишься, не веришь, что враг твой мертв? Пойди сними с него кольчугу, пока она другому не досталась!

Гиляхсыртан согласился наконец спуститься с крепостной башни. Он подошел к труп Рачикау и сказал:

— Лежи, зловонный прах!

Но только Гиляхсыртан склонился над мертвым всадником, чтобы снять с него кольчугу, как внезапно ожил Рачикау, поднялся во весь рост, вынул меч из ножен и крикнул перепуганному насмерть Гиляхсыртану:

— Теперь ты не уйдешь!

Гиляхсыртан в ужасе бросился к крепостным воротам. Рачикау — за ним, но с трудом поспевал оживший из мертвых за злоязычным живым. У самых ворот Рачикау, собрав последние силы, размахнулся мечом и отсек Гиляхсыртану половину черепа.

— Меня ударила молния! — закричал злоязычный, вбежав в крепость и заперев за собой ворота: ему было стыдно перед слугами признаться в том, что его, живого, здорового, одолел оживший из мертвых.

— Пойте «Чоппа!» — кричал Гиляхсыртан. — Эта песня поможет тому, кто поражен молнией!

Эти слова услышал из-за стены Рачикау. Он сказал:

— Неужели у меня теперь меньше силы, чем у молнии? Если так, то пусть я здесь же умру.

Так сказав, Рачикау упал и умер. Он умер у ворот крепости своего врага. А злоязычный Гиляхсыртан жил еще долго: он сделал себе половину черепа из меди.

Однажды Гиляхсыртан отправился в путь, когда стояла сильная жара. Медная половина его черепа так накалилась, что Гиляхсыртан не выдержал, испустил дух. И до сих пор, говорят в народе, можно увидеть в одной пещере на Кубани медную половину черепа Гиляхсыртана.

А есть люди, которые по-другому рассказывают о смерти злоязычного нарта, и мы с вами еще услышим этот рассказ, а пока пусть дойдет до вашего слуха песнь, которую нарты сложили о Рачикау.

ПЕСНЬ О РАЧИКАУ

Рачикау пустился в дорогу чуть свет.
«Скачет в нартский аул!» — говорят ему вслед.
Чудо-всадник проносится в теплом тумане.
«Едет к нам нартский сын!» — говорят аульчане.

Как под солнцем ледник, блещет воина грудь,
А вокруг него зайцы торопятся в путь.
Он туман раздвигает, а в утренней рани
Чернокрылые галки летают в тумане.

И сверкает кольчуга его, как ледник,
И проворны движенья его, как родник,
И, как заяц, трепещет в руке его плеть,
Скачет нарт — и земля начинает кипеть.

Не от ранних туманов дорога темна, —
Это вырвался пар из ноздрей скакуна.
То не черная галочья стая летит, —
Это комья земли из-под конских копыт!

Останавливает Рачикау коня,
Честным нартам желает он доброго дня.
«Добрый день, — отвечают, — будь счастлив в пути!

Ты нам честь окажи, ты у нас погости.
Будешь гостем, — пребудешь со светлой судьбой,
А не будешь, — пребудет проклятье с тобой».

Братья-нарты коня привязать приказали.
Вот к столбу из железа коня привязали, —
Конь рванулся и выдернул столб из земли.
В удивленье достойные нарты пришли.
Рачикау сказал: «Не нужна ему привязь.
Постоит он в конюшне, друзьям не противясь».

Расседлали коня и повесить на крюк
Приказали седло, но ломается вдруг
Крюк железный и падает наземь седло.
Говорят аульчани: «Оно тяжело,
Тяжелее коня твоего и, наверно,
Боль, что терпит твой конь от седла, — непомерна».

Говорит Рачикау: «Мне тяжесть пужна.
Если легким седлом оседлать скакуна, —
Оторвутся копыта его от земли», —
И опять в удивление нарты пришли.

Угостить собираются гостя на славу,
Ибо щедростью нарты гордятся по праву.
К табуну девять юношей вихрем взметнулись,
С необъезженною кобылицей вернулись.

Вот зарезали, кинули тушу в котел.
Вот и трапезы час благодатный пришел.
Целиком съел всю тушу прожорливый гость, —
Обглодав, он за костью отбрасывал кость.

Девять юношей в погреб спускаются темный
И приносят с бузою кувшин преогромный.
Чудо-гость осушает за чашею чашу:
«Пить хочу — вот и брагу всю выпил я вашу».

Тот кувшин без бузы — поднимают втроем,
А с бузой — даже девять поднимут с трудом.
Целиком осушил Рачикау кувшин,
Уезжать собирается доблестный сын.

Нарт-хозяин коня за уздечку берет,
Говорит: «Удивил ты, наш гость, нартский род!
Кобылицу огромную съел ты один,
Ты бузы осушил непомерный кувшин.
Не падет ли твой конь под неслыханной ношей?
Не зорно ль поступок свершить нехороший?
Бойся кары! Останься, послушай меня!»

«Если выдержит тело земное коня,
Значит, выдержит конь и меня, верхового!» —
Говорит Рачикау короткое слово.

На коня Рачикау вскочил — и вошли
Все четыре копыта в глубь мягкой земли.
Но скакун, поднатужась, их вырвал из плена,
За горами и реками скрылся мгновенно.

КОНЕЦ ЗЛОЯЗЫЧНОГО ГИЛЯХСЫРТАНА

В давнопрошедшие времена был среди нартов некто Жёнгер. Это имя означает «товарищ», «попутчик», имя обыкновенное, но сам нарт отличался большими странностями. По ночам он скакал на конях, что были быстрее ветра, а днем неутомимый наездник зарывался в навозную кучу, говоря:

— Болен я, ломота у меня в костях, навоз мне немного помогает.

Но и в навозной куче не лежал он спокойно, барахтался в ней, раскидывал ее, причинял соседям неприятности.

Узнал об этом нарт Гиляхсыртан, по прозвищу Злоязычный. Он помчался верхом к той навозной куче и заставил своего коня ее топтать. Тогда Жёнгер взмолился из навозной кучи:

— Я болен, ломит меня всего, почему же ты велишь своему коню топтать то место, где лежит больной?

А Гиляхсыртан в ответ:

— Не был бы я Гиляхсыртаном, если бы сразу не разобрался, здоров ли ты или нет. У пса проделки собачьи, навоз пахнет навозом, понятен мне и твой нрав. Но если ты истинный мужчина, то должен сейчас же отправиться и добыть белого жеребца, принадлежащего семейству Жеты, семейству семерых.

Жёнгер сказал:

— В семействе Жеты — семь братьев. Каждую ночь, кроме той, что накануне пятницы, седлают они семь раз своего белого жеребца. Как же я могу его выкрасть? Он содержится за семью укреплениями, его охраняют семь сторожей и семь собак. Как же я могу его угнать?

И тогда Жёнгер услышал от Гиляхсыртана:

— Если твоя сестра Гоша сильно пожелает, то она скажет тебе, как украсть белого жеребца.

Жёнгер, кряхтя, выбрался из навозной кучи и, опираясь на два костыля, побрел к своей сестре Гоше. Удивилась Гоша, что ее брат, который обычно днем в навозе барахтается, приплелся к ней не вовремя, а Жёнгер сказал:

— Ничего не поделаешь, сестрица, пришел спросить у тебя, как мне украсть белого жеребца, принадлежащего семейству Жеты.

Гоша сказала брату:

— Если ты пронзишь одной стрелой семь уток, то я скажу тебе, как украсть белого жеребца.

Вооружившись богатырским луком, Жёнгер направился к речным зарослям. Там плавали семь уток. Он метнул стрелу и пронзил семерых уток одной стрелой. Забрав их, Жёнгер вернулся к сестре. Гоша очистила уток от пуха, омыла их и сказала брату:

— В ночь на пятницу ступай в дом семейства Жеты. Выкопай глубокую яму, да так, чтобы не заметили тебя ни сторожа, ни собаки. Помни, что в другие ночи семеро братьев Жеты седла с жеребца не снимают.

Жёнгер сделал так, как велела сестра: в ночь на пятницу он выкопал глубокую яму во дворе семейства Жеты. Потом подкрался к собакам и дал им мяса, отравленного ядом. Поев мяса, собаки издохли. Затем Жёнгер убил семерых сторожей, разрушил семь укреплений, отвязал от железного кола белого жеребца и угнал коня.

Рано утром семеро братьев Жеты вышли во двор. Смотрят: все собаки издохли, все укрепления разрушены, все сторожа убиты, белого жеребца нет. Заплакали семеро братьев, поклялись, что разыщут вора и отомстят ему.

Пошли братья в путь-дорогу. Обошли они весь белый свет, искали семь лет своего белого жеребца, а не нашли. Поистерлись пальцы на их ногах, железные наконечники на их палках, и вернулись братья без жеребца, без мести, только с одной горькой обидой.

Узнал об их возвращении злоязычный Гиляхсыртан. Он пришел к ним, спросил:

— Чем вы встревожены, чем заняты?

Семь братьев ответили:

— Одно у нас занятие, одна тревога: ищем белого своего жеребца. Ищем — не находим. Видимо, угнал его неземной человек, иначе давно бы нашли.

Тогда злоязычный Гиляхсыртан крикнул:

— Эй, вы, глупцы, увели-то вашего жеребца земные люди, здешние, а вам, тупоголовым, ничего не известно! Залезайте-ка ночью, все семеро, под нартский мост и держите наготове нартские луки!

С этим покинул Гиляхсыртан двор семерых Жеты, но обернулся уже у ворот и добавил:

— Запомните, что сегодня ночью Жёнгер будет переправлять через нартский мост табун лошадей с золотыми гривами и медными копытами.

Наступила ночь. Гул пошел по мосту: это Жёнгер, возвышаясь на белом жеребце, переправлял табун лошадей. Когда последняя лошадь выбралась на берег, семеро братьев пустили в Жёнгера семь стрел. Мертвый Жёнгер упал с белого жеребца. Братья, всё еще пылая мезтью, ринулись к мертвецу: они хотели перерезать мертвое горло. Но ни меч, ни нож, ни топор, ни секира не брали горло мертвого Жёнгера. Решили братья сбросить мертвеца в реку. Но не тут-то было: не могли семеро сдвинуть мертвеца с места. Тогда сказали семь братьев Жеты:

— Видимо, это не Жёнгер. Видимо, злоязычный Гиляхсыртан обманул нас и заставил убить святого. Горе нам!

Так сказав, братья увели белого жеребца и отправились домой.

К утру весть об этом событии распространилась по всему нартскому селению. Толпы людей двинулись к мосту. Увидели жители селения мертвеца, но кто он — не узнали. Хотели поднять его — не смогли. Подъехал к мосту злоязычный Гиляхсыртан. Он спросил:

— Люди, знаете вы этого человека?

— Нет, не знаем, — разом ответила толпа.

— Тогда, — сказал Злоязычный, — соберите сюда всех односельчан, начиная от грудных младенцев и кончая дряхлыми стариками.

Когда люди, от мала до велика, собрались у моста, Гиляхсыртан спросил:

— Все ли явились? Кто остался дома?

— Все явились, — был ответ, — но, быть может, Жёнгер остался, как всегда, барахтается в навозной куче, жалуясь на лому в костях.

— Если так, то сходите за ним и приведите его сюда, — предложил Гиляхсыртан.

Люди пошли в селение, но вернулись без Жёнгера, сказали:

— Нет Жёнгера в навозной куче, всю ее разрыли, — никого не нашли.

Тогда Злоязычный сказал:

— Да, односельчане, нет его в навозной куче, ибо перед вами — труп Жёнгера. Это он угнал белого жеребца, и семь братьев Жеты убили его.

Люди решили, что надо похоронить Жёнгера, как велит обычай, но поднять его не могли. Гиляхсыртан сказал:

— Ступайте к Гоше, сестре Жёнгера. Если она произнесет над мертвым братом слова причитания, то сумеете поднять мертвеца.

Нарты пошли к Гоше, привели ее к трупу брата. Она произнесла над ним слова причитания. Односельчане подняли его и отнесли к месту погребения.

У Жёнгера был брат Турту. Он узнал, что Жёнгер угнал белого жеребца по наущению Гиляхсыртана, что в гибели брата виноват Злоязычный. Решил Турту отомстить Гиляхсыртану.

Пришел тот день в году, когда нарты справляли праздник. Собрались они на свой сход, стали пить бузу годовалой выдержки. Турту сказал:

— Закроем все двери и окна, никого отсюда не выпустим, никого сюда не пустим.

Нарты согласились. Турту стал на страже у ворот. А в это время злоязычный Гиляхсыртан, приняв облик нищего путника, трюсил по нартскому селению на кудехвостой кляче. За ним бежала бесхвостая собака. Турту поставил вместо себя у ворот своего друга, надел доспехи, сел на вороного коня и выехал на ту дорогу, по которой обычно скакал на нартский сход злоязычный Гиляхсыртан. Всадник сказал вороному коню:

— Отвези меня в дом Гиляхсыртана.

Никто не знал, где обитает семья злоязычного нарта, из кого она состоит, но об этом знал вороной конь, понимавший человеческий язык. Когда перед всадником показался бугор, покрытый свежей зеленой травой, вороной конь крикнул по-человечески:

— Бугор, расступись!

Бугор раздвинулся и показалась богато отделанная отворенная дверь. Турту вошел и увидел жену и двух детей — сыновей злоязычного Гиляхсыртана. Они дрожали от страха. Турту сказал:

— Не бойтесь, меня прислал Гиляхсыртан. Вот его слова: «Я виноват пред семьей, держу ее взаперти, прячу от всех, не видят мои близкие белого света. Теперь, Турту, приди к моей семье, зарежь валуха, приготовь угощение. Я позвал нартов к нам в гости».

Брат Жёнгера зарезал валуха, повесил котел с водой над огнем. Пока он разделявал валуха, — закипела вода в котле. Тогда Турту убил жену и сыновей Гиляхсыртана, разрубил их, бросил их в кипящий котел и вернулся на вороном коне к пирующим нартам. Виновен был, тяжко виновен был Турту в смерти неповинных существ, но начало вины исходило от Гиляхсыртана.

Гиляхсыртан между тем почувствовал сердцем недоброе и поехал домой на своей куцехвостой кляче. Собака побежала вслед. Когда злоязычный нарт увидел, что его жена и дети убиты, он от ужаса застыл, превратился в комок земли. Превратились в комки и его кляча и собака, и все трое взлетели к небу.

* * *

Так рассказали нарты о конце злоязычного Гиляхсыртана. Но дошло до нас и другое сказание о том, как угнали белого жеребца.

ШИРДАН И НЁГЕР

«Ай, Нёгер, ты собака, ты вор, лиходей,
Ты пасешь возле кладбища черных свиней! —
Так Ширдан издевается. — Где твоя честь!
Я давно тебя понял, узнал, кто ты есть!
Днем, как пес, ты валяешься в мусорной яме,
Трехвершковыми ночью торгуешь конями.
А по вкусу ли варишь ты пищу в котле?
А живешь ли без горя на этой земле?»

«Правду, горькую правду сказал ты, джигит,
Но что делать — не знаю», — Нёгер говорит.

Отвечает Ширдан: «Эй, Нёгер, вот что сделай.
Есть в семействе Инди конь — скакун масти белой.
Он быстрее, чем сокол, свершает полет.
Не пройти к нему: высятся девять ворот.
Не угнать его: девять замкнуто замков,
Охраняют его девять метких стрелков.
Девять псов стерегут скакуна от врагов,
Девять чутких, не знающих сна, петухов!»

Вопрошает Нёгер: «Как добыть свое счастье?
Эй, Ширдан, как угнать нам коня белой масти?»

«Сделай так, — от Ширдана он слышит слова, —
Петухов-сторожей ты проведай сперва,
Только проса поболе с собой захвати.
Как завидят тебя петухи на пути,
Станут крыльями хлопать и громкоголосо
Закричат — и тогда-то рассыплешь ты просо.
Всё забыв, петухи станут есть эти зерна,
И тогда-то к собакам ступай ты проворно.
Как завидят тебя, как залают, служа,
Разорвать захотят тебя псы-сторожа.
Дай им девять куриных голов: сделай так,
И тогда успокоишь ты девять собак.
А когда успокоишь ты псов-часовых,
Ты пройдешь в темноте вдоль бойниц крепостных,
Не заметят тебя девять метких стрелков,
И тогда девяти ты достигнешь замков».

«Эй, Ширдан, а к замкам где найду я ключи?»
«Если просишь совета, — его получи.

Ты прекрасной Агунде доводишься братом,
Но Агунда — сноха в этом доме богатом,
И хранятся ключи от замков у нее.
И когда ты в ее проберешься жилье,
И когда ты окажешься в доме Инди,
Пред сестрою ложись грудью наземь и жди.
Тут и спросит сестра: «Что с тобой, милый брат?» —
Скажешь ей, почему жить на свете не рад».

Вот пришел он безмолвной ночью порой,
Грудью наземь он лег пред Агундой-сестрой.

Устремила Агунда с тревогою взгляд:
«Свет очей, говори, что с тобой, милый брат?
Голодать ли пришлось, холодать ли пришлось?
Говори, не таясь: что с тобою стряслось?»

«Голодать не пришлось, холодать не пришлось,
Но и счастья мне тоже, видать, не нашлось.
Днем лежу, как собака, я в мусорной яме,
Трехвершковыми ночью торгую конями,
И всю выручку ты получаешь сполна,
А никак по душе не найду скакуна.
Потому-то мне кажется пища невкусной,
Потому-то и доля моя стала грустной.
В этом доме, — тебе-то известно, сестра,
Есть красавец-скакун, что белей серебра.
Я рассказы слышал про его быстроту:
Говорят, он догонит орла на лету.
Я слышал: в этом доме обычай таков, —
Скакуна запирают на девять замков,
А ключи от замков у тебя, о сестра!
Потому-то обида моя и остра,
Что ключи от замков ты скрываешь от брата,
Ты, сестрица моя, предо мной виновата!»

Зарыдала Агунда в ночной тишине:
«Ты откуда узнал о красавце-коне?
На меня кто замыслил обрушить напасть?
Ты погибнешь: коня и не вздумай украсть,
Это дело, мой брат, не к добру, не к добру!»
Но и слушать Нёгер не желает сестру.
Отдала ему с плачем Агунда ключи,
К скакуну белой масти пошел он в ночи.

К петухам-сторожам он подкрался вначале,
Бросил проса им, — сразу они замолчали,
А потом перед псами предстал, и во мраке
Стали лаять на дерзкого вора собаки.
Дал им девять куриных голов, — и без лая
Псы легли пред Нёгером, хвостами виляя.
Не заметили вора и девять бесстрашных,
Девять метких стрелков, что стояли на башнях,
А Нёгер все замки разомкнул без преград, —
Белой масти коня увидал конокрад.

Чистым золотом пошло сверкало светлѣ,
На крюке золотое висело седло,
Рядом с ним — из отменного войлока плеть.
Всѣ смотрел бы Нёгер — да не время смотреть.
Беломастного он оседлал скакуна,
Захватил он и плеть — пригодится она.
Девять запер замков, — пусть, как прежде, висят,
И отнес все ключи он Агунде назад.
Из аула он вывел коня белой масти
И умчался, как птица, не зная напасти.

МЕСТЬ МАЛЬЧИКА АЧИМЕЗА

На Тереке, в местности, именуемой Насыран, жил славный нарт по имени Ачи. А на Кубани, на левом берегу реки, близ укрепления Хумари, жил богатый человек по имени Хубун. Душа у Хубуна была алчная, жестокая, несколько раз он совершал кровавые набеги на владения Ачи и в схватках убил шестерых сыновей Ачи, смелых и честных джигитов.

Жажда мести заклокотала в сердце Ачи. Нашал он на земли Хубуна и, уловив удобное время, угнал огромный табун одномастных коней, которыми гордился кровожадный Хубун. Убийца сыновей Ачи бросился за ним в погонию и нагнал нарта около устья реки Джегуты, что справа впадает в Кубань. Завязалась между ними битва, и длилась она три дня и три ночи. На четвертое утро Хубун убил нарта Ачи. Он привязал мертвого врага к хвосту его буланого коня и отпустил буланого на волю. Верный конь притащил домой свою горестную ношу.

У Ачи был брат, который именовался так же, как и местность, где это семейство обитало, — Насыран. Увидев, что Ачи убит, Насыран зажегся огнем мести. Он замыслил убить убийцу своего брата.

Созвал Насыран испытанных друзей, смелых нартов. На зов его примчались Сосурук, Рачикау и другие славные богатыри, и двинулись всадники к владениям кровожадного Хубуна. Достигли они того места, где Джегуты впадает в Кубань, но вынуждены были остановиться: река бурно и сильно разлилась, нарты не могли через нее переправиться. Делать было нечего, Сосурук, Рачикау и их спутники-нарты вернулись назад, а Насыран со своим отрядом расположился на берегу реки. Так и стояли сто-

яшкой, ожидая того, чтобы река успокоилась, и только изредка совершая небольшие набег на владения противника.

Когда Ачи был убит, жена его носила под сердцем плод. Настал срок, и родила она сына, и назвала его Ачимезом. Через неделю новорожденный начал ходить, через две — играть со взрослыми мальчиками в нартские игры. Однажды во время игры мальчики упрекнули Ачимеза:

— Ты такой сильный и ловкий, а не думаешь даже о том, чтобы наказать убийцу твоего отца и старших братьев. У тебя на уме только игры и забавы, а отец твой лежит в земле, неотомщенный.

Ачимез и не слыхал о том, что отец его был убит. Задумался мальчик, заволновался, тревога его охватила, стал он спрашивать мать, но мать, жалея ребенка, не хотела ему открыть, кто убийца его отца. Тогда мальчик решил попросить совета и помощи у сотоварищей по играм: пусть скажут, как выпытать у матери имя убийцы. Один из мальчиков сказал:

— Попроси у матери горячей халвы. Она тебе подаст ее на блюде, а ты не бери, — хочу мол, взять прямо из рук твоих. Она согласится, и тогда ты изо всей силы сожми ей руку, в которой горячая халва. Станет ей нестерпимо больно, не выдержит она этой муки, откроет тебе, кто убийца твоего отца.

Ачимез поступил так, как посоветовал тот мальчик, — и узнал от матери имя убийцы его отца и шестерых братьев. Решил он исполнить святой долг нартской мести, но не было у него ни коня, ни оружия. Он обратился к матери:

— Скажи, матушка, не осталось ли от отца надежного коня и богатырского вооружения?

— Осталось. Его буланый конь пасется на лугу, а оружие хранится в черном сундуке. Но мал ты еще, где тебе сесть на буланого коня, где тебе владеть богатырскими доспехами!

Ачимез пропустил эти слова матери мимо ушей. Он побежал на луг, поймал отцовского буланого коня, оседлал его (а конь все поглядывал на него с насмешкой и недоверием), сел на буланого и троекратно ударил его крепкой плетью. Конь трижды взвился к небу и трижды спустился на землю. Понял буланый, что сильный всадник ему достался, истинный нарт, и сказал на человеческом языке:

— Ни один воин, кроме твоего отца, ни разу не осмелился сесть на меня. Теперь обещаю, что буду тебе служить с такой же преданностью, как служил отцу твоему, ибо ты достойный сын своего отца!

Всадник и конь поклялись друг другу в верности. Ачимез облачился в боевые доспехи своего отца и помчался к берегам Кубани, чтобы исполнить задуманную месть. К вечеру он добрался до реки, верстах в трех выше того места, где расположился отряд его дяди. Хотя река сильно разлилась, хотя Кубань громко ревела, храбрый Ачимез переправился на левый берег, развел костер, устроился на ночлег.

С правого берега, в отряде Насырана, заметили пламя на другом берегу, подумали: не появился ли Хубун? Воины решили: надо отправиться на разведку. Но никто не осмелился переправиться через ревущую реку, никто не пожелал по доброй воле вступить в поединок с бурным разливом. Тогда воины бросили жребий, и жребий пал на самого Насырана, предводителя отряда.

Не без страха и трепета переправился Насыран через бурно разлившуюся, ревущую Кубань. Кое-как он одолел кипящие валы, вышел на берег и робко приблизился к костру. Удивился Насыран, увидев буланого коня покойного брата, а возле огня — незнакомого мальчика. Произнес он, как велит обычай, приветствие и спросил:

— Кто ты, мальчик? Какого отца сын? Зачем ты здесь? Откуда у тебя буланный конь?

— Я — Ачимез, сын Ачи, — ответил мальчик. — Буланный конь у меня от моего отца. А здесь я потому, что хочу убить того, кто убил моего отца.

Слова мальчика потрясли Насырана. Его брат и шестеро племянников были убиты Хубуном, откуда же у него появился новый племянник? Он вспомнил, что, когда Ачи пал от руки Хубуна, жена брата была беременна. Но только тогда поверил воин словам мальчика, когда узнал день его рождения и подсчитал все сроки. Насыран взял Ачимеза с собой, и они вдвоем, одолевая высокие, бурлящие валы, переправились на правый берег. Воины, узнав, кто этот мальчик и для чего он прибыл сюда, сказали:

— Ты еще мал, Ачимез, еще не можешь ты переносить тяготы воинов. Возвращайся домой.

Ачимез в ответ:

— Не беспокойтесь обо мне, авось я кое-как перенесу тяготы похода. Вы будете воевать, а я — за вашим добром присматривать, ваших лошадей пасти. Короче, буду вам преданным слугою.

Воины согласились. Пожелав им спокойной ночи, Ачимез по-

гнал их лошадей на пастьбу. Собрав и укрыв лошадей в укромной долине, Ачимез поскакал на поиски табунов Хубуна. А пастись эти табуны там, где Теберда впадает в Кубань. Когда один из этих табунов предстал глазам мальчика, Ачимез крикнул, и так громко, так повелительно, что табуны Хубуна, повинаясь чудесному и властному мальчишечьему голосу, последовал за Ачимезом, и мальчик привел сильных и породистых коней к стоянке Насырана.

Могучий топот коней разбудил воинов. Отряд переполошился, все схватились было за оружие, но Ачимез их успокоил:

— То не гул вражьего войска, — то гул пригнанного табуна, а владелец табуна — Хубун. Поскорее возвращайтесь домой с добычей, а не то Хубун пустится за вами в погоню и, если достигнет вас, то еще неизвестно, кому достанется победа.

Воины послушались совета мальчика, поскакали домой, угнав табуны Хубуна. Ачимез поднялся на холм: хотел он увидеть, что делает его враг. А Хубун и впрямь появился верхом на коне, и в глазах его было беспокойство: он искал пропавший табуны. Тут его глаза внезапно остановились на Ачимезе. Он спросил мальчика:

— Не видел ли ты моих коней? Целый табуны пропал!

— Видел, — ответил Ачимез. — Какне-то всадники угнали табуны воп туда, — и он указал в противоположную сторону. — Если хочешь, я поеду с тобой, помогу тебе, чтобы ты не сбился с дороги, вместе и найдем табуны.

Поскакали вдвоем. Вскоре они выехали на гору, близ того места, где теперь находится селение Кардан. Мальчик остановил Хубуна и сказал:

— Я обманул тебя. Это я угнал твой табуны и отпавил его вместе со своими храбрыми воинами домой, на Терек.

Хубун остоябенел. Он выпучил в изумлении глаза, налитые кровью гнева, и прохрипел:

— Как ты посмел, щенок, обманывать меня, старого человека? Как посмел угнать нажитое мною добро? Да я из тебя все внутренности вымотаю и брошу собакам на съедение.

— Я посмел тебя обмануть, я посмел угнать нажитое тобою добро, — с достоинством ответил мальчик, — ибо я Ачимез, сын убитого тобою Ачи, брат убитых тобою джигитов. Я приехал, чтобы отомстить тебе за их гибель. Теперь посмотрим, кто победит, — старый пес или молодой щенок.

И тогда мальчик и старый воин вступили в единоборство. Поединок длился целый день. Увидел Ачимез, что сплю врага

не возьмешь, и прибеж к хитрости: упал, притворился мертвым. Хубун склонился над ним, но не нашел ни одной раны на теле его. Понравился смелый мальчик Хубуну и почувствовал он в своем жестоком сердце сострадание, сказал:

— Несчастный мальчуган, ты умер от страха и усталости.

Хубун взял Ачимеза к себе в седло, поскакал домой. Дома с помощью молодой жены своей уложил он Ачимеза в сарае на ночь, решив: «Утром похороним мальчика».

Когда в доме Хубуна всё стихло и погрузилось в сон, Ачимез бесшумно вышел из сарая, прокрался в спальню Хубуна, снял висевший на стене над его головою меч и обезглавил убийцу своего отца и братьев своих.

В это время проснулась жена Хубуна. Увидел Ачимез, что она еще совсем молоденькая и красоты неопикуемой. Не по своей воле пошла она за старого, жестокого Хубуна. Сказал ей Ачимез:

— Ты будешь мне женой.

Взял Ачимез красавицу — жену Хубуна, взял добро Хубуна, взял коней и слуг Хубуна и поскакал к себе домой, на Терек, стал сильным и богатым нартom, предводителем храбров.

СОЗАР, СЫН ГЕЗОХА

Шестьдесят всадников было в роду Гезоха. Пришла чума и уничтожила весь род его. А сам он был убит в стычке одним князем. В живых осталась только жена Гезоха, дочь Индила. Она была в ту пору беременна. Через несколько месяцев она благополучно родила крупного, крепкого мальчика, сверкавшего, как золотой слиток. Мать назвала его Созаром. Нарт Ахсак-Темир усыновил его.

Мальчик рос в доме своего приемного отца, рос храбрым и сильным. От Ахсак-Темира он узнал имя князя — убийцы его отца. Однажды, когда он соревновался с другими мальчиками в стрельбе из лука, Созар сказал:

— Если не отомщу ему за смерть своего отца, то не достоин я носить напаху нарта. Клянусь, что свершу мечь!

Сверстники удивились:

— Кому ты грозишь смертью?

— Я знаю того, кому я должен отомстить, — произнес мальчик.

Шли годы. Однажды Созар спросил приемного отца:

— Осталось ли какое-нибудь имущество от отца моего?

Ахсак-Темир привел Созара к черному сундуку, приподнял крышку и сказал:

— Вот оружие и доспехи твоего отца, твое наследство. Бери его. Видишь уздечку? Сходи с ней к Чариш-Тёбе, к тому кургану, возле которого парты устраивают скачки. Дойдя до кургана, зазвени уздечкой. Услыжав ее голос, прибегут кони нашего рода. Какой из них просунет голову в уздечку, того и возьми, не колеблясь, и дай клятву, что коня этого будешь всегда беречь, охранять, любить. Помни, что твои враги станут отныне и врагами твоего коня.

Созар взял уздечку и пошел к кургану. На голос зазвеневшей уздечки выбежали из кустарников несколько коней. Среди них был неказистый гнедой жеребенок. Он прибежал к Созару раньше всех и просунул свою влажную мордочку в уздечку. Не поправился он Созару. Юноша отогнал жеребенка, крикнул:

— Да съедят тебя волки! К чему ты мне, грязный, беспомощный! Не возьму тебя!

Снова Созар зазвенел уздечкой и снова просунул в нее мордочку упрямый жеребенок. Тогда Созар подумал:

«Не очень-то он красив, силенок в нем маловато, но, может быть, получится из него добрый скакун. Возьму его».

Созар погладил жеребенка и надел на него уздечку. И как только надел уздечку, — жеребенок стал двухлеткой, когда его Созар оседлал, — стал трехлеткой, а когда юный всадник сел на него и взмахнул плетью, — стал четырехлеткой. Обрадовался Созар, ласково провел рукой по его гриве и поклялся:

— Буду тебя беречь, охранять, любить.

А жеребенок, так чудесно и быстро превратившийся в богатырского гнедого коня, сказал на языке человеческом:

— Если ты сын Гезоха, то должен быть храбрецом. Увидишь, я не опозорю тебя. Около реки Адил пасется табун отменных коней. Хозяин их — Элия. Чтобы отомстить за отца, ты должен угнать этих коней. Если мы совершим угон повыше урочища Нозарин, то молния тотчас же убьет князя Темир-Чокку. Он-то и повинен в смерти твоего отца. Через реку Адил проложен медный мост. Мы будем в безопасности, если перейдем через медный мост незаметно для Элии, владельца табуна. Сторож моста — черный орел. Увидев нас, он сразу же полетит к хозяину. Если ты окажешься истинным джигитом, если удержишься на мне, то и я тебя не подведу. Скакать по мосту нельзя, его надо перепрыг-

нуть. Но прежде чем совершить прыжок, ударь меня дубовым ярмом.

Созар взмахнул плетью, и в два прыжка гнедой достиг моста на реке Адил. Всадник спешился, крепко подтянул медные подпруги, снова сел в седло и, понукая коня — «учух-учух!», ударил его дубовым ярмом.

Гнедой перепрыгнул через мост. Прыжок его был похож на полет орла. Когда гнедой опустился на берег, все его четыре копыта вошли глубоко в землю. Чтобы вытащить их, гнедой напряг всю свою богатырскую силу и мощным рывком вытащил ноги из земли. Огромные комки земли разлетелись в разные стороны, а иные ударились о медный мост, и мост загудел. От медного гула проснулся сторож моста — черный орел. Он взметнулся ввысь и полетел к своему хозяину — Элие, чтобы сообщить о всаднике на гнедом коне. Гнедой сказал:

— Плохо наше дело, Созар. Если ты сын Гезоха, то убей черного орла, иначе не мы, а чужие соберут урожай с нашего поля.

Созар метнул стрелу, и она пронзила черное крыло орла. Орел рухнул на землю.

— Бог битвы спас тебя и меня от страшного врага, — сказал гнедой. — А теперь угоним табун.

Гнедой трижды перевернулся на песке и трижды — на зеленой, клейкой земле. А когда он поднялся, то было видно, что конь стал огромным, как гора Бештау. Разумевший человеческую речь, он сказал Созару:

— В табуне есть золотохвостый жеребец. Его пища — песок и клейкая земля. Как только он увидит нас, то ринется на меня. Начнется между нами поединок. Если я его одолею, то убей его. А если ты поймешь, что он одолевает меня, то смотри, не растеряйся, накинь на него уздечку и оседлай его. Когда ты сядешь на золотохвостого и тронешься с места, весь табун пойдет за тобой.

Созар приблизился к табуну. От коней отделился золотохвостый жеребец и ринулся на гнедого. Между конями начался поединок. Увидел Созар, что золотохвостый побеждает гнедого. Тогда Созар схватил жеребца за шею, надел на него уздечку, крепко подтянул подпругу и вскочил на него. Жеребец озлобился. Трижды он взметнулся на небо и трижды опустился на землю. Сильна была его ярость, но сильнее была сила всадника. Как ни старался жеребец, а не свалил Созара. Тогда золотохвостый сказал:

— Ты всем богатырям богатырь. Нет во вселенной тебе равных. Если я буду конем, тебя достойным, то и ты будешь всадником, достойным меня.

И еще сказал жеребец:

— На берегу реки Адил ты найдешь медное корыто. Из него мы пьем целебную воду. Если ты привяжешь корыто к моему хвосту, то весь табуи пойдет за нами.

Созар сделал так, как сказал жеребец: он привязал к его золотому хвосту медное корыто. И тогда весь табуи двинулся вслед за золотохвостым жеребцом. Созар погнал коней повыше урочища Нозарни. Загремел гром, ударила молния, и убила молния князя Темир-Чокку. Так Созар отомстил за своего отца. Он погнал табуи к приемному отцу, а рядом с ним скакал его гневной конь, разумевший язык человека.

ЧЮЕРДИ И АЛЛАХБЕРДИ

Было некогда большое, многолюдное селение цартов. То ли из-за чумы, то ли из-за другой напасти, покинули жители свое селение, переселились в другое место. Осталась только вдова на последнем месяце беременности. Нарты опасались взять ее с собой, ибо тяжело страдала будущая мать, ходить не могла. Выкопали нарты глубокую яму, спрятали туда несчастную женщину, оставив ей принасы пшеницы, воды и снаряжение. Сказали:

Если родишь мальчика, — дашь ему боевые доспехи партского мужа.

Родился мальчик. Женщина назвала его Чюерди. За пять месяцев Чюерди вырос так, что сравнялся с пятнадцатилетними отроками. Увидела мать, что он — воин и охотник, и вручила ему доспехи партского мужа. Чюерди стал охотиться на оленей и маралов, кормил себя и мать, а шкуры этих животных сделались одеждой для двух людей, обитавших в яме посреди безлюдья.

Однажды, охотясь в дальних местах, Чюерди увидел богатый дворец. Оказалось, что владелец дворца — пятиглавый эмеген. Из пяти глоток чудовища вырвались слова:

— Зачем пришел, мясо человеческое?

Какими словами мог ответить Чюерди на такой злобный вопрос? Он вступил с эмегеном в поединок. Эмеген обхватил Чюерди огромными ручищами, поднял над собой, бросил со всего

размаху и воткнул до колен в землю. Затем вытащил охотника из земли, снова поднял и бросил его с такой силой и яростью, что сам вошел в землю по самые подмышки. Но тогда пришел в ярость и Чюерди, вытащил эмегена из земли, приподнял пятиголового, бросил его со всего размаху и с такой силой, что воткнул эмегена в землю по самые пять его макушек. А потом придавил пятью большими камнями пять его макушек, торчащих над землей, и пошел своим путем.

Долго не возвращался Чюерди с охоты. Мать, ожидая сына в жилье-яме, забеспокоилась. Полна тревоги, отправилась она на поиски сына. Много ли, мало ли прошла, а услышала однажды нечеловеческий стон, повторенный пятикратно. Оглянулась — увидела пятиголового эмегена, воткнутого в землю по самые пять макушек, а на макушках — камни.

Еще не разглядев, но уже почувяв человека, эмеген крикнул: — Эй, существо из рода человеческого, убери камни с моих голов, и я дам тебе дворец, полный золота и жемчугов!

Женщина не согласилась. Эмеген предложил ей пять дворцов, но и тут получил отказ. Расслышав, что отказ произнесен женским голосом, эмеген сказал:

— Буду твоим мужем.

Обрадовалась вдова, сразу согласилась, отбросила в сторону камни и вытащила эмегена. Эмеген повел ее в свой дворец. Пили, веселились, ночью легли рядом. И в ту же ночь женщина забеременела.

Утром она возвратилась в свое жилье-яму. На закате, после долгой отлучки, пришел домой охотник Чюерди, — охота была удачной, принес джигит большую добычу. Рассказал Чюерди матери, что есть за перевалом богатый дворец, что остался дворец без владельца. Решили мать и сын, что нечего им жить в яме, надо переселиться во дворец.

Переселились. Не знал Чюерди, что во дворце, в дальнем покое, прячется от него пятиглавый эмеген — муж его матери.

Прошло время, снова Чюерди отправился на охоту. Мать его родила мальчика и назвала ребенка Аллахберди — Богоданным.

Вернулся с охоты Чюерди. Увидев мальчика, он сказал:

— Откуда он взялся?

Мать ответила:

— В тот раз, когда ты долго не возвращался с охоты, и я, полна тревоги, отправилась тебя искать, увидела на земле следы многих путников, шедших вместе. Пошла я по следам и нашла этого мальчика. Видимо, он заблудился, отстал от своих. Он

громко и горько плакал, мне стало жаль его, я взяла ребенка на руки и принесла его домой. Имя ему я дала Аллахберди.

— Хорошо ты сделала, — обрадовался Чюерди. — Будет у меня теперь нартский брат.

Аллахберди рос быстро, не по дням, а по часам. Через год стал Чюерди брать его с собой на охоту. Но однажды Чюерди решил поохотиться без младшего брата. Аллахберди остался дома.

Мать прятала от Чюерди своего мужа-эмегена, и тому это надоело. Когда Чюерди ушел, эмеген сказал:

— Что у меня за жизнь, — в собственном доме прятаться должен! Убьем Чюерди, иначе нам жизни не будет!

Вот что надумали женщина и эмеген. В лесу растет в изобилии алыча. Соберут они алычу, сварят ее в большом котле, да так, чтобы ягодное варенье получилось густое-прегустое. Когда Чюерди вернется домой, опрокинут они варево на пол, а полы во дворце гладкие, скользкие. Чюерди ступит на пол — и поскользнется, упадет. Тут-то бросится на него эмеген и убьет его.

Весь этот разговор подслушал Аллахберди. Вскоре вернулся Чюерди, усталый и голодный, с большой добычей. Уже на пороге дома он сказал:

— Я голоден, мать.

А мать:

— Еда готова, сынок, сними колчан и стрелы, сними шкуры убитых животных, садись за стол.

Чюерди снял с себя колчан и стрелы, снял шкуры убитых животных, отдал матери. Она отнесла их в другой дворцовый покой, спрятала там, вернулась к сыну. Подошла она к большому котлу, висевшему на цепи над огнем, но вдруг, будто ненароком, споткнулась, и алычовое варево вытекло из котла на пол. Чюерди, обеспокоенный, крикнул:

— Ты обожжешься, матушка!

Он быстро подбежал к матери, чтобы уберечь ее от кипящего навару, но поскользнулся, упал. Тут-то ринулся на него сзади эмеген. Началась между ними борьба. Так как Чюерди уже лежал на полу, то эмегену легко было его одолеть. Он связал ему руки и ноги. Мать схватила нож, подала эмегену. Тот приготовился было зарезать пасынка, но неожиданно появился Аллахберди, сказал:

— Чюерди таков, что и связанный вырвется. Вы оба, ты и

мать, должны крепко держать брата, а нож дайте мне, я зарежу Чюерди.

Взял Аллахберди нож, размахнулся, обезглавил эмегена. Голова чудовища с жалобным писком покатилась по полу в густом алычовом вареве. Жену эмегена, замышлявшую убийство сына, обуял страх, который оказался смертельным, — она скончалась. Аллахберди развязал брата, освободил его.

Зажили братья во дворце вдвоем. Однажды они вошли в дальний покой, где прежде прятался от пасынка эмеген, и среди всякого хлама обнаружили нартское золотое кольцо: видимо, эмеген когда-то ограбил одного из богатырей. Это было особенное, вещее кольцо. Если где-нибудь в мире проливалась кровь, то с кольца капала кровь, а если в мире было тихо, покойно, то с кольца капало молоко.

Поняли Чюерди и Аллахберди, что возвысила их судьба, одарив их вещим кольцом, и дали они обоюдную клятву, что всегда будут по-братски верны друг другу. Захотелось Чюерди на мир посмотреть, и сказал он младшему брату:

— Оставайся во дворце, охраняй его. Не снимай с пальца вещего кольца. Если с него будет капать молоко, — живи без тревоги, а начнет капать кровь, — немедленно отправляйся в ту сторону, куда я пойду: кольцо само приведет тебя ко мне.

Так сказав, Чюерди надел боевые доспехи и отправился на восток. Много ли, мало ли пробыл в пути, а дошел он однажды до нартского селения. Увидел: нарты пускают из луков стрелы, и мишенью служат им ножницы. Подойдя к стрелам, Чюерди спросил:

— Для чего вы целитесь в ножницы?

А нарты:

— За того из нас, кто попадет в ножницы, хан выдаст свою дочь.

Чюерди попросил у нартов разрешения метнуть стрелу. С первого же раза он попал в ножницы. Хан выдал за него свою дочь. После первой брачной ночи, рано утром, Чюерди снова пустился в путь. Он достиг другого нартского селения и увидел: джигиты целятся в наперсток, а наперсток — на вершине горы.

Получив дозволение, Чюерди метнул стрелу и сразу же попал в наперсток. В награду получил он в жены самую красивую девушку того селения. После первой брачной ночи, на заре, Чюерди снова пустился в путь, и в третьем нартском селении увидел, что джигиты целятся в иголку, а иголка — на небе. С согласия нартов и с первого же выстрела Чюерди попал в ми-

шень, иголка слетела на землю. За него выдали самую знатную девушку селения. После первой брачной ночи вышел Чюерди утром на улицу. Подошел к нему почтенный человек, начал жаловаться:

— Живет здесь поблизости вожак эмегенов. Каждый год приходит он к нам со своими эмегенами за данью, забирает скот и людей и уводит их к себе. Помогни нам, ибо ты меткий стрелок.

Чюерди сел на коня и помчался к обиталищу эмегенов. Три дня и три ночи длилась его схватка с чудовищами, и те одолели Чюерди, пленили, бросили в глубокое подземелье.

...Аллахберди, просынаясь, прежде всего смотрел на кольцо. Шесть дней с кольца капало молоко, и Аллахберди был спокоен. На седьмой день, прислушавшись, увидел он, что с кольца капает кровь. Он вскрикнул:

— Горе мне! Чюерди погибает!

Аллахберди надел доспехи нарта и отправился на восток — в ту сторону, куда пошел его брат. Если он избирал неверную тропу, то кольцо сжимало его палец, причиняя тяжкую боль, до тех пор, пока Аллахберди не находил правильную тропу. На закате он прибыл в первое нартское селение. Аллахберди, когда вырос, стал так похож на старшего брата, что ханская дочь, увидев его, приняла его за своего мужа и уложила спать рядом с собой. Ей и в голову не приходило, что она лежит не с Чюерди, а с его братом, только было ей горько, что муж не трогает ее, говоря, что устал.

Аллахберди пошел дальше, ведомый вещим кольцом. И вторая, и третья жена Чюерди принимали его за своего мужа, укладывали спать рядом с собой, и Аллахберди поступал с ними, как с первой женой брата.

Наконец достиг Аллахберди обиталища эмегенов. Увидел глубокое подземелье, а на дне — Чюерди. Вытащил он пленника, рассказал обо всем, что случилось на пути. Чюерди спросил:

— Трогал ты моих жен?

— Не трогал, — сказал Аллахберди.

Чюерди не поверил брату. Тогда Аллахберди предложил:

— Метнем стрелы на небо. И попросим теңри, владыку богов, чтобы он вернул обратно стрелу на голову того, кто виноват. И пусть стрела пронзит виновного от макушки до пятки.

Чюерди согласился. Братья метнули стрелы в небо. Всемогущий теңри вернул обратно обе стрелы, но одна из них пронзила голову Чюерди и вышла через пятку.

Так умер охотник Чюерди. А его брат Аллахберди уничтожил всех эмегенов и пришел к нартам. И нарты зажили мирно, спокойно, и с кольца Аллахберди с тех пор на землю нартов капало только светлое молоко.

ОХОТА НА ЛИСИЦУ

Говорят, что охотились нарты на лис.
На охоту однажды втроем понеслись:
Ерюзмек у них старший, в боях поседельй,
Сибилчи у них средний, в речах неумельй,
Сосурук у них младший, младший — железнотельй.
Поскакали все трое вдоль горной гряды.
Ищут всадинки черной лисицы следы.
Стерегут они место ночлега ее,
Где примята трава после бега ее,
А бежит она там, где грохочут обвалы,
А ночлег ее там, где гранитные скалы,
А дорога ее — среди глубоких расселин,
Где под снегом сверкает на выступах зелень.

Храбрецы поскакали чуть свет, говорят.
Наконец-то нанали на след, говорят.
Но пронаала лисица, лисица ушла!
Между тем над горами сгущается мгла.
Темнота поглотила гранитные выси,
А в ночной темноте след не сыщется лисий.
Нартам хочется есть, а припасов-то нет,
Мир, куда бы ни глянули, мраком одет.

Но заставит ли нартов тревожиться враг?
Не пугают бесстрашных ни голод, ни мрак,
Никого не боятся они на земле.
Порешили: «Устроим почлег на скале».
Камни гор превратили охотники в ложе,
Стали сами на горные камни похожи,
И повесили луки на выступы скал,
И укрылись теплом облаков-одеял.

Ждут рассвета охотники, нартам не снится:
Неужели схитрила и скрылась лисица?

Рассвело. Посмотрели все трое вокруг,
Посмотрели опять и увидели вдруг:
Осторожная, мехом одетая черным,
Появилась лисица на выступе горном.

Поскакали все трое вперед, говорят.
Три стрелы устремились в полет, говорят.
Поднялись трое нартов на выступ скалы,
Оказалось в глазу у лисы три стрелы!

Шкуру с черной лисицы содрали, но скоро
Разгорелась меж нартами шумная ссора:
Лисья шкура — одна, а охотников — трое.
Порешили: «Вернемся в селенье родное,
Сатанай многомудрой поручим дележ».
Был совет Сатанай многомудрой хорош:

«Разве спорят мужчины, одетые в бурки,
Из-за шапки одной — из-за маленькой шкурки?
Разве нартский хотите нарушить обычай?
Лисья шкура да будет всех нартов добычей,
И меж вами на этом да кончится спор».

Лисью шкуру добычей всеобщей с тех пор
Признавал нартский род, богатырский и вольный,
И три нарта-охотника были довольны.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Слово об эпосе	5
--------------------------	---

Нарт Ёрюзмек

Как Ёрюзмек стал вожаком нартов	15
Как Ёрюзмек убил красноликого рыжебородого Фука	19
Сатанай — дочь Солнца и Луны	24
Сатанай спасает Ёрюзмека от гибели	27
Как Сатанай обманула Ёрюзмека	29
Ёрюзмек и пляшущие бесы	31
Ёрюзмек, белый олень и черная лисица	34
Ёрюзмек и старый эмеген	38
Ёрюзмек и Ногай-Коротыш	42
Ох-ох-ох	47

Нарт Сосурук

Рожденный из гранита	53
Как Сосурук добыл огонь	55
Сосурук и Сибилчи	58
Сосурук и бесы	63
Как Сосурук овладел мечом эмегена	64
Сосурук в подземном мире	68
Сосурук и железное колесо	77

Нарт Дебет

Про первого нарта	81
Нартский кузнец	83
Гу и Чехни — сыновья Дебета	85
Как зло вошло в род нартов	87
Как Алауган женился	93

Нарт Карашауай

Клятва коня и юноши	96
Дебет испытывает силу влука	100
Карашауай отправился в поход	101
Карашауай и Чугунная Голова	106
Карашауай и его родня со стороны матери	108
Карашауай и незнакомый джигит	110
Карашауай и прекрасная Агуида	112
Карашауай не умер и умереть не может	115

Нартские охотники и пастухи

Пастух Созукку	118
Соджук, сын Соджука	122
Рачикау, сын чужеземца	124
Песнь о Рачикау	132
Конец злоязычного Гиляхсыртана	134
Ширдан и Нёгер	138
Месть мальчика Ачимеза	141
Созар, сын Гезоха	145
Чоерди и Аллахберди	148
Охота на лисену	153

Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт

ДЕБЕТ ЗЛАТОЛИКИИ И ЕГО ДРУЗЬЯ

(балкаро-карачаевский нартский эпос)

Перевел на русский язык *С. Липкин*

Редактор *С. Ы. Тепеев*. Художник *Э. И. Левандовская*

Художественный редактор *З. Х. Бгажноков*

Технический редактор *С. С. Кумукова*. Корректор *В. А. Вымякина*

Сдано в набор 14/III 1973 г. Подписано к печати 15/XI 1973 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Физ. печ. л. 9,75+0,3125 вкл. Усл. печ. л. 9,07+0,29 вкл. Уч.-изд. л. 8,44+0,33 вкл. Тираж 25.000 экз. Заказ № 7219

Ч 04400. Цена в переплете № 7 67 коп.

Цена в мягкой обложке 43 коп.

Книжное издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров КБАССР
Нальчик, проспект им. Ленина, 33.